

ФГБОУВО «Ивановский государственный университет»
Шуйский филиал ИвГУ

МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта»
г.о. Шуя

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ
Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск десятый

Шуя 2016

В сборнике представлены материалы XV-XVII (2013-2015 гг.) Чтений по региональной казуальной истории «Уездная старина», проводимых Шуйским филиалом ИвГУ и музеем с 1999 г.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX – начале XX в., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом.

Раздел сборника «В уездном городе N» знакомит с уездной жизнью соседних губерний, раздел «Записки провинциалов: век XX» содержит свидетельства очевидцев о прошедшем XX веке.

Книга адресована широкому кругу читателей.

*Научный редактор
доктор исторических наук Ю. А. Иванов*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Шуйского филиала Ивановского государственного университета*

*В оформлении обложки использован фрагмент вырезки
Капитона Воробьева – уроженца деревни Тепляково Шуйского уезда*

ISBN 978-5-86229-358-6

© Шуйский филиал ИвГУ, 2016

© Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта, 2016

© Коллектив авторов, 2016

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

Е. С. БУТРИН
(г. Иваново)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ «РАБОТНЫХ ЛЮДЕЙ» В ШУЕ В НАЧАЛЕ XVIII в.

Реформы Петра I в конце XVII – начале XVIII вв. были связаны со значительным увеличением как количества, так и объема повинностей, тяжелейшие из которых ложились на податное сословие. Одной из тяжелейших повинностей было предоставление работников и мастеровых для постройки городов и укреплений («рабочая повинность»). Если в предыдущий период эта традиционная повинность была временной и имела достаточно ограниченный характер, то в ходе петровских реформ она становится почти постоянной.¹ Однако А. А. Кизеветтер в своем фундаментальном труде о посадской общине в XVIII в. специально оговаривался, что тема эта осталась вне его внимания.² Мы рассмотрим участие шуйских «рабочих людей» в исполнении казенных повинностей в начале XVIII в. Источниковой базой послужили документы архива шуйской земский избы (ратуши), в значительном числе отложившиеся в коллекции краеведа В. А. Борисова. Ныне она разбросана по разным архивам, но большая часть ее материалов за начало XVIII в. оказалась в Государственном архиве Ивановской области (коллекции Я. П. Гарелина и Д. Г. Бурылина).

Сборы рабочих на казенные службы в начале XVIII в. разделяются на два типа: мобилизация рабочих определенных специальностей («мастеровых») и сборы неквалифицированной рабочей силы («рабочих людей»). Первый вид повинностей распространялся, прежде всего, на посадки, поскольку квалифицированные работники, как правило, концентрировались именно там. Впервые масштабная мобилизация «мастеровых» людей была проведена в ходе постройки флота в Воронеже. Если неквалифицированная рабочая сила на верфи первоначально набиралась среди местного населения,³ то «мастеровые» набирались с городских посадов по всей России.

18 марта 1699 г. было указано отправить в Азов и Таганрог «к строению корабельных пристаней морского каравану» необходимое число кирпичников и каменщиков. Интересно, что оно не определялось «по окладу», рабочих требовалось поставить «где сколкосы-

щетца» в каждом уезде. На посадских бурмистров возлагалась процедура сбора и отправки работников. Шуйский бурмистр Б. Селиверстов должен был «ыскать» каменщиков «наскоро безсрочно», «доправить» на общине, которая предоставляла работника, по 1 р. «в подмогу» им и взять на них поручные записи, по которым они обязывались «стать на Воронеже».⁴

Однако работников этих специальностей в Шуйском уезде не оказалось. Эту «недостачу» шуяне были вынуждены компенсировать отправкой на Юг работников более распространенной специальности – кузнецов. 29 февраля 1700 г. шуйский бурмистр получил память с требованием предоставить на азовские работы 10 кузнецов, которые должны быть направлены «на Валуйку».⁵ 16 марта 1700 г. из Шуи были направлены 9 кузнецов «в Троецкое, что на Таганрогу к строенью причтани морского каравана». Все кузнецы были посадскими людьми: двое М. Б. Лобановых (старший и младший), Ф. А. Лобанов, Г. П. и В. П. Гусевы, Ф. Я. Остатков, Г. А. Дружинин, Ф. Н. Ратаев, Ф. Л. Архангельский. С ними был отправлен провожатый Т. И. Хвостиков.⁶ К 25 марта они должны были прибыть на Валуйки. 19 апреля они были приписаны к рейтарскому полку С. А. Норова и отправлены на таганрогскую пристань.⁷ Именно в этот момент (22 апреля) кузнецами было направлено в Шую коллективное письмо. В нем они сообщали бурмистрам и «всем мирским людям», что сами «здоровы», майор П. С. Кудрявый «пожаловал заступил» за них, записав приезд в оговоренный срок, хотя на место они прибыли лишь 20 апреля. Также кузнецы просили шуян: «не покиньте домишек наших и не поморите жон наших и детей голодною смертию». Просьбы была обусловлена тем, что «корма» шуянам не выдавали «а на предки будет, или нет, мы не ведаем».⁸ Сохранилась проезжая память одному из кузнецов, Г. П. Гусеву, на проезд из Азова в Шую от 1 мая 1701 г.⁹ Однако обстоятельства заставляют предполагать, что Гусев был лишь заменен в Таганроге, что вовсе не означало конца службы для всех кузнецов.

26 ноября 1701 г. был издан указ о постройке в Казани 300 новых «шмаков». Для этого требовалось взять из Олонца «и из ыных городов, которые подобны плотничеству олончаном» 100 чел. В том числе одного плотника требовалось поставить из Шуи, о чем земским бурмистрам было сообщено 23 февраля 1702 г. Его также необходимо было снабдить «плотнишнымиснастьми и запасы».¹⁰ На работу шуянами был направлен посадский Г. И. Ширгин. Работа

продолжалась в течение двух сезонов. 28 октября 1703 г. поступил указ об отпуске плотников «от шмакового дела», а уже 27 декабря Ширгин представил «отпуск» в Шую.¹¹

Однако «мастеровых» с шуйского посада требовалось все больше и больше. 11 апреля 1701 г. городским бургомистрам был разослан указ о предоставлении «для Свейского походу» на московский Пушечный двор кузнецов «для скорых кузнечных дел». Бурмистры должны были отобрать «всяких чинов людей, хто умеет кузнечное дело делати». Собранных кузнецов надлежало «росписать в три перемены» и собрать с них круговую поруку, что первой трети «стать на Москве» к 27 апреля, а остальным прибывать в город за 2-3 дня до «менного сроку».¹² Однако кузнецов в Шую уже не осталось – все были направлены под Азов. Вследствие этого, 15 мая 1701 г. из Пушкарского приказа был направлен указ о «невысылкешуйских кузнецов» в Москву.¹³ Судя по всему, из Таганрога кузнецы вернулись лишь в 1703 г.¹⁴ Они немедленно были направлены в Москву. При этом отправлено было то же количество кузнецов, которое вернулось с юга, но состав их основательно поменялся. В 1703 г. направленным на Пушечный двор шуйцам было «велено жить по прежнему у того двора, росписав по половине», то есть четверым кузнецам надлежало работать в две смены по 2 человека. 10 февраля 1704 г. шуйские бурмистры сообщали стольнику П. М. Скрибину, что на московском Пушечном дворе работают 4 шуйян-кузнецов, а еще четверо «будучи на Таганрогу, померли».¹⁵ В том же 1703 г. в Москве потребовались квалифицированные рабочие других специальностей. Однако 15 октября шуйцы отвечали, что «столяров и живописцев и золотарей» на посаде нет. 7 октября они выслали в Москву четверых иконников и одного резчика.¹⁶

Но когда 20 июля 1705 г. в Шую был направлен очередной указ о высылке одного кузнеца «в Азов и в Троицкое к строению городов», оказалось, что предоставить его город не может. Требовалось поставить 1 кузнеца со 154 посадских дворов. Но земские бурмистры объясняли, что из 8 шуйских кузнецов, направленных в Таганрог, четверо «быв у того дела» померли, а остальные с 1703 г. работают на Пушечном дворе «переменяяс пополам», поэтому «выслат кузнецов к вышеписанному строению некого».¹⁷ 18 июля того же года шуйские земские бурмистры получили память о высылке в Москву в приказ Военных дел 1 кузнеца и 1 коновала «с каких чинов они сышутца». В данном случае раскладка также была определена: со всех городов на расстоянии 300 верст от столицы требова-

лось собрать по 1 кузнецу и коновалу. Они должны были направиться «в Вытепск в салдатские полки», а до Москвы им требовалось также 2 проводника.¹⁸ Точная раскладка избавляла правительство от дополнительных хлопот в случае нехватки людей, но была чрезвычайно обременительной. Вследствие этого недобор на эти работы достигал значительных размеров.¹⁹ В связи с нехваткой квалифицированных мастеров на посаде, шуянам пришлось прибегнуть к найму «сторонних людей». 7 апреля 1707 г. костромич посадский А. М. Третьяков дал на себя порядную запись всем «мирским людям» шуянам «быть в кузницах в Азове и в Троицком» в течение года, «работать безленосно... и государевой казны не покрасть и не збежать». В случае, если по истечении года «с той работы отпуска не будет», то ему «работать впред до отпуска». Рядная сумма составила 15 р., при этом 8 р. кузнец взял сразу, а «достальные денги» получал по истечении половины срока.²⁰ 29 апреля 1707 г. он был отправлен «в указные места».²¹

Но в Шуе по последней переписи имелось 203 двора, соответственно, «в остатке» оказалось 49 дворов. По этому поводу бурмистр Гавриловской слободы Г. И. Синебрюхов писал шуянам, что «буде дворового человека где перейдет, или неостанет, велено складыватца с ближними городами». В слободе имелось 106 дворов, и вместе с шуйским «остатком» она должна была поставить одного кузнеца. Синебрюхов предлагал шуянам нанять его и принять деньги «на подмогу» кузнецу.²² Однако Синебрюхову было предложено самому нанять кузнеца и принять деньги с шуян. Мотивировалось это тем, что «у нас в Шуе охочих людей и истуточных жителей кузнечных мастеров никого нет». Кроме того, они уповали на помощь гавриловцев в исполнении указа о высылке двоих кузнецов на Новопетровские железные заводы: «пожалейте нас своей любовью, отдарите нам из своих ли жителей, или ис посторонних кого от... охочих людей наймите». Помощь была оказана: гавриловцы наняли и «складного кузнеца» и «приговорили особого кузнеца» шуянам на Новопетровские заводы. Однако 1 июня шуяне отказались от кузнеца, «приговоренного» гавриловцами на заводы, поскольку «ныне кузнецами исправились».²³

Дело о высылке кузнецов на Новопетровские заводы вызвало серьезные разбирательства. В начале 1707 г. в Шую поступил указ о высылке со 130 дворов по одному кузнецу «з женами и з детми» на Новопетровские железные заводы «на вечное житье». Шуяне отвечали, что из 9 кузнецов, отправленных на Таганрог, пятеро померли,

а четверо работают на московском Пушечном дворе. Следовательно, на заводы посылать было некого.²⁴ Вскоре работавшие в Москве братья В. П. и Ф. П. Гусевы подали челобитную, в которой просили отправить на Новопетровские заводы кузнецов И. А. Лобанова и А. С. Болотова, поскольку те «на Пушечном дворе кузнечное дело не делали». Но уже 10 февраля фигуранты челобитной сами били челом на Гусевых, что они работали в Москве «переменяясь» с Гусевыми «в две перемены», а третий брат Гусевых, Герасим «у того дела не работывал».²⁵ 14 февраля они были высланы из Шуи в Артиллерийский приказ «для счету в работе» с Гусевыми,²⁶ но до 20 марта «в приказ не явились». 28 марта шуяне получили новый указ по этому делу. Кузнецов было велено выслать «без всякого мотчанья», за ослушание прежнего указа на земском бурмистре С. Владимирове было взыскано 5 р. пени.²⁷ Именно в такой критической ситуации шуяне попытались прибегнуть к помощи Гавриловской слободы. Однако на Новопетровские заводы было велено направить работавших на Пушечном дворе братьев Гусевых. Но Гусевы сумели выкрутиться из этого почти безвыходного положения. Они «ехав дорогой в городех вместо себя кузнецов в указные места наняли и дали найму многое число, и те... вместо их в указные места пошли».²⁸ 10 июня «посторонние» кузнецы с провожатыми были высланы на место.²⁹

Условия, по которым кузнецы порядились «на вечное житье», были действительно исключительными. 26 мая 1707 г. крестьяне с. Всегодич Е. Т. Некрасов и Никон Карпов порядились «работать безленосно и от того дела самоволно прочь не отойти». Кузнецы рядили «за работу и на завод [хозяйство. – Е.Б.]» по 70 р. и взяли эти деньги «наперед все сполна».³⁰ Упоминание о «заводе» наводит на мысль, что собственного хозяйства у кузнецов не было. Именно это вынудило их пойти на Новопетровские заводы. Следует отметить, что шуйские кузнецы, работавшие в Москве, совсем не тождественны лицам, отправленным в Таганрог. Единственное совпадение – В. П. Гусев, работавший вместе с младшим братом Федором. Старший брат, глава дома Герасим, в Москву уже не посылался. Вероятно, его замена в Таганроге как раз была связана с тем, что ему надлежало руководить «домом» в Шуе. Что касается Лобанова, то он был младшим братом М. А. Лобанова, посылавшегося в Таганрог. Болотов также относился к младшим членам семьи.³¹ Таким образом, в качестве работных людей отправлялись преимущественно младшие члены семей, не имевшие собственного хозяйства.

Другой тип использования «рабочных людей» на казенных работах представлял собой эксплуатацию неквалифицированной рабочей силы в течение одного сезона. В данном случае сбор «рабочных людей» производился со всего податного сословия, в том числе и с посадов. Основным направлением подобной мобилизации было «петербургское городовое дело». С 1704 г. на строительство Петербурга ежегодно требовалось по 40 тыс. чел.³² В разные годы менялось лишь число дворов, с которых предоставлялся один работник – от 9 до 16.

В 1709 г. с 13 дворов «наряжался» 1 человек с топором, «а у всякого б десятка было по долоту, по бураву, по пазнику, по скобелю». Работники «наряжались» на 3 месяца, им предоставлялись хлебные запасы, «чем мочно в дороге сытым быть». На выдачу «кормовых денег» (по 0,5 р. в месяц) работникам требовалось собрать с 12 дворов по 8 ал. 2 д. Кроме того, требовались еще и проводники. Все сборы с посада производились земскими бурмистрами. Уже к 8 марта 1709 г. «рабочные люди» должны были отправиться на «петербургскую службу».³³ Позднее оклад был снижен. 3 марта 1714 г. обер-комендант А. И. Макшеев сообщал в Москву, что собрал с Шуйского посада 13 работников (по одному с 16 дворов), а также «рабочничьих денег» по 3 р. на человека (всего 39 р.).³⁴ Кроме регулярных «петербургских служб», «рабочные люди» со всех губерний использовались и для других работ. В частности, 16 января 1712 г. было определено для строительства на о. Котлин собрать со всех губерний дополнительно 3 000 чел.³⁵ 10 апреля 1712 г. из Шуи и с Шуйского уезда было собрано 15 чел. (со 100 дворов по 1 чел.) для «строения фортеции и иных строений на Котлин остров». «В подмогу» каждому работнику было собрано по 10 р.³⁶

Принимая во внимание излишнюю обременительность этой повинности для тяглых хозяйств, нетрудно понять, почему недобор «рабочных людей» на петербургскую службу составлял, как правило, около 35 %.³⁷ Каким образом осуществлялся «недобор», можно проследить на примере Шуйского уезда. 19 февраля 1706 г. стольник И. П. Одинцов был направлен в Шуйский уезд для сбора «рабочных людей» в Петербург. Однако воевода предоставил ему лишь одного подьячего и рассыльщика, а бурмистры – подьячего и трех «ходоков». Этого, естественно, для столь широкомасштабных мероприятий было недостаточно. К 12 марта ему удалось собрать лишь 290 чел. Недостача объяснялась тем, что многие крестьяне бежали, другие места оказались «пусты и отписаны на великого государя».

Наконец, многие «чинилиссилны за малолюдством посыльных людей». Поэтому 16 марта он направил отписку, что «остальных рабочих людей собрат и управит...невозможно».³⁸ В 1715 г. обеспечить должную явку уездных работников «на петербургскую службу» сборщику также не удалось: вместо 200 человек было собрано 86, а недобор денежной суммы на них был еще более внушительным – вместо 601 р. было собрано 204 р. 20 ал.³⁹

Естественно, набрать необходимое количество «рабочных людей» любой общине было достаточно тяжело. Каким образом обеспечивалось необходимое число «рабочных людей» с шуйского посада, иллюстрирует порядная запись «в работники в Питербурх на три месяца» от 18 мая 1707 г. Кроме уже описанной «железной снасти», работники должны были иметь месячный запас пищи: по четверику ржаной муки и сухарей, полчетверику круп, полчети толокна, а также по 3 фунта соли и чесноку. За работу они «рядили себе» по 7,5 р. и «те рядные денги взяли по договору наперед все сполна». Из этой суммы работники должны «дорогою пить и есть и подводы... нанять». Все подрядчики ручались «меж собою друг по друге круговою порукою». Более всего интересен их состав: шуянин И. Н. Дечка, дворовой сд. Лихушина И. И. Чанай и 14 крестьян Шуйского уезда.⁴⁰ Следовательно, найм производился в основном, среди уездного населения.⁴¹

Кроме того, следует отметить привлечение шуян к разного рода экстраординарным работам, выполнявшимися на месте. Например, 12 июля 1704 г. по указу из Разряда московским чернослободцам было велено «в скорых числах» сделать рогаток на 30 тыс. чел. Однако оказалось, что московские кузнецы «взяты к делу великого государя на Пушечной двор» и «в остатке их малое число». Вследствие этого 24 августа к шуйскому воеводе был направлен подьячий Иван Мирицкий с образцом рогатки и указом «против той рогатки делать рогатки» в Шуе, собрав уездных кузнецов и плотников «с великим поспешеньем днем и ночью». При этом финансовые средства «на то рогаточное дело, на железо, на лес и на уголье и мастеровым людям на дачю кормовых денег» должны были выделить шуяне. Лишь после оценки количества и стоимости произведенных в Шуе рогаток, они оплачивались из средств московских чернослободцев.⁴²

Обобщая собранные материалы о мобилизации шуйских «рабочных» и «мастеровых» людей на казенные работы в начале XVIII в., следует отметить, что первоначально «мастеровые» с посадов

поставлялись без раскладки, поскольку местная специализация предполагала наличие разного количества квалифицированных специалистов. Однако трудности с набором требуемого числа «мастеровых» вынудили правительство прибегнуть к раскладке. В Шуелимит «мастеровых» был выбран уже к 1701 г.

Что касается политики шуйской общины в этом вопросе, то она была достаточно гибкой. На казенные работы отправлялись, как правило, младшие члены семей, в результате чего хозяйство дворов, поставлявших работников, оставалось устойчивым. При этом серьезные потери, понесенные шуйскими кузнецами «у дела на Таганроге», заставили общину ограничить возможное к поставке количество мастеровых: на Пушечный двор было поставлено то же количество кузнецов, хотя состав их значительно обновился. Это предполагает, что шуяне сознательно занизили свои возможности в исполнении этой повинности. Ощувив, насколько обременительными для общины могут быть эти поставки, в дальнейшем шуяне прибегали к найму мастеровых на стороне. То же касается и поставки «работных людей» для «петербургской службы». Однако самой сложной повинностью была поставка «мастеровых для вечного житья». Ни одна община не хотела лишаться своих полноценных членов, но найти «охочих людей» для переселения было практически невозможно. Следует отметить, что подобная правительственная политика вела к развитию рынка наемной рабочей силы в начале XVIII в. Компактность и гибкость шуйской посадской общины позволяла избежать проблем с поставками работников. Власть могла пойти на компромисс, если положение общины было действительно сложным. В случае с поставкой кузнецов на Пушечный двор так и произошло. Следовательно, несмотря на серьезное увеличение государственного давления на общество в начале XVIII в., оно не превышало «предела выживаемости».

¹Ключков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. – Т. 1. – СПб., 1911. – С. 141.

²Кизеветтер А. А. Посадская община России в XVIII в. – М., 1903. – С. 365-366.

³Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. – Т. 3. – М.: ОГИЗ, 1946. – С. 138-140.

⁴Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 324. (Коллекция Я. П. Гарелина). Оп. 1. Д. 326. Л. 1.

⁵Летопись занятий Археографической комиссии (ЛЗАК). – Вып. 26. – СПб., 1914. – № 677. – С. 297.

⁶Он относился к последней статье, причем принадлежал к числу «бездворных» шуян: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 1021. Л. 16 об.

⁷ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 377. Л. 1-1 об.

⁸ *Борисов В. А.* Собрание трудов (материалов). – Т. 2. – Иваново: МИК, 2004. – № 202. – С. 214.

⁹ ЛЗАК. – Вып. 26. – № 733. – С. 304.

¹⁰ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 412. Л. 1-2.

¹¹ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 431. Л. 1.

¹² ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 400. Л. 1-1 об.

¹³ ЛЗАК. – Вып. 26. – № 735. – С. 304.

¹⁴ В этом году резко снижается число работавших «у строения Таганрогской гавани». 1701 г. – 8886 чел., 1702 г. – 5449 чел., 1703 г. – 2844 чел., 1704 г. – 5920 чел.: *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. Реформа Петра Великого. – СПб., 1905. – С. 202-203.

¹⁵ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 438. Л. 1-1 об.

¹⁶ *Борисов В. А.* Указ. соч. Т. 2. № 208. С. 220.

¹⁷ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 469. Л. 1-1 об.

¹⁸ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 463. Л. 1.

¹⁹ На Азов и в Троицкое в 1704 г. было наряжено 30370 чел., в 1705 г. – 32288 чел., в 1706 г. – 37208 чел., а явилось в 1704 г. – 16696 чел., в 1705 г. – 16446 чел., в 1706 г. – 7279 чел.: *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 203. Таким образом, недобор составлял около 50%, а в 1707 г. – и вовсе более 80%.

²⁰ ГАИО. – Ф. 32. (Коллекция Д.Г. Бурлыгина). Оп. 1. Д. 62. Л. 1-1 об.

²¹ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 511. Л. 12 об.

²² *Борисов В. А.* Собрание трудов (материалов). – Т. 1. – Иваново: МИК, 2002. – № 66. – С. 203-204.

²³ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 509. Л. 1-2 об.

²⁴ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 511. Л. 2 об.

²⁵ Там же. – Л. 6-6 об.

²⁶ Там же. – Л. 3-3 об.

²⁷ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 495. Л. 1-2 об.

²⁸ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 511. Л. 6 об.-10.

²⁹ Там же. Л. 10 об.

³⁰ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 497. Л. 1-2.

³¹ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 1021. Л. 10, 28 об.

³² *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – С. 28.

³³ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 533. Л. 1 об.-2.

³⁴ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 597. Л. 1-1 об.

³⁵ *Клочков М. В.* Указ. соч. – С. 144-145.

³⁶ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 577. Л. 1.

³⁷ *Луппов С. П.* Указ. соч. – С. 80-81.

³⁸ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 476. Л. 1-2 об.

³⁹ *Борисов В. А.* – Указ. соч. Т. 2. № 211.

⁴⁰ ГАИО. – Ф. 32. Оп. 1. Д. 61. Л. 1-2.

⁴¹ Дечка же был посадским последней статьи, следовательно, относился к людям «кормившимся своей работою»: – ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 1021. Л. 2 об.

⁴² ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 446. Л. 2-2 об.

ШУЙСКАЯ ПОСАДСКАЯ ОБЩИНА И ГУБНЫЕ СТАРОСТЫ В XVII В.: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Губные старосты – земские чиновники, в руках которых была сосредоточена практически вся уголовная юрисдикция. Они избирались уездным населением, и целью их деятельности была борьба с «лихим» элементом в уезде. Они появились в ходе губной реформы в середине XVI в. и окончательно ликвидированы были лишь в 1702 г. Эволюция этого института явилась объектом пристального внимания еще дореволюционных исследователей «юридической» школы.¹ А. Д. Градовский отмечал, что четкое определение полномочий губных старост отсутствовало, и практика на местах часто не соответствовала содержанию государственных юридических актов.² Наша статья посвящена исследованию взаимоотношений шуйских губных старост посадской общины в течение XVII в. Рассматривая историю взаимоотношений шуйской посадской общины и губных старост, можно на материале типичного города восточного Замосковья выявить движущие силы этапов эволюции губной системы в течение XVII в. Источниковой базой ее послужили документы архива шуйской земский избы, сохранившиеся в коллекции краеведа В. А. Борисова как опубликованные, так и отложившиеся в Государственном архиве Ивановской области (ГАИО).

Спектр судебных полномочий губных старост определен в уставной грамоте шуянам царя Василия Ивановича от 7 июля 1606 г. Все судебные дела посадских людей со сторонними людьми «опричатбы и розбою с поличным» должны были рассматриваться в Москве. В случае же поимки «на разбое» либо наличия «поличного» дело передавалось губным старостам. Кроме того, шуяне должны были «доводить» губным старостам и городовым приказчикам на людей, содержащих «корчму и блядню», продавцов краденного, укрывающих татей и разбойников. В случае, если они «того лихаго человека, который жил у них в сотне, не сыщут, а губные старосты про то сыщут вправду», на виновных взымались исковые суммы. Наконец, в ведении губных старост находились все дела о случайных смертях: «кто от своих рук утерается, или кого древом убьет,

или кого зверь съест, или кого гром убьет, или кто с студена умрет, или рекою приплывет».³

В первые годы после Смуты необходимо было навести порядок на территории государства и незамедлительно покончить с «ворами и разбойниками», наводнившими страну в течение Смутного времени. Поэтому в эти годы губные старосты действуют вдвоем. Судя по всему, один из старост был старшим, и должен был постоянно находиться на месте, а второй – его помощником.⁴ Именно поэтому активным действующим лицом является обычно один староста, хотя известно о наличии двух человек, «исправлявших» эту должность.⁵ Эти пары исполняли должность в течение нескольких лет.⁶

Наиболее яркой чертой этого периода являются многочисленные конфликты губных старост с посадом, зачастую принимавшие весьма острые формы. Характерным случаем является поведение губного старосты Посника Калачева, прибывшего в Шую в 1611/12 г. Новый староста немедленно начал «похвалиться поклепом, и подметом, и наученьем язычною молкою». Рычаги давления понятны: староста мог по «язычной молке» за укрывательство «лихого человека» арестовать любого члена общины, а «подмет» (краденных вещей) позволял ему довести дело до «казни». Во избежание этого, Калачев велел «к себе носить корм всегда, хлеб, и мясо, и рыбу, и питье, мед и вино». В 1613/14 г. шуяне попытались избавиться от него, известив государя, что «того Посника в губные старосты не выбирали, и выбору нашего на нем нет». Однако тот немедленно предпринял ответные действия. В Шую доставили крестьянина Михаила Соколова, Осбанку и Калачев велел ему «клепати напрасно» своих противников. Трое посадских были взяты «за приставы».⁷

Нередко катализатором конфликта служило появление «сыщика» – московского чиновника, назначаемого в уезд специально для выявления определенного рода преступлений, облеченного весьма широкими полномочиями. В 1613/14 г. в Шуйском и Суздальском уезды прибыл сыщик П. И. Кузьминский. Для производства «розыска» ему требовалось «свестись» с шуйскими и суздальскими губными старостами. В результате в Шую явилась вся делегация, включавшая, кроме губных старост, их братьев и племянников, а также подчиненных. Для шуян это обернулось настоящей катастрофой: незваные гости «у нас себе и коням корм и питье из кабака и подводы и проводники и сторожи и понятые емлютежеденно», а арестованных «с пытки сажают на дворех у нас».⁸ Аналогич-

ный случай произошел в 1616/17 г. В Шую появился сыщик Михаил Беклемишев. Однако вместо «сыска» татей и разбойников Беклемишев «норовил» им, собирая с них «поминки рублев по сту и по двести и больше». К сыщику присоединился и губной староста Матвей Кротков. Они «научали тюремных сидельцев язышномолкою» на посадских людей. В результате шуян «без полишной, без язычной молкиемлют на пытку напрасно».⁹ Действия сыщика конкретизируются в донесении на него от 30 мая 1618 г. шуйского воеводы П. И. Волынского. Со двора Беклемишева пропали две лошади. Затем в губу была взята гулящая девка Дунька. «По веленью» сыщика и губного старосты она показала, что слышала разговор, в котором упоминалось, что лошадь у Беклемишева украл кабацкий ярыжный Левка Леонтьев и продал ее ярыжному Оношке. Все фигуранты были немедленно арестованы. Леонтьева пытали, но утвердительных показаний не добились. Кроме того, Кротков «сослал от себя с двора жонку свою Дашку», уже на следующий день задержал ее в лесу за посадом и «научил ее посадских людей клепати», что бежать ее подговорили они. Вскоре поступила аналогичная челобитная шуян. В ней отмечено, что сыщик и губной староста на них «похваляютца в татинных и розбойныхделах языков научати», причем губной староста «велит людем своим их поличным подметадати» (подбросить шуянам ворованные вещи).¹⁰ Характерно, что в этом деле воевода встал на сторону посадской общины в ее конфликте с губным старостой и сыщиком.

Надо сказать, что произвол губных старост нередко вызывал недовольство не только шуян, но и шуйских воевод, полагавших, что они превышают свои полномочия и вторгаются в сферу управления. В частности, 7 сентября 1620 г. губные старосты Ф. В. Сеченый и П. Волков жаловались царю на шуйского воеводу Д. С. Змеева. Дело в том, что воеводе была подана челобитная на вернувшегося в Шую из Нижнего Новгорода «оговорного человека» П. В. Зорю. Он был немедленно схвачен. После этого к воеводе явились губные старосты с требованием отдать его им, но тот отпустил его, взяв «откуп». Для этого он также «правил» на шуянах поручную запись по нему, а не получив ее, взял 100-рублевый штраф.¹¹ 29 октября 1620 г. был проведен обыск относительно другой жалобы шуйских губных старост. Согласно ей, воевода вызвал старосту П. Волкова в съезжую избу, избил его батогами, и велел «доправить» на нем 7 р. Однако шуяне показали, что деньги были получены «правежем», и никаких побоев губному старосте нанесено не бы-

ло.¹² При этом противная сторона также не осталась в долгу. 21 сентября 1621 г. воевода Змеев жаловался, что губные старосты «крестьянишек моих сажают в тюрьму без поличнова, без язычной молки и без обысков».¹³

Таким образом, конфликт был весьма острым и достаточно продолжительным – стороны обменивались «изветными» и «исковыми» челобитными более года. Наибольший интерес представляет позиция шуян, вставших на сторону воеводы. Следствием этого конфликта стало появление грамот, ограничивавших судебные полномочия губных старост. Первая была выдана в ответ на челобитную шуян 1620/21 г., в которой они жаловались, что старосты «сажают их в тюрьму и чинят продажу и убытки великие» по делам о случайных смертях: «которой человек удавитца, или ушибетца, или вина опився, згарит, или утонет». В результате шуянам была выдана грамота, по которой эти дела переходили в ведение воеводы Д. С. Змеева.¹⁴ А 30 января 1621 г. Змеев получил грамоту, по которой ему передавались все «разбойные дела» на посаде, тогда как ведение подобных дел в уезде сохранялось за губными старостами.¹⁵ Таким образом, позиция посадского мира была вполне определенной: воеводская администрация представлялась городской общине гораздо более предпочтительной.

Однако получение юридического ограничения полномочий губных старост нужно было закрепить на практике. Сделать это было достаточно сложно, учитывая, что губной староста должен был заменять воеводу в случае отсутствия последнего. До С. И. Змеева, при котором шуяне получили эти грамоты, обязанности воеводы выполнял губной староста М. Н. Кротков.¹⁶ А уже 14 апреля 1621 г. воевода Змеев был отозван из города, и его полномочия перешли к губному старосте Ф. В. Сеченому. От него требовалось «во всяких делах слушать и под суд к нему ходить», а он должен был «посацких людей от насилства и от обид оберегати накрепко», чтобы исками из приказов кроме Галицкой четверти шуян «не продавали». Также подтверждено было полученное недавно¹⁷ право судиться в городе лишь по искам до 10 р. «и менши».¹⁸ Сеченый исполнял воеводские обязанности¹⁹ до июля 1621 г., когда воеводой был назначен Петр Ярцев.²⁰ Таким образом, практически предписания грамот привести в действие и закрепить в практике не удалось. Соответственно уже в 1628 г. разыгрался новый конфликт, причем вовлечены в него оказались те же стороны, да еще и кабацкий откупщик.

8 декабря 1627 г. в Шуге появился московской тяглиц мясницкой полусотни М. Н. Фролов с грамотой из Новой Четверти, по которой кабацк велено было отдать ему на откуп. Он «всякой кабацкой завод» принял, но отписи в этом не дал, а затем, «не сказавшись» воеводе, 14 декабря уехал из Шуги. Воевода велел дать на нем поручную запись «во всяком заводе кабацком». В челобитной, поданной по этому поводу самим Фроловым, воевода обвиняется в том, что 16 декабря он «на правежи мучил и в тюрьму сажал» его товарищей, оставшихся в Шуге, и опечатал кабацк, отчего три недели «продажнаго питья на кабаке не было». Розыск по этому челобитию было велено произвести губному старосте Ф. И. Кишкину. Однако тот обыскивал «норовя» откупщику. Технология была такова: получив обыск из Шуйского Троицкого монастыря, он велел губному дьячку Ивашке Семенову переписать обыск, а затем направлял его в Николо-Шартомский монастырь и уездные села «чтоб против того обыску все дали обыски».²¹ Реальность показаний откупщика действительно вызывает сомнения, хотя бы по той причине, что ночью 18 декабря в кабаке случился пожар, в ходе которого пострадал ярыйный кн. И. И. Гундоров.²² Следовательно, кабацк в это время функционировал, а вовсе не был запечатан. Таким образом, воевода и в этом конфликте встал на сторону посадской общины,²³ а губной староста – на сторону откупщика.

Конфликты с Ф. И. Кишкиным продолжились. В 1634/35 г. в Шуге был пойман разбойник Ф. Д. Замыцкий. Он клепал шуян «разбойничьими покупками» и «винною продажею». По этой «молке» губной староста Кишкин арестовывал посадских и «печатал» их дома, но самого Замыцкого не пытал и с арестованными «с очей на очи» не ставил. Шуяне жаловались, что губной староста им «проведного сыску и росправы не дает».²⁴ В челобитной высказывается просьба, чтобы губные старосты «татинные и розбойные дела без воевод и приказных людей не ведали». Судя по всему, разрешение было получено, поскольку следующему губному старосте пришлось следовать правилам. Ночью 9 октября 1635 г. у посадского Тришки Баженова из хлева была похищена лошадь, у Захарки-Шоблукова – лошадь и две клетки. Шуяне били челом губному старосте С. Ф. Кишкину и воеводе И. В. Кирикрейскому и с ними отправились по следу «за теми татьми».²⁵

Таким образом, можно наблюдать, как в результате перманентных конфликтов с городской общиной сужаются полномочия губных старост. Сначала с них были сняты полномочия по делам о

случайных смертях, затем – разрешено «ведать татинные и разбойные дела» вместе с воеводой, который в данном случае отстаивал интересы городской общины. Даже для обеспечения себе надлежащих материальных условий губному старосте приходилось действовать через воеводу. В 1645/46 г. по отписке губного старосты И. Меншикова в Шую была направлена грамота о том, что губной староста имеет право «стаивать» на дворах посадских людей. При этом грамота была направлена не губному старосте, а воеводе. В ответ шуяне ссылались на то, что «преж сего губные старосты на посадских дворах не стаивали, стояли на губном дворе» и просили не нарушать традицию в дальнейшем.²⁶ Очевидно, именно после этого «для утеснения посацких дворов» шуяне построили для старосты «постоялый двор», который в 1679/80 г. просили оставить «для приказных людей», поскольку губные старосты были упразднены.²⁷

При этом важно отметить, что позднее расследование уголовных проводилось губными старостами без контроля воевод. Об этом свидетельствуют следующие казусы. В 1650/51 г. губной староста Л. В. Кишкин арестовал шуянина В. П. Панина по подозрению в скупке краденого.²⁸ В 1654 г., после убийства 1 марта шуянина К. С. Губина, он арестовал сыновей шуйского дворника Г. Л. и С. Л. Калининых, которые «с пытки» признались в содеянном.²⁹ В 1667 г. после кражи в шуйской Воскресенской церкви, случившейся 10 января, тот же Л. В. Кишкин вел активный розыск, «пытая разными пытками» подозреваемых «служебников» Троицкого монастыря и попа Авраамия.³⁰ Однако эти дела также свидетельствуют, что губной староста находился в плотном контакте с посадской общиной. Очевидно, что любое ущемление прав посадских людей вызвало бы немедленное обращение к воеводе.

Единственный случай, когда губной староста встал на защиту посада, зафиксирован в ходе деятельности в Шуе «табашного сыщика» И. М. Тарбеева. Его «обыски» приносили шуянам огромные убытки. В результате они выступили против него «единым фронтом» с земским старостой, С. Ф. Кишкиным. Тарбеев показывал, что в 1635/36 г. к нему на двор «скопом и заговором» явились посадские люди, бранили и хотели убить его. Кроме того, шуяне «свели» сторожей от жен «оговорных людей». После этого они силой «свели» со съезжего двора и самих «оговорных людей», «отняв их от пытки», а остальным «бояся от них на себя язычной молки, разбежаться велели». Все это якобы проведено посадскими «по умышлению» губного старосты и «по совету» с ним. Кроме того, Кишкин держит

у себя «оговорного человека» Илейку Свинына, а жену его выпустил из тюрьмы. Далее следует объяснение действий старосты: якобы Свинын «с ведома Кишкина табаком торговал с ним, Семеном, вместе». В ответ шуяне жаловались, что Тарбеев «оговорных людей» научил «клепать табаком» посадских.

16 октября 1639 г. по этому делу в Шуе был проведен обыск специально направленным туда А. Ф. Палицыным. Согласно показаниям шуян, никаких насильственных действий они не предпринимали и никого из тюрьмы не выпускали. Опровергаются и показания относительно Кишкина – о его «табачной торговле» они не ведали.³¹ Надо отметить, что Палицын встал не на сторону шуян. В челобитной, направленной по этому поводу «бедными и беззаступными сиротами» боярину кн. И. Б. Черкасскому отмечено, что он пытал сыщика и четверых шуян «крепко насмерть, не против наших обысков». Черкасского шуяне просят помочь в решении этого дела.³² Несмотря на противодействие обоих сыщиков, они смогли обернуть дело в свою пользу: 14 января 1640 г. губной староста получил грамоту об освобождении задержанных шуян.³³ Если действия «обыщика» Палицына в данном случае понятны – он поддержал своего коллегу, то мотивы поведения губного старосты не столь ясны: он также должен был помогать сыщику, но встал на сторону шуян. Однако все объясняется достаточно просто: в период «обыска» губной староста Кишкин исполнял обязанности шуйского воеводы, что и побудило его выступить на стороне шуян.

Подобная ситуация была не новой. Но в данном случае «воеводство» губных старост изрядно затянулось – оно продолжалось несколько лет на рубеже 1630-40-х гг. В челобитной от 22 сентября 1639 г. шуяне упоминают, что в 1638/39 г. в город была прислана грамота, по которой губному старосте Семену Кишкину велено было собрать с двора по 2 р. на жалование «государевым ратным людям».³⁴ В 1639/40 г. он получил грамоту о присылке в Москву каменщиков и кирпичников.³⁵ 21 марта 1640 г. на С. Ф. Кишкина бил челом служка Троице-Сергиева монастыря Гаврило Опочинин. Он сообщал, что шуян Данила Калинина и его сына Лукьяна велено поставить «ответу на Москве» по монастырскому иску в заемных 97,5 р., о чем отправлена грамота на имя Кишкина. Однако тот «нороя» им не дал их на поруки, Данила посадил в тюрьму, а затем выпустил, сын же его «ходит прост беспоручно и к Москве к ответу не послан».³⁶ Все эти дела входили в компетенцию воеводы. Таким образом, с 1638/39 г. Кишкин исполнял его функции. 27 июня 1640

г. он бил челом на А. М. Мишукова, не принимавшего у него должность губного старосты.³⁷ Причины конфликта понятны: один губной староста желал расстаться с обязанностями воеводы, неожиданно свалившимися ему на плечи, а другой не хотел принимать их.

18 июля 1641 г. шуянам была направлена память, по которой запрещалось «хлебов и колачей и харчу незнакомым людям з дворов по многу продавать», на дворы их пускать лишь «роспрашивая», о чем извещать в съезжей избе А. М. Мишукову.³⁸ 31 марта 1643 г. он получил память об ограждении шуян от исков, насильственных постоев и грабежей суздальских дворян.³⁹ В обыске в феврале 1644 г. шуяне показывали, что после разбоя на Вангире 25 июля 1643 г. «на тех розбойников ходили из Шуи Аврам Мишуков, а с ним были дворяне, и дети боярские, и мы, посацкие люди».⁴⁰ Во всех случаях должность Мишукова не обозначена, хотя он выполняет функции воеводы. Зато в челобитной шуян о льготах после пожара 15 августа 1640 г. отмечено, что 26 августа в Шую прислана грамота губному старосте А.М. Мишукову, по которой им велено выбрать на Углич верного голову для таможенных и кабацких сборов.⁴¹ А в 1639/40 г. шуйский губной дьячок И. С. Окинфов взял «заявленную грамоту» из Галицкой четверти на имя губного старосты Мишукова по иску к шестерым шуянам в 75,5 р.⁴²

Что касается продолжительности исполнения должности, она в ряде случаев была значительной. Начиная с Ф. И. Кишкина, назначенного вместе с товарищем М. Ковалевым⁴³ в 1623/24 г., губные старосты исполняют должность продолжительное время. Ф. И. Кишкин был замен лишь в 1634/35 г. С. Ф. Кишкиным. С. Ф. Кишкин уступил должность А. М. Мишукову в 1640/41 г., а тот – Л. В. Кишкину в 1649/50 г.

В случае отсутствия губного старосты его должность исполнял суздальский коллега. Подобный случай зафиксирован в 1664 г. В Шую прибыл сыщик А. И. Огибалов и вместе с губным старостой Л. В. Кишкиным получил показания, что в Шуе «в прошлые годы тати лошадей и клети и анбары крали, а иные воры посацких людей побили и ножи резали». Виновных найти не удалось, а о самих инцидентах есть «записка в съезжей и губной избах». Пойманный на посадe «с краденною рухлядью» тать Т. А. Гагарин в 1663/64 г. был с поличным отведен в съезжую к воеводе С. С. Ушакову.⁴⁴ Судя по всему, причиной обыска стало длительное отсутствие в городе губного старосты (именно поэтому расследование об убийствах не проводилось, а единственный тать был поставлен перед воево-

дой).⁴⁵ Однако эти показания не удовлетворили сыщика. В результате 30 октября шуянам была направлена грамота, по которой необходимо было «доправить» на шуянах большую пеню. Она была назначена за то, что среди посада «учинилось два убийства», а земские старосты не сообщили об этом в Суздаль «и то воровство знатное дело, что хотели тех воров укрыть».⁴⁶ Во время отсутствия своего губного старосты, ответ шуяне должны были держать перед суздальским.

Таким образом, на практике выясняется, что должность губного старосты, несмотря на свое земское происхождение, предполагала противостояние посадскому миру в гораздо большей степени, чем должность воеводы. Причем такая позиция не столько зависела от личности, сколько была имманентна именно должности, как показывает случай с С. Ф. Кишкиным. Собственно, изменение земского характера губной администрации на приказной уже к концу XVI в. констатируется большинством исследователей. Результатом этого были многочисленные конфликты губных старост и посадской общины в первой половине XVII в. Соответственно, посадские люди стремились максимально сократить полномочия губной администрации за счет расширения полномочий воеводы и полностью поставить старосту под воеводский контроль. К концу 1630-х гг. им удалось добиться этого. Далее до конца XVII в. сведения о конфликтах шуйских посадских людей и губных старост отсутствуют, несмотря на многократные реформы губной системы.⁴⁷

¹ Новейшую историографию см.: *Воробьев А. В.* Делопроизводство Разбойного приказа, как исторический источник по истории государственного управления в России XVI – первой половины XVII вв. АКД. – М.: Институт российской истории РАН, 2012. – С. 7-9; *Максимова Н. А.* Местное самоуправление в России XVI-XVII вв. АКД. – Саратов, 1996. – С. 7-8.

² *Градовский А. Д.* История местного управления в России. – Т. 1. – СПб., 1868. – С. 338-348.

³ *Борисов В. А.* Собрание трудов (материалов). – Т. 1. – Иваново: МИК, 2002. – С. 140-145. – № 1.

⁴ Возможно, «удвоение» старост связано также с тем, что один из них избирался местным населением, а второй направлялся из центра.

⁵ Например, Ф. В. Сеченый с М. Н. Кротким вместе отмечены в актах от 20 ноября 1617 г. и 5 мая 1619 г. При этом во всех остальных актах этого периода отмечен только Кротков: от 16 декабря 1616 г., 1616/17 г., 16 июля 1618 г., 17 августа 1619 г., 16 января 1620 г. (Летопись занятий Археографической комиссии (ЛЗАК). – Вып. 26. – СПб., 1914. – № 17, 24, 26, 32, 42, 47, 49. – С. 215-219).

⁶ П. П. Калачев – с 1611/12 г. (в 1613/14 г. фигурирует с товарищем П. Крюковым), М. Н. Кротков и Ф. В. Сеченый – с 1616/17 г., Ф. В. Сеченый и П. Волков – с 1620/21 г. (Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 324 (Коллек-

ция Я. П. Гарелина). Оп. 2. Д. 7. Л. 1; Там же. Д. 13. Л. 1), Ф. И. Кишкин и М. И. Ковалев – с 1623/24 г. (Там же. Ф. 324. Оп. 2. Д. 32. Л. 1; Там же. Д. 34. Л. 1) до 1634/35 г.

⁷ Борисов В. А. Указ. соч. – Т. 1. – № 5. – С. 149-150; Там же. Т. 2. – Иваново: МИК, 2004. – № 35. – С. 61-62; ЛЗАК. – Вып. 26. – № 11. – С. 214.

⁸ Там же. – № 4. – С. 148-149.

⁹ Там же. – Т. 2. – № 13. – С. 39.

¹⁰ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-7.

¹¹ Борисов В. А. Указ. соч. – Т. 2. – № 16. – С. 43-44.

¹² Там же. – № 19. – С. 45-46.

¹³ Там же. – № 20. – С. 46-47. Причем в этой челобитной воевода оговаривается, что причиной конфликта стала отправленное им ранее сообщение о «небрежении» губных старост: они «покинули тюрьмы и жили в деревнях своих», что стало причиной побега шуйских «тюремных сидельцев». В челобитной по этому поводу от 17 октября 1620 г. старосты поясняли, что «тюремные сидельцы» разбежались «небрежением» губного целовальника Никиты Лобова: Там же. № 18. – С. 45.

¹⁴ Борисов В. А. Ук. соч. Т. 1. № 12. С. 157-158; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 35. Л. 1-1 об. У публикатора ошибочно датирована 20 марта.

¹⁵ ЛЗАК. – Вып. 26. – № 57. – С. 220.

¹⁶ 17 августа 1619 г. он получил грамоту о сборе с Шуи доходов по новым дозорным книгам, а 16 января 1620 г. – об отдаче на поруки шуйских посадских людей по иску о неплатеже да даточного человека: ЛЗАК. – Вып. 26. – № 47, 49. – С. 219. Эти дела входили в компетенцию воеводы.

¹⁷ Борисов В. А. Указ. соч. – Т. 2. – № 17. – С. 308-309.

¹⁸ Там же. – № 20. – С. 311-312; ЛЗАК. – Вып. 26. – № 58. – С. 220.

¹⁹ В частности, 31 июля получил указание о не взимании с шуян «недоимочных денег» за казачий корм: ЛЗАК. – Вып. 26. – № 60. – С. 220.

²⁰ Борисов В. А. Указ. соч. – Т. 2. – № 22. – С. 313.

²¹ Там же. – Т. 1. – № 16. – С. 160-162.

²² Там же. – № 15. – С. 159-160.

²³ Не вызывает сомнения, что первопричиной конфликта с воеводой стало противостояние откупщика посадскому миру: по собственным словам, он отправился в Москву, чтобы «бить челом на верновашуйскаго голову Ивана Володимерова с товарищи».

²⁴ Борисов В. А. Указ. соч. – Т. 1. – № 18. – С. 163-164. Очевидно, подобный конфликт произошел и годом ранее: 21 июля 1634 г. Кишкиным была получена грамота о прекращении розыска по делу о разбое Григория Попова и освобождении задержанного по этому делу Григория Степанова (ЛЗАК. – Вып. 26. – № 129. – С. 228-229).

²⁵ Борисов В. А. Указ. соч. – Т. 2. – № 47. – С. 335.

²⁶ Там же. – № 70. – С. 350-351; ЛЗАК. – Вып. 26. – № 257. – С. 243.

²⁷ Там же. – Т. 1. – № 59, 59 а. – С. 198-199.

²⁸ Там же. – Т. 2. – № 76. – С. 100-101.

²⁹ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 107. Л. 1-1 об.

³⁰ Борисов В. А. Указ. соч. – Т. 1. – № 98. – С. 228-230.

³¹ Борисов В. А. Указ. соч. – Т. 2. – № 47. – С. 72-76. Порядок изложения вопросов в обыске свидетельствует, что Тарбеевым было подано две челобитные, а шуянами – одна.

³² Там же. – № 44. – С. 69-70.

³³ ЛЗАК. – Вып. 26. – № 182. – С. 235.

³⁴ *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 2. – № 45. – С. 70-71.

³⁵ ЛЗАК. – Вып. 26. № 184. С. 235.

³⁶ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 73. Л. 1-1 об.

³⁷ ЛЗАК. – Вып. 26. – № 189. – С. 235.

³⁸ *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 1. – № 24. – С. 168.

³⁹ Там же. – Т. 2. – № 58. – С. 84-85; ЛЗАК. – Вып. 26. – № 204. – С. 237.

⁴⁰ *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 1. – № 27. – С. 170-172.

⁴¹ Там же. – Т. 2. – № 43. – С. 68-69.

⁴² Там же. – № 48. – С. 76-77.

⁴³ Судя по всему, товарищи могли меняться. В частности, в акте от 21 февраля 1624 г. губным старостой именуется Иван Коноплев, очевидно, замещавший уехавшего из города Кишкина (ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 33. Л. 1-1 об.).

⁴⁴ Там же. – № 94. – С. 119; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 137. Л. 1-1 об.

⁴⁵ Губной староста Л. В. Кишкин впервые упоминается 16 октября 1649 г., затем отмечен 20 сентября 1656 г., 16 сентября 1657 г., 17 декабря 1658 г., а затем, после длительного промежутка, фигурирует в цитированном обыске: ЛЗАК. – Вып. 26. – № 284, 349, 359, 368. – С. 246-247, 254-256.

⁴⁶ *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 1. – № 37. – С. 180; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 138. Л. 1-1 об.

⁴⁷ *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России в XVII в. – М., 1856. – С. 145-147.

Е. С. БУТРИН
(г. Иваново)

РЕКРУТСКИЕ СБОРЫ В ШУЕ В НАЧАЛЕ XVIII В.

Рекрутские наборы в начале XVIII в. стали одной из важнейших составных частей петровских преобразований. М. В. Ключков писал: «Рекруты были предметом увлечения Петра. Кажется, солдат и рекрут он видел и во сне и наяву. Даже когда родился у него второй сын, он на радостях писал: «Бог дал царю рекрута отцовским именем». Неудивительно, что рекрутские наборы приобрели важнейшее значение».¹ В первое десятилетие Северной войны к набору предполагалось 248,5 тыс. чел., однако собрано было гораздо меньше. К 1709 г. армия насчитывала не более 100 тыс. чел. П. Н. Милюков заключал, что «по меньшей мере, половина набранного количества рекрут была поглощена войной и военными порядками тогдашнего времени».² Под «военными порядками» имеется в виду смерть рекрутов от болезней и значительное число беглых (не опускавшееся ниже 10%).³ Как свидетельствует А. А. Кизеветтер, рекрутская повинность была одной из тяжелейших для посадских людей, поскольку выбранные в рекруты маломочные члены общины «всячески старались укрыться от выпавшей на их долю напасти».

Община, в свою очередь, стремилась облегчить рекрутское бремя, для чего прибегала к найму в рекруты сторонних людей и поставке лиц «непорядочного жития».⁴

В настоящей статье мы постараемся проследить, как вал рекручины первого десятилетия XVIII в. отразился на посаде г. Шуи. При этом будет рассмотрено три основных вопроса: рекрутская раскладка на посад и состав поставленных рекрутов, взаимодействие земской администрации с солдатскими сборщиками и участие ее в мероприятиях по противодействию бегству от «солдатчины». 4 июня 1702 г. шуйские земские бурмистры получили память об отводе съезжих и постоянных дворов для сборщиков ратных людей. По указу от 25 мая их требовалось собрать 2 тыс. чел. При этом шуяне должны были выделить по 1 р. на человека «для дальняго расстояния на проход до Дорогобужа» из таможенных и кабацких доходов.⁵ Шуйского посада рекрутский набор непосредственно коснулся весной 1703 г.⁶ В первый набор в Москву было выслано 29 человек. Часть отправленных в Москву шуйских рекрутов была забракована: 30 июля 1703 г. по разбору боярина Т. Н. Стрешнева назад было отправлено семеро шуян, которые «в солдатех быть негодны».⁷ Во второй набор в том же году из города было велено набрать еще 75 человек. Собранные «с великою нуждой за малолюдством» рекруты были высланы в Москву, но на службу было принято лишь 57 человек. Троице «для малых лет» были даны льготы до «урочных лет», а еще 15 человек отставлены. Высылка на солдатскую службу лиц вместо 15 человек «отставных» шуян была осуществлена весной 1704 г.⁸ Этот рекрутский набор стал причиной серьезного социального конфликта в посаде.

Взятые в солдаты шуяне, «рняс» на бурмистров, которые собирали их «из малоплатежных в салдатскую службу», переписали в солдаты шуян, которые служат государевы службы и «в податях не малоплатежные», и отправили эту роспись в приказ Военных дел. В результате вместо отставленных шуйских новобранцев в Москву было велено выслать обозначенных в росписи шуян. 18 октября 1703 г. шуйский земский бурмистр жаловался, что в случае высылки этих лиц службы служить будет некому и собирать подати не с кого, поскольку отставленные от солдатской службы люди «самые малоплатежные, и с них за скудостию и взять нечего». Он просил зачесть в общее число троих лиц, которым дана льгота «до урочных лет», а вместо отставленных «из земской избы всем миром нанять переменщиков».⁹ В данном случае речь идет о прямом конфликте между

«малоплатежными людьми», выбранными в рекруты и «не малоплатежными», которые в рекруты не попали. Представители посадской верхушки оправдывались «государевым делом»: в случае их выбора в солдаты может случиться недобор податей и сбой в исполнении государевых служб. Необходимо отметить, что первоначально запись шуян в солдаты осуществлялась на иных основаниях. В предыдущей челобитной 1703 г. шуяне жаловались, что в числе не записанных «на смотре» в солдаты остались люди «старые и увечные, ис того числа иные кормятца Христовым именем от скудости своей и для той их скудости обложены были малыми оклады». В то же время записанные в солдаты шуяне ни окладных доходов, ни десятой деньги «по окладам своим не дают». В результате остальные вынуждены платить за них эти доходы. Также «за малолюдством остальных шуян» будет серьезная нужда в исполнителях выборных должностей.¹⁰ Очевидно, принципы сбора, отраженного в этой челобитной, определенно отличались от принципов, зафиксированных челобитной от 18 октября 1703 г. Следовательно, первоначально в число солдат были записаны представители лучшей части посада, и лишь после цитированной выше челобитной право выбора солдат было представлено общинным властям.

Следствием столь масштабного рекрутского набора были проблемы с исполнением посадской общиной своих основных тягловых функций: поставкой лиц на государственные службы и выплатой налогов. В апреле 1705 г. шуяне жаловались на непомерную тяжесть «государевых служб»: в результате рекрутского набора (101 человек был взят в солдаты, еще трое оставлены до урочных лет) «совершенная в вышеозначенных многих службах за малолюдством нужда и неуправление» и просили об отмене рекрутского набора текущего года.¹¹ В данном случае акцент челобитной смещен на трудности с исполнением государевых служб, а не на налоговые сборы. Таким образом, верхушкой общины был достигнут желаемый баланс в выплате налогов (путем высылки на службу малоимущей части посада), но в распределении служебных обязанностей она испытывала определенные проблемы.

В связи с этим важно оценить тягловую мощь лиц, поставленных в солдатскую службу. Перекрестный анализ переписей от 20 октября 1709 г. и апреля 1710 г. позволяет идентифицировать 32 оказавшихся «в солдатах» шуян. У 12 рекрутов указаны жены, причем у пятерых – с малолетними детьми.¹² Большинство рекрутов (20 чел.) оказалось молодыми холостыми лицами. Привлекая к анализу

окладные книги 1703 г.,¹³ можно получить интересные данные о семье и социальном положении рекрутов. 12 человек были младшими членами семьи, еще двое – делили двор с братом. В качестве самостоятельных хозяев по окладным книгам удалось идентифицировать 12 человек, и все они относились к самым низам посада.¹⁴ Семьи, младшие члены которых поступали в рекруты, относились к той же прослойке.¹⁵ Не удалось идентифицировать четверых рекрутов, еще у четверых в окладных книгах отмечены братья.¹⁶ Состав рекрутов четко характеризует политику общины в их выборе: в качестве рекрутов поставлялись младшие члены семей, неженатые и немногочисленные женатые «маломощные» хозяева. В. А. Тихонов отмечает «трудности посадов в выставлении рекрут», объясняя это слабым физическим здоровьем посадских лиц и низкой рождаемостью (сравнительно с сельской местностью).¹⁷ В действительности трудности были связаны с неадекватной квотой набора 1703 г.¹⁸

Лишь немногие солдатские жены могли вести самостоятельное хозяйство. В 1710 г. таковых насчитывалось лишь четверо.¹⁹ Наблюдается процесс потери дворов солдатскими вдовами. В сказке 1704 г. на солдатской службе указаны 29 хозяев дворов, а в переписи 1709 г. в числе «солдатских» обозначено уже 26 дворов. Из них согласно данным обеих переписей осталось жилыми лишь 13.²⁰ Кроме процесса перехода дворов рекрутов родственникам наблюдается исчезновение их дворов. Поэтому идентифицировать всех рекрутов по переписям 1709 и 1710 г. невозможно.²¹ Небольшое число выявленных нами рекрутов в любом случае свидетельствует, что общее их количество было далеким от 101 рекрута, поставленного посадом. Это наводит на мысль, что вместо части рекрутов были даны «переменщики». ²² Они упоминаются еще в сказке 1704 г. В июле 1712 г. шуяне просили освободить таможенного подьячего И. Г. Тебрикова от подьяческого разбора, поскольку он «старинной посадской человек и всякие подати платит и рекрутных солдат и работных людей дает в равенстве» (в 1703 г. он с братом предоставил «вместо себя наемщика» в рекруты).²³ Следовательно, найм «переменщиков» широко применялся уже в ходе рекрутского набора в 1703 г., хотя официально был узаконен указом 4 мая 1705 г. В целом этот набор сыграл определенную роль в изменении численности посадской общины. Однако незначительно отразился на ее тягловой силе вследствие того, что избрал в себя наиболее маломощную часть общины. Причем в данном случае верхушке общины пришлось отстаивать свои права от солдатских сборщиков. Если в

даточные люди в ходе наборов середины XVII в. выбор производился самой общиной, то в начале XVIII в. наделенные широкими полномочиями сборщики попытались сами осуществить выбор «годных в службу» лиц.

Постоянное пребывание в городе сборщиков солдат (обычно имевших с собой военную «команду») инициировало многочисленные конфликты. Являвшиеся в городе солдаты были склонны к насилию, что нередко приводило к преступлениям. 8 апреля 1702 г. солдат Михаил Посников был определен за караул, поскольку «объявилось на нем платье краденое», 9 апреля «за караулом» оказался сержант гренадерской роты Онисим Космынин, сам объявившийся на съезде двора с признанием в убийстве.²⁴ В большинстве случаев воинская команда выступала рычагом давления на земскую администрацию в ее конфликтах со сборщиками. Возникновению конфликтов способствовал и тот факт, что посадские люди должны были оказывать широкое содействие сборщикам. Однако степень этого содействия точно не определялась. В послушной памяти от 5 марта 1705 г. было оговорено, что «бумагу и протчее» сборщикам следует предоставлять «по рассмотрению, коликое число надобно, из мирских доходов, а буде станут требовать сверх того», сообщать об этом в ратушу. В 1706 г. в Шую был направлен сборщик И. А. Кривской. Шуянам надлежало выделить ему съезжий и постоянные дворы, отставных дворян и детей боярских «для посылок», подъячих и дьячков «для писма» и служилых людей «для рассылки на ослушников», а также дрова, бумагу, свечи и подводы «что к тому делу понадобится».²⁵ В аналогичной памяти от декабря 1707 г. описана та же процедура – информировать о сборе сельскую администрацию должны были посыльные из городов (отставные дворяне или подьячие). Их должны были сопровождать городские служилые люди, а в случае их нехватки – монастырские служки, дьячки (церковные и земские) и даже сотские и десятские. Воеводы и земские бурмистры должны были «о том радеть с великим прилежанием», а сборщикам запрещалось «взятки имать и обиды и налоги чинить».²⁶ Как видно во всех цитированных актах механизм определения необходимого объема помощи точно не описан.

В результате определяла его сторона, имевшая большие силовые возможности. В 1706-1707 гг. в Москву поступил целый ряд жалоб на «солдацких наборщиков». Эти жалобы выявляют три основных точки конфликта со сборщиками. Первая касалась набора солдат (и подвод для них). Сольвычегодский сборщик собирал сол-

дат в количестве, намного превышавшем необходимое, затем вымогал с самых состоятельных взятки и лишь тех, «которым дать было нечего, писал в салдаты». Рязанские сборщики вымогали взятки у являвшихся на торг уездных крестьян, угрожая забрать у них телеги под воинские подводы. Вторая точка конфликта – постоянная повинность. Команда солдат требовала размещения, а в большинстве городов механизмов распределения столь высокого объема этой повинности не существовало. Кинешемский, тульский и сольвычегодский сборщики занимали постоянные дворы «насилством не по очереди». В Суздале сборщики брали взятки за освобождение от силового захвата дворов, при этом от солдат «чинилась не токмо в домах пропажа, но церкви Божии похищение». Наконец, еще одной точкой конфликта были жесткие меры воздействия на земскую администрацию (как сельскую, так и городскую). Кинешемский и тульский сборщики требовали с посада «с принуждением свеч, дров, бумаги и чернил многое число» и держали посадских и земских старост «за караулом». Сольвычегодский сборщик также держал бурмистров «за караулом». Но с уездными выборными он поступал еще хуже: «мучил и бил и босых на правеже, и страхи им давал великие», вымогая взятки. Рязанские сборщики избивали «до полусмерти» местного таможенного надзирателя и держали его «на съезде двора многое время в чеппи», избивали целовальников кружечного двора, новоприборных солдат и даже «кабацких питухов».²⁷

30 января 1707 г. был издан специальный указ по поводу постоянных жалоб горожан на бесчинства сборщиков. «Выбор» солдат должен был производиться вместе с земскими бурмистрами. Запрещалось брать лишних, а также «старых и в службу негодных» солдат и записывать в солдаты «знатных» лиц с целью получения взятки. Запрещалось также требовать подводы с торговых крестьян. Как видим, основной акцент в указе сделан на регулировании принципов сбора солдат, тогда как постоянная повинность и взаимодействие сборщиков с администрацией остались без внимания законодателя. Однако жалобы продолжались. В результате 4 июля был издан новый указ аналогичного содержания.²⁸ Но указы не могли уберечь шуян от произвола. Они жаловались на сборщиков С. А. Скорятина и В. Г. Селунского, которые переводили «з двора на двор солдат по многому числу». Этим они приносили «посадцим людем убытки», поскольку «чинятца от солдат наглости и теснота грубая».²⁹ В сентябре 1707 г. поступил указ о высылке этих наборщиков в Москву. Им это совсем не понравилось. «Рнясь» на

челобитчиков, они арестовали людей, нанятых шуянами в драгуны и «рспрашивали с пристрастием и подымали на дыбу безвинно».³⁰ Драгуны, которых положено было поставить с Шуи «на конях и с ружьем», оказались готовы к высылке к 9 октября, но поскольку им «ружье купит в Шуе негде», его пришлось изготавливать на месте.³¹ 14 ноября шуяне сообщали, что четверо драгун наконец отправлены в Москву с провожатыми, а двое успели бежать.³²

Последним важным вопросом рекрутского сбора был сыск беглых солдат, число которых росло прямо пропорционально количеству поставленных рекрутов. 10 декабря 1700 г. юрьев-польскому воеводе А. М. Нарышкину из Москвы был направлен указ, в котором он уведомлялся, что многие солдаты разбежались со службы. Ему поручалось послать во все станы и волости уезда биричей с повелением задерживать беглых солдат и отсылать их к воеводе. В случае укрывательства виновным грозила смертная казнь. Аналогичная грамота была направлена и в Шую.³³ Согласно указу от 29 мая 1705 г. беглых надлежало ловить и приводить к сборщику солдат С. А. Скорятину. Указ надлежало разослать во все сельские приходы и «велеть читать вслух по вся дни», а листы с ним «прибить в пристойных местах при пути в городе и в уезде на торгах».³⁴ 12 января 1711 г. капитан С. М. Лупандин получил наказ о розыске беглых в Шуе и Шуйском уезде. Кроме беглых, ему надлежало сыскивать «всяких гулящих и укрывающихся от салдатства» людей. В случае обнаружения таких лиц на укрывающих их взимался штраф в 15 р., но если те «объявят таких беглых драгун или солдат сами, таким в вину и в пену не ставить».³⁵

Механизм поиска и доставки беглого рекрута раскрывается на примере дела шуянина Дениса Русанова. Он был «поставлен в солдаты» весной 1703 г., однако сбежал из Москвы. В конце осени был сыскан в родном городе и «отдан за сторожу» шуянину Ивану Мясичеву, который должен был доставить его «к Москве в приказ Военных дел». Однако 8 декабря 1703 г. в земскую избу явился дворянин осадного двора Иван Щукин и объявил, что Русанов ушел, а Мясичев «спит в доме пьян». «Чепь с тулом», надетая на Русанова, была брошена во дворе, а замок замкнут лишь на одном конце ошейника. Отправленные для поиска беглеца десятские привели к бурмистрам пьяного Мясичева. Следов Русанова «нигде не явилось», поскольку «около двора ево дороги проезжие прилегли». Мясичев показал, что Русанов вышел на двор на цепи, «а за ним он не вышел для того что был пьян и уснул». Он предположил, что «в

пьянстве замок на нем не домкнул», вследствие чего Русанов и освобожден. Как утверждал Мясичев, в побеге «попоровки» не было, а учинил он то оплошкою своею и пьянством». Интересно, что в тот же день на двор являлись родственники Русанова: сестра Маланья и брат Андрей. Сестра взяла кулек сухарей, кулек с рубашками арестованного и полтину денег, а брат взял шубу Дениса. Опрошенная сестра заявила, что ходила к Мясичеву прощаться с братом, но «в душе» с ним не была, ибеглец к ней не являлся. Показания Мясичевых (была опрошена также жена Ивана, Ульяна) и Русановых расходилось лишь относительно имущества: они признали лишь «кулек хлеба», взятый сестрою, а куда исчезло остальное имущество, не знали. Судя по всему, оно было взято в побег самим Русановым.³⁶

Обстоятельства дела свидетельствуют, что без «попоровки» Русанову, либо со стороны его родственников, либо Мясичевых, все же не обошлось. Самым интересным в этом деле представляется тот факт, что беглый рекрут был отдан не в тюрьму, находившуюся под контролем воеводы, а «за караул» обычному шуянину, который не смог достойно исполнить свои обязанности по вполне бытовой причине. Это было связано с тем, что по городской реформе 1699 г. местное полицейское управление перешло в руки бурмистров. Однако механизмы этого управления еще не были налажены. Отсутствие специальных «земских» чиновников, занимавшихся охраной задержанных и помещения для их содержания, заставило обратиться к обычной системе распределения «лишней» служебной нагрузки на частных лиц, что и привело к столь плачевным последствиям.

¹Клочков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. – Т. 1. – СПб., 1911. – С. 86.

²Милуков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. Реформа Петра Великого. – СПб., 1905. – С. 131-133.

³ Согласно табели 1714 г., принимаемой в качестве основания расчета П. Н. Милуковым, беглых было 11%: Милуков П. Н. Указ. соч. – С. 133.

⁴Кизеветтер А. А. Посадская община России в XVIII в. – М., 1903. – С. 353-357.

⁵ Владимирские губернские ведомости (ВГВ) // 1881. – № 34. – С. 4-5.

⁶ 8 марта 1703 г. шуяне дали сказку сборщику солдат Ф. Д. Маркову относительно исполнявших государеву службу лиц: Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 324. Оп. 1. Д. 422. Л. 4; Там же. Д. 423. – Л. 4.

⁷ Там же. – Д. 428. – Л. 2.

⁸ Согласно сказке шуян от 10 февраля 1704 г. перед сборщиком солдат П. М. Скрыбиным, 29 хозяев дворов находились на солдатской службе, а еще двое «дав за себя переменщиков [в солдаты. – Е. Б.] сами померли». Скрыбин должен был поставить в солдатскую службу еще 15 человек: Там же. Д. 438. Л. 1-5. Сказку по-

добного типа шуяне обязаны были предоставлять всем сборщикам солдат: сохранился черновик подобной сказки за июль 1703 г., сказка от 10 февраля 1704 г., а также отрывок с началом сказки шуян от мая 1708 г. перед стольником И. Н. Бобрщевым-Пушкиным: Там же. Д. 429. – Л. 1; Там же. Д. 521. – Л. 2.

⁹ ВГВ // 1873. – № 43. – С. 1-2; Летопись занятий Археографической комиссии (ЛЗАК). – Вып. 26. – СПб., 1914. – № 753. – С. 306.

¹⁰ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 387. Л. 1-1 об.

¹¹ *Борисов В. А.* Собрание трудов. – Т. 2. – Иваново: МИК, 2004. – № 238. – С. 471-472; Там же. Т. 3. – Иваново: МИК, 2005. – С. 224.

¹² Мужей 4 жен идентифицировать невозможно.

¹³ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 1021. Л. 1-18, 20-42; Там же. – Оп. 2. – Д. 322. Л. 1-7 об.; Там же. – Д. 321. – Л. 1-2.

¹⁴ Согласно окладной книге 1703 г., четверо имели оклад в 12 р. (вторая ступень низшей статьи), еще пятеро – 6 р. (первая ступень низшей статьи). Всего имелось 5 групп, градиванных 6-рублевым увеличением оклада (от 6 до 30 р.). Двое имели «подводный» оклад в 2 д., еще один – 6 д. (при среднем окладе в 11,9 д. на семью).

¹⁵ Двое лиц, живших с братьями, имели оклады в 6 р. и 24 р. Отцы рекрутов имели более широкий разброс окладов: 6 р. (двое), 12 р., 18 р. (двое), 24 р., 30 р., а один и вовсе не имел тягла. Но все они также относились к низшей статье.

¹⁶ Трое братьев принадлежали к последней статье (оклады 6 р., 18 р. и 30 р.), а один – к средней (платил 34 д. по «подводному» окладу). Возможно, эти лица оказались выключены из окладных книг в связи с выбором рекруты.

¹⁷ *Тихонов В. А.* Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I. Диссертация на соискание... кандидата исторических наук. – М.: МГОУ, 2013. – С. 83.

¹⁸ По нему ростовский посад потерял 13% своего населения: Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. – Т. 3. – Кн. 2. – СПб., 1888. – № 1041. – С. 1092.

¹⁹ Жены С. Ф. Каина, С. И. Ванчюрина, М. М. Козлова и К. П. Посникова. Жена А. Н. Обусина указана во дворе в 1709 г., а в 1710 г. уже не упоминается. Жена С. И. Архиповского жила во дворе с его братом, жена И. И. Утешева – со свекровью, жена Василия Власова – в «подсоседстве». Еще трое жен жили «в полудворах», а одна – во дворе своей матери.

²⁰ 7 дворами владели матери, 5 – жены, еще одним – брат.

²¹ В 1709 г. обозначались лишь отданные в солдаты хозяева дворов, в 1710 г. отмечены 5 лиц, не обозначенных в предыдущей переписи, а 13 человек, обозначенных в 1709 г., напротив, не идентифицированы (отмечено 4 солдатки, мужей которых установить не удалось).

²² Сохранилась порядная посадского человека Василия Яблова, порядившегося в солдатскую службу у бурмистра А. С. Плесьянинова: ЛЗАК. – Вып. 26. – № 755. – С. 306.

²³ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 579. Л. 1-1 об.

²⁴ Там же. – Оп. 2. – Д. 218. Л. 1.

²⁵ Там же. – Оп. 1. – Д. 487. Л. 1 об.-2 об.

²⁶ Там же. – Д. 507. – Л. 1-2 об.

²⁷ Лухские «новоприбылые солдаты» 30 марта 1703 г. также жаловались «в бою и увечье» на сборщика стольника Родиона Бабкина: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 219. Л. 1.

²⁸ Там же. – Оп. 1. – Д. 501. Л. 1-4.

²⁹ Как видим, жалобы шуян на сборщиков в 1707 г. касаются исключительно постоянной повинности. Никаких конфликтов с администрацией относительно «выбора» солдат уже не возникало, поскольку еще в 1703 г. шуйской общине удалось отстоять право на внутренний выбор рекрутов из своей среды.

³⁰ Там же. – Д. 512. – Л. 2-2 об.

³¹ Там же. – Д. 511. – Л. 13.

³² Там же. – Л. 14 об.

³³ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. – Т. 1. СПб., 1857. – № 55/60. – С. 384-385.

³⁴ ГАИО. – Ф, 324. Оп. 1. Д. 462. Л. 1 об.

³⁵ Там же. – Д. 564. – Л. 1.

³⁶ Там же. – Д. 432. – Л. 1-2.

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ В ШУЙСКОЕ ЗЕМСТВО

Приближается 2016 год, а значит и 150-летие со времени открытия деятельности земских учреждений во Владимирской губернии, включая Шуйский уезд. «Мало, кто знает, как много привычных явлений повседневной жизни, появилось вместе с земствами», – сказал один из ковровских земцев во время празднования 50-летия земских органов самоуправления, и был прав.

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях» было утверждено императором 1 января 1864 года и через семь дней, 8 января, опубликовано для всеобщего сведения. 25 мая 1864 года были утверждены «Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях».¹ Нормы, содержащиеся в этих документах, а также в ведомственных инструкциях, составили основу земского избирательного права.

В каждой губернии, включая Владимирскую, введение земских органов управления начиналось с создания, соответственно, особого Временного губернского комитета и особых Временных уездных комиссий. Все действия были строго регламентированы во времени и направлялись Министерством внутренних дел. Так, Губернский комитет мог быть создан только после получения губернатором предложения от министра внутренних дел приступить к введению в действие Положения о земских учреждениях. После этого немедленно по распоряжению губернатора учреждались Временные уездные комиссии (Правила. Ст. 7). По Владимирской губернии уездные комиссии начали свою работу в мае 1865 года. Основной

задачей временных уездных комиссий являлось составление избирательных списков уездных землевладельцев и горожан, ведомостей о сельских обществах и предварительное определение места и времени выборов в уездах. Законом на эту работу было установлено два месяца со дня открытия Комиссии (ст. 15 Правил).

Завершив составление списков избирателей, уездные комиссии направляли их губернатору. Материалы, поступившие из уездов, рассматривались в Особом временном губернском комитете. В компетенцию комитета входило определение сроков и мест проведения собраний для избрания уполномоченных на избирательные съезды и непосредственно избирательных съездов в каждом уезде губернии. Губернский комитет рассматривал также жалобы и заявления, поданные в связи с составлением списков избирателей. Решения, принятые им, являлись окончательными и не могли быть обжалованы в других инстанциях. По мере рассмотрения заключений уездных комиссий, принятых по вопросам организации выборов, губернский комитет сообщал уездным властям свои решения о сроках и порядке проведения избирательных мероприятий. Согласно «Ведомости о местах и сроках избирательных съездов по уездам Владимирской губернии», в Шуйском уезде избирательные съезды проходили 9-10 ноября 1865 года.² Всего в Шуйском уезде состоялось 7 избирательных съездов: один съезд по курии уездных землевладельцев, второй – по городской курии, и по 3-й сельской курии уезд для удобства проведения выборов был поделен на 5 участков.³

Сколько гласных должен был избрать каждый съезд, было заранее определено в особом приложении к статьям 33 и 52 Положения о земских учреждениях, где по уездам была расписана каждая губерния, в которой учреждались земские органы самоуправления. В Шуйском уезде в земском собрании должно быть 38 гласных, из них 19 выбирала первая курия землевладельцев, 6 – от города и 13 – от сельских обществ. Из них потом выбирали гласных в губернское земское собрание – 6 человек.⁴

«Правилами о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях» был установлен следующий принцип определения итогов выборов: «Избранными считаются только лица, получившие более половины всех наличных избирательных голосов; из числа избранных, получившие при избрании большее число голосов, признаются гласными». Способ голосования при избрании земских гласных не был предписан правовыми документами. «Правила...» указывали, что определение порядка «производства выбо-

ров» входит в компетенцию Особых временных губернских комитетов. К середине XIX века в России сформировалась традиция тайного голосования с использованием шаров, заложенная во второй половине XVIII века правовыми нормами, регламентирующими порядок избрания должностных лиц местного управления. Данный способ был признан оптимальным и для земских выборов.

По итогам голосования составлялся протокол – «выборный лист», который поступал во Временную уездную комиссию. Комиссия составляла общий список гласных, избранных в уезде и вместе с подлинными «выборными листами» направляла эти сведения во Временный губернский комитет, который «поверял списки уездных гласных с выборными листами». Так, список гласных по Шуйскому уезду был предоставлен на рассмотрение губернского комитета 20 ноября 1865 года. 4 декабря состоялось его заседание, которое выявило нарушения во время проведения выборов по 1-й курии землевладельцев, точнее в том, как подводились итоги выборов.⁵

Объясним, в чем заключалось нарушение словами самого документа: «По съезду уездных землевладельцев в выборных листах усматривается, что всех лиц, получивших действительное большинство голосов избирательных против неизбирательных – 18, а за отказом надворного советника Гуровского [избран гласным по городской курии. – *О.М.*], остается 17. Затем следующие лица: коллежский асессор Бобарыкин, благочинный с. Васильевского Орлов, священник погоста Ильинский Соловьев, шуйский купец Романов при баллотировании получили по 16 шаров избирательных и по 16 неизбирательных, и инженер-поручик Алалыкин – 15 избирательных и 16 неизбирательных, по присоединении к избирательным шарам собственных их голосов получается у каждого по 17 избирательных шаров. Следовательно, всех лиц, избранных в гласные от землевладельцев Шуйского уезда, должно считаться 22 лица; но как по ведомости число гласных от землевладельцев Шуйского уезда назначено только 19, то за помещением в это число 17 лиц, получивших при баллотировании большинство избирательных голосов, должны поступить в число гласных только двое. Шуйская комиссия из числа последних пяти лиц поместила в список гласных: Бобарыкина и Алалыкина, основываясь на том..., что гг. Алалыкин и Бобарыкин в баллотировочном списке стоят выше, нежели Орлов Соловьев и Романов, тогда как по 212 ст. ст. III. Свода законов и уставов о службе по выборам старшинство сих лиц должно определяться жребием, чего съездом не исполнено».

Обязательная жеребьевка была проведена 16 декабря. Ее участников пригласили повестками, при этом явились все кроме купца Романова, находившегося в это время по своим делам в Москве и приславшего вместо себя сына, которого к жеребьевке не допустили. Чудесным образом жеребьевка подтвердила результаты первоначального голосования: благочинный о. Орлов – № 3, священник Соловьев – № 4, Алалыкин – № 2, Бобарыкин – № 1. Пятый жребий достался отсутствующему купцу Романову.⁶

Окончательный список был составлен и снова отослан во Владимирский Временный губернский комитет. Итак, первыми шуйскими земскими гласными стали:

А. По курии землевладельцев:

1. почетный гражданин Василий Степанович Каретников
2. коллежский асессор Андрей Борисович Аляев
3. почетный гражданин Иван Иванович Попов
4. коллежский асессор и кавалер Василий Дмитриевич Ошанин
5. почетный гражданин Тимофей Степанович Борисов
6. артиллерийский капитан Александр Сергеевич Иконников
7. почетный гражданин Алексей Александрович Посылин
8. почетный гражданин и мануфактур советник Яков Петрович Гарелин
9. штабс-ротмистр Павел Дмитриевич Ошанин
10. почетный гражданин Степан Михайлович Посылин
11. священник шуйской Спасской церкви Михаил Васильевич Миловский
12. штабс-капитан Илья Ильич Бороздин
13. коллежский регистратор Александр Николаевич Андреевский
14. штабс-капитан Петр Иванович Домашнев
15. надворный советник Иван Андреевич Сенсов
16. Вознесенского посада 1-й гильдии купец Николай Федорович Зубков
17. коллежский секретарь Павел Николаевич Новокщенов
18. коллежский асессор Александр Андреевич Бобарыкин
19. инженер-поручик Владимир Николаевич Алалыкин.

Б. По городской курии:

1. личный почетный гражданин Петр Петрович Волков
2. шуйский 2-й гильдии купец Петр Александрович Борисов
3. шуйский 2-й гильдии купец Иван Матвеевич Лядов
4. надворный советник Леонард Матвеевич Гуровский
5. почетный гражданин Иван Никонович Гарелин

6. Вознесенского посада 1-й гильдии купец Яков Константинович Бурков.

В. От сельских обществ:

1. временно-обязанный гр. Шереметеву Васильевской волости д. Запрудья Николай Иванович Солдатов
2. временно-обязанный г. Мосолову Чечкино- Богородской волости д. Репина Александр Дмитриевич Рыжков
3. временно-обязанный крестьянин гр. Шереметеву Васильевской волости д. Запрудья Федор Платонович Шушин
4. крестьянин собственник Дроздовской волости д. Слободки Василий Петрович Колосов
5. временно-обязанный крестьянин г. Астафьеву Дроздовской волости д. Новина Кондратий Иванович Латышев
6. крестьянин собственник Иоакиманской волости д. Брылихи Дмитрий Васильевич Ерцов
7. временно-обязанный крестьянин г. Миткову Елюнинской волости д. Колесниц Иван Яковлевич Сибрин
8. временно-обязанный крестьянин г. Горявнову Митрофановской волости д. Беркина Иван Пентрович Эсвитский
9. крестьянин собственник Брюховской волости с. Кочнева Андрей Осипович Спирин
10. крестьянин ведомства Государственных имуществ Пупковской волости д. Парфентьева Федор Михайлович Шилов
11. временно-обязанный крестьянин гр. Шереметеву Ивановской волости с. Иваново Филипп Степанович Кринкин
12. временно-обязанный крестьянин гр. Олсуфьеву Тейковской волости с. Тейково Яков Михайлович Макарин
13. временно-обязанный крестьянин гр. Шереметеву Ивановской волости с. Иваново Александр Федорович Напалков.⁷

В социальном плане это выглядело так: дворяне – 12 (31,6%), разные сословия и купцы – 12 (31,6%), священнослужители – 1 (2,6%), крестьяне – 13 (34,2%). Если сравнивать со средними показателями по всем земским губерниям России (дворяне - 42%, крестьяне - 38%, купцы - 10%, духовенство - 6,5%, прочие - 3% ⁸), то видим, что в Шуйском уезде, как, впрочем, и в соседнем Ковровском, нарождающийся класс купцов и предпринимателей оттянул себе голоса от других социальных групп и в первую очередь у дворянства.

Заканчивая рассказ о первых земских выборах в Шуйском уезде, хотелось бы поговорить об их представительстве. Тем более

что по итогам выборов во всех уездах были составлены сравнительные ведомости. По Шуйскому уезду избирательная картина получилась следующей.⁹

По избирательным спискам				Участвовавшие в выборах			
На съездах уездных земле- владельцев		Город- ская курия	Сель- ская курия	На съездах уездных земле- владельцев		Город- ская курия	Сель- ская курия
Имею- щие право голоса	упол- номо- чен- ные	373	588	Непо- сред- ствен- но участ- вую- щие	упол- номо- ченные	124	562
Дво- ряне - 101	3			13	3		
Разные сосло- вия - 47	3			4	2		
Духо- венство - 0	4			0	4		
Итого: 148	10			17	9		

Выполнив элементарные математические подсчеты, мы увидим, что явка избирателей достаточно высока, особенно, если сравнивать ее с уровнем современного интереса электората к выборам – 63,6% (в соседнем Ковровском уезде – 76, 4%). Но при этом учтем, что в избирательные списки попало лишь 1119 человек это 1,1% населения Шуйского уезда, составлявшего в то время вместе с г. Шуей и Вознесенским посадом 101201 человек.¹⁰ Высокий процент обеспечили избиратели по третьей курии – крестьяне и духовенство, которые продемонстрировали почти 100% явку. Напротив, дворяне показали полную незаинтересованность в выборах – только 15,4% (в Ковровском уезде – 17,4%) из них участвовали в избирательных съездах. Под «разными сословиями» в таблице «скрываются», главным образом, купцы и предприниматели, процент участия которых в земских выборах был еще ниже, чем у дворян – 12% (в соседнем Ковровском уезде, напротив, промышленники продемонстрировали

высокую явку – 65,6%). Явку городских избирателей также нельзя назвать высокой – 33,2% (в Ковровском уезде – 49,3%). Таким образом, первые земские выборы в Шуйском уезде показали неготовность населения к участию в них. У крестьян при административной системе, существовавшей в России, только что освободившейся от крепостного права, выбора идти или не идти практически не было. 100% явку немногочисленного духовного сословия также можно объяснить внутрицерковной дисциплиной. А вот те сословия, которые имели право выбора, в данном случае представители дворянства и нарождающегося класса предпринимателей, продемонстрировали свой полный абсентеизм.

1 марта 1866 года открылось первое организационное земское собрание,¹¹ на котором была избрана первая Шуйская земская управа, гласные в состав губернского земства и два члена Уездного училищного совета. Итак, в состав первой Земской управы избраны: личный почетный гражданин Волков Петр Петрович – председатель, с годовым окладом 1200 рублей; члены управы с годовым жалованием по 1000 рублей: инженер-поручик Владимир Николаевич Алалыкин, шуйский 2-й гильдии купец Петр Александрович Борисов, временно-обязанный гр. Шереметеву Васильевской волости д. Запрудья Николай Иванович Солдатов, временно-обязанный крестьянин г. Миткову Елюнинской волости д. Колесниц Иван Яковлевич Сибрин.¹²

Гласными губернского земства стали 6 представителей от Шуйского уезда: Я. П. Гарелин, В. С. Каретников, П. И. Домашнев, В. Д. Ошанин, П. Н. Новокщев, Л. М. Гуровский.¹³ Первыми земскими представителями в Шуйском уездном училищном совете стали почетный гражданин Василий Степанович Каретников и надворный советник Леонард Матвеевич Гуровский.¹⁴

Первое очередное земское собрание начало свою работу в Шуге 24 октября 1866 года, и основным вопросом на нем стала раскладка земских сборов, без которых деятельность земства была невозможной.¹⁵

¹¹Высочайше утвержденные Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях. 25 мая 1864 г. // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – 1830-1884. – Т. 39. – № 40934. – С. 469481.

¹² ГАВО. – Ф. 14. Оп. 3. Д. 1378. Л. 146об.-147.

¹³ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 3. Д. 1380. Л. 124об.

¹⁴ Демис Л. Н. Земские учреждения: Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Правила о порядке приведения их в действие. Циркуляры о применении положения. – СПб., 1865. – С. 28-29.

⁵ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 3. Д. 1380. Л. 124об.

⁶ Там же. – Л. 149об.

⁷ Там же. – Л. 124-124об.

⁸ Азарёв А. Ф. Отечественная история. 2.1. Земская реформа. Учебно-методический комплекс, 2005 // <http://uchebnikfree.com/russia-history/21zemskaya-reforma>. Дата обращения: 06.07. 2015 г.

⁹ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 3. Д. 1381. Л. 58об.-59.

¹⁰ Памятная книжка Владимирской губернии на 1863/1864 год. – Владимир, 1863.— С. 94-96.

¹¹ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 3. Д. 1377. Л. 142.

¹² ГАВО. – Ф. 14. Оп. 3. Д. 1380. Л. 240.

¹³ Там же. – Л. 139об.

¹⁴ Там же. – Л. 236.

¹⁵ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 3. Д. 1690.

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

«О ПРИГЛАШЕНИИ ДУХОВЕНСТВА ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ К ОТКРЫТИЮ ПРИХОДСКИХ БИБЛИО- ТЕК»: ЦЕРКОВНЫЕ БИБЛИОТЕКИ ШУЙСКОГО УЕЗДА В 1850-1870-Х ГОДАХ

Важнейшая черта культуры пореформенной эпохи – появление широкой сети внешкольных образовательных учреждений. Именно открытие большого числа библиотек, народных домов и других подобных учреждений способствовало приобщению к культуре широких слоев населения.¹ Но это явление свойственно будет преимущественно концу XIX в., а накануне реформ 1860-х гг. его контуры только начали оформляться. Многие сегменты будущего культурно-образовательного пространства российской провинции начали оформляться в дореформенное десятилетие. Широкое общественное движение за открытие библиотек для народа отмечено будет в конце XIX в., но при этом в конце 1850-х – начале 1860-х гг. общество также почувствовало потребность в создании библиотек. Основными типами распространенных в этот период библиотек были в первую очередь ученические библиотеки при учебных заведениях как светских, так и духовных; и, во-вторых, отмечено начало формирования церковных библиотек различной принадлежности, от приходских до епархиальных. Кроме того, существовали библиотеки, открытые частными лицами, но их пока было немного.

Известный «Указатель библиотек в России», составленный и опубликованный Г. Геннади в 1864 г.,² приводит сведения прибли-

зительно о 225 библиотеках в Российской империи на тот момент, в том числе:

Во Владимирской губернии это: 1) Публичная библиотека Н. П. Златовратского в губернском г. Владимире, открытая им 14 июля 1859 г. на основе существовавшей ранее с 1834 по 1839 гг. публичной библиотеки в здании дворянского собрания и закрытой за неимением средств к содержанию; 2) в уездном г. Александрове – библиотека при первоклассном Успенском женском монастыре; 3) библиотека старинных книг в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре; 4) в крупном промышленном селе Иванове в 1849 г. заведена была библиотека для чтения крупным местным предпринимателем Я. П. Гарелиным (ошибка автора «Указателя»: библиотека была открыта в 1865 г.³); 5) большую известность далеко за пределами Ковровского уезда Владимирской губернии получила библиотека при церкви с. Зименки, организованная здешним помещиком А. И. Чихачевым еще в 1846 г. (ошибка автора «Указателя»: библиотека открыта в 1854 г.⁴); 6) и, наконец, самым читающим городом во Владимирской губернии «Указатель» признает уездный г. Шую, где «есть несколько порядочных библиотек (томов в 1000) у некоторых купцов и при училищах и церквях», а 1 февраля 1861 г. стала доступной для чтения библиотека уездного училища.

В это время наблюдается движение в сторону создания библиотек и в духовном ведомстве. В 1832 г. Св. Синодом было предписано всем епархиям иметь в библиотеке каждой приходской церкви определенный набор книг. В 1861 г. этот список был расширен духовными произведениями, изданными после 1832 г., и вопрос о церковных библиотеках был предложен обер-прокурором на обсуждение епархиальным преосвященным. Благодаря этой инициативе сверху в епархиях началось движение по организации библиотек.⁵ Сразу последовали указания на уровне глав епархий. Так, владимирский преосвященный выпустил в мае 1861 г. постановление своим благочинным и настоятелям приходских храмов учреждать библиотеки в сельских церквях.⁶ Вслед за ним появилось еще одно распоряжение, вменявшее в обязанность выпускникам семинарий при назначении их в священники приобретать некоторые необходимые книги для своей личной и церковной библиотеки.⁷

Законопослушное духовенство включилось в процесс создания библиотек, которые открывались за счет средств церкви или самого священника, а некоторые на пожертвования прихожан. Сдерживающим фактором являлась бедность церковных приходов.

Тем не менее, несмотря на различные затруднения, во многих приходах были образованы довольно значительные (по оценке того времени) церковные библиотеки, постоянно пополняемые вновь выходящими книгами и периодическими изданиями.

Церковные библиотеки создавались на трех уровнях: при приходских храмах, при благочиниях и, наконец, епархиальные. Кроме того, так же, как в гражданском ведомстве, создавались библиотеки при духовных семинариях и училищах. Если звенья этой цепи расположить в хронологической последовательности, то у начала были училищные и частично библиотеки при приходских храмах, следующей ступенью была организация благочиннических библиотек, и уже позднее, за рамками интересующего нас периода, отмечается возникновение епархиальных библиотек.

В этом ряду нас интересуют библиотеки церковные, конкретно в Шуйском уезде, в указанный период времени. Репрезентативную информацию содержит Государственный архив Владимирской области. В частности, в фонде Владимирской духовной консистории (ф. 556) имеется дело «О приглашении духовенства Владимирской епархии к открытию приходских библиотек» (д. 2380) за 1865-1877 гг., материалы которого позволяют воспроизвести начальную стадию организации церковных библиотек во всех уездах Владимирской губернии, включая Шуйский.

5 августа 1865 г. Владимирский епархиальный цензурный комитет направил во Владимирскую духовную консисторию письмо такого содержания: «Цензурный комитет, усматривая из рецензий цензоров в катехизических поучениях и проповедях общие почти всем приходским священникам недостатки, происходящие главным образом от малой начитанности и слабого знакомства с современной духовной литературой, пришел к тому убеждению, что необходимо открыть приходские библиотеки. Потребность в заведении прицерковных библиотек становится еще необходимее, если принять в соображение, что Комитет, согласно с отзывами цензоров, предлагает сочинителям рассматриваемых поучений и проповедей, для обогащения мыслями, для усвоения духа и такта проповеднического слога обработки самого языка, внимательно прочитывать творения того или иного отца церкви или сочинения новейших проповедников...».⁸ В апреле следующего 1866 г. письмо обер-прокурора Св. Синода Д. А. Толстого преосвященным в епархии об учреждении при церквях библиотек «по мере возможности» придало этой акции общеимперский и практически обязательный характер.⁹ Следую-

щим документом в этом ряду во Владимирской губернии стал указ архиепископа Владимирского Антония от 30 марта 1867 года № 392, повелевавший «оо. благочинным озаботиться созданием библиотек». ¹⁰ 8 января 1869 г. последовало Распоряжение из Св. Синода «о необходимости доставлять ежегодные сведения о церковных попечительствах и церковных библиотеках». ¹¹

Во Владимирской епархии, как, думается, и в других, было принято «Положение для открываемых общих и частных библиотек при градских и сельских церквях», при этом общими считались библиотеки, открываемые в одной церкви для группы селений, а частными – только для одного поселения. Вот некоторые пункты из этого Положения:

«1. Общие библиотеки открываются в тех церквях, какие назначены с общего согласия каждого ведомственного духовенства и притом в селах центральных, притом дозволяется заводить в одном и том же ведомстве две или три общие библиотеки, смотря по удобству. Сельским благочинным, имеющим жительство в городе, не разрешается заводить общих библиотек в градских церквях как не центральных.

2. Для помещения библиотеки отводится особое место или в храме или в колокольне со шкафами, которые устраиваются на счет суммы, первоначально собранной для заведения библиотеки.

3. При общей библиотеке назначается библиотекарем священник или дьякон той же церкви. Может иметь помощника...

Средства для заведения библиотеки:

1. Для первоначального заведения библиотеки вносятся собственные пожертвования духовенства или прочих сословий.

2. На выписку книг употребляются: церковные кошельковые суммы и пожертвования». ¹²

С 1869 г. после упомянутого выше распоряжения Св. Синода начались ежегодные отчеты епархий о ходе процесса создания библиотек. Структура отчета предусматривала отчет каждого благочинного в епархию о созданных на подвластной ему территории библиотеках. Отчеты потом группировались по уездам и таким образом отсылались наверх. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют говорить о слабой активности духовенства в деле создания библиотек, что мотивировалось ими в первую очередь отсутствием средств. Например, во Владимирском государственном архиве, на материалы которого мы опираемся, сохранилась «Справка о количестве приходских душ при тех церквях, коих священники

отказались от заведения библиотеки или соглашаются выписывать книги взамен Владимирских епархиальных ведомостей».¹³

В используемом нами архивном деле сохранились отчеты благочинных Владимирской епархии за несколько лет, что позволяет представить динамику создания библиотек при церквях, в том числе и в Шуйском уезде. В 1867 году библиотеки имелись только во всех церквях с. Иваново и в с. Васильевском Шуйского уезда.¹⁴ В 1868 году по отчетам их значится 12, а с 1869 по 1875 год количество стабильно держится на уровне 11 библиотек.¹⁵ Для сравнения в соседнем Ковровском уезде их было в 1868 году 26, а к 1874 году – 29,¹⁶ в Вязниковском уезде, соответственно, 30 и 28;¹⁷ общая цифра по епархии в 1868 г. составляла 158 церковных библиотек, а в 1874-м – 163.¹⁸

Таким образом, на примере Шуйского уезда Владимирской губернии мы видим, несмотря на то, что процесс организации церковных библиотек в провинции начался, течение его было вялым. Такое положение объясняется не только бедностью церковных приходов, но в первую очередь незаинтересованностью священнослужителей и членов церковного причта в подобных библиотеках, их непониманием необходимости культурно-образовательного развития на тот исторический отрезок времени.

¹ Полякова Н. В. Образовательная система пореформенной России: практика и исторический опыт // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 2. – С. 228.

² Указатель библиотек в России. Сост. Г. Геннадии. – СПб., 1864.

³ Балдин К. Е. Яков Гарелин: предприниматель, историк, меценат. – М.: Храм, 1993. – С. 89.

⁴ Фролов Н., Фролова Э. Первая ковровская библиотека. – Ковров: ООО НПО «Маштекс», 2000. – С. 10.

⁵ Извлечение из Всеподданнейшего отчета графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1866 год. – СПб., 1867. – С. 126.

⁶ ГАВО. – Ф. 556. Оп. 1. Д. 2026.

⁷ ГАВО. – Ф. 556. Оп. 1. Д. 2029.

⁸ ГАВО. – Ф. 556. Оп. 1. Д. 2380. Л. 1-2.

⁹ Там же. – Л. 5.

¹⁰ Там же. – Л. 38-39.

¹¹ Там же. – Л. 44-44об.

¹² Там же. – Л. 17.

¹³ Там же. – Л. 24-24об.

¹⁴ Там же. – Л. 5-16.

¹⁵ Там же. – Лл. 74, 92, 134, 165, 207, 210.

¹⁶ Там же. – Лл. 65, 208.

¹⁷ Там же. – Лл. 69, 115.

¹⁸ Там же. – Лл. 77, 181.

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ СЕЛА МЕЛЬНИЧНОЕ

Начало истории села Мельничного «скрыто во тьме веков». Достоверные сведения о селе относятся к началу XVII века, информация о предшествующих временах в основном мифологична...

Название села указывает на существование когда-то здесь мельницы, возможно, как хозяйственной части барской усадьбы. От старых времен ныне остались лишь кедр и остатки парка. Около 100 лет назад еще были видны остатки двух прудов (водоемов), и под колокольной хранился обломок могильной плиты с нечитаемой надписью, которую в своё время пытался расшифровать наш первый шуйский краевед В. А. Борисов (1809-1862).

Во времена Борисова (т. е. более полутора веков назад) близ церкви в Мельничном находились два старинных надгробных камня: один из них был уже разбит, на другом с трудом можно было прочитать, что «камень сей положен над прахом рабы Божией Княжны Анны». Фамилия княжны читалась значительно хуже, чем остальной текст (а может и вовсе отсутствовала). Но В. А. Борисов посчитал, что здесь погребена княжна Шуйская. Именно это предположение и стало исходной точкой к появлению легенд о «загородном доме», «дворце» князей Шуйских, который будто бы находился «на живописной горе между речками Сехой и Мотовилихой». К сожалению, эти сведения, без сомнения, отрадные для шуян, никак не подтверждаются документально.

Некоторые современные краеведы, «развивая» Борисова, «пошли дальше» и на протяжении многих лет без мало-мальских доказательств утверждают, что в Мельничном погребена не одна, а две малолетние дочери царя Василия Шуйского – Анна и Мария (!?). Но это противоречит известным историческим фактам. У царя Василия Шуйского действительно было две дочери: Анна и Анастасия (!). (Дочери Марии у Василия Ивановича не было, хотя Марией звали его вторую жену.) Известно, что одна дочь – Анна – прожила около года и была похоронена в 1609 году в Московском Вознесенском монастыре, другая дочь (тоже малолетняя) – Анастасия – погребена в усыпальнице Суздальского собора Рождества Богородицы.

Как писал автор «Бельского летописца», «у царя Василья Ивановича всея Руси детей было только две дочери, и те во младенчестве преставились; такозовомы суть Настасья и Анна». В период проведения работ по исследованию некрополя Вознесенского монастыря в Кремле была обнаружена гробница царевны Анны Васильевны с надписью: «Лета 7118 сентября в 26 ден на память святого апостола Ивана Богослова престависидше государя царя и великого князя Василя Ивановича всея Руси царевна и великая княжна Анна Васильевна всея Руси». Когда царь Василий Шуйский был свергнут с престола и отправлен в польский плен, то его супругу Марию Петровну с дочерью Анастасией заточили в Суздальский Покровский монастырь, где они обе и похоронены...

Вернемся к достоверным фактам, относящимся к XVII веку.

Мельничное впервые упоминается в 1628 году. Уже тогда (почти четыре века назад!) в Мельничном существовала церковь во имя Чудотворца Николая. Это следует из текста челобитной священника села Мельничного Алексея Игнатьева, которую приводит В. А. Борисов в книге «Описание города Шуи и его окрестностей».

Также, ссылаясь на челобитную Внукова на Михаила Шалимова 1628 г., Борисов пишет, что по прекращению рода князей Шуйских, село было пожаловано в поместье дворянину Петру Внукову. Но текст этой челобитной пока не найден...

По данным краеведа Е. Г. Вопилина, потомка Борисова и его главного публикатора и популяризатора, из сохранившихся борисовских актов почему-то нет ни одного, относящегося к истории Мельничного. Хотя очевидно, что при написании статей по истории Мельничного Владимир Александрович использовал какие-то старинные акты XVII века.

Существуют три акта, имеющие отношение к Мельничному, но они – из коллекции ивановского купца Я. П. Гарелина. В двух из этих старинных документов упоминаются владельцы села в середине XVII века – дворяне Внуковы.

Первый документ – это явочная челобитная (1652 г.) Ф. Выповского на Г. А. Кашинцова и его людей, напавших на крестьян челобитчика, которые «секли лес» в селе Мельничном Суздальского уезда у Анны Петровны Внуковой. В другой челобитной (1656 г.) уже сам Г. А. Кашинцов жалуется на Никифора Петровича Внукова и его людей, которые «пустошат лес и угодыя» села Юрчаково Шуйского уезда, граничащие с селом Мельничным.

Упоминаемый здесь Никифор Петрович Внуков – сын Петра Ивановича Внукова и Анны Ивановны, урожденной княгини Мезецкой. Анна Ивановна – дочь князя Ивана Юрьевича Мезецкого. Возможно, старинные надгробные плиты в Мельничном принадлежали князьям Мезецким, а не Шуйским. Во всяком случае, можно определенно говорить о том, что первыми документально подтвержденными владельцами Мельничного была семья дворян Внуковых – Петр Иванович и его супруга Анна Ивановна. И в дальнейшем Мельничное на протяжении полутора столетий принадлежало дворянам Внуковым, время от времени отмечавшимся в истории своими ратными делами.

Грамота (челобитная) иерея Василия от 14 мая 1711 г. о строительстве нового храма сообщала, что церковь к тому времени стала ветха, собрано денег «немногое число», о. Василий по обещанию своему хочет строить новый храм «подле старой церкви» и просит разрешения собирать недостающие средства «с блюдом и с пеленою», т. к. церковь «всеприходная». Очевидно, что церковь не имела своего прихода и была, вероятно, дворовая. А вот чей двор стоял здесь? Шуйских, Мезецких, Внуковых или кого-то еще?...

Еще немного мистики. Любит у нас народ разные легенды о кладках, подземных ходах и т. д. Так вот, 170 лет назад незабвенный В. А. Борисов писал, что «в с. Мельничном близ самой Шуи жили князья Шуйские, где и теперь находятся обвалы. Бог знает почему, говорят о каком-то подземном ходе (тоннеле) под р. Тезу в Шую». Эта легенда стойко продержалась и далее.

Управляющий имением Шимановских С. В. Шелепов как-то рассказал местному священнику Василию Авдакову, как он «обнаружил подземный ход». Однажды Шелепов копал яму под яблоней и земля провалилась. Будто бы из-за боязни повредить яблоню Шелепов завалил яму землей и запретил своим домашним любые раскопки.

Несколько позже легенду «подтвердил» староста мельничного храма Д. Г. Макаров, который рассказывал известному шуйскому краеведу Н. А. Звездину, что от угла острога под Тезу к Мельничному шел подземный ход, который выходит около сторожки и колокольни....

Легенды и мифы подпитывают интерес к истории, хотя, конечно, не все они имеют под собой документальную основу. Но всё же относиться к ним нужно бережно: записывать, фиксировать и проверять (!), а не принимать на веру...

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО В ПРОВИНЦИИ В ДОРЕФОРМЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ(1850-1860-е гг.)

Многие сегменты будущего культурно-образовательного пространства российской провинции начали оформляться в дореформенное десятилетие. Широкое общественное движение за открытие библиотек для народа отмечено будет в конце XIX в., но при этом в конце 1850-х – начале 1860-х гг. общество также почувствовало потребность в создании библиотек. Основными типами распространенных в это период библиотек были в первую очередь ученические библиотеки при учебных заведениях, как светских, так и духовных; и, во-вторых, отмечено начало формирования церковных библиотек различного уровня принадлежности, от приходских до епархиальных. Кроме того, существовали библиотеки, открытые частными лицами, но их пока было немного.

Известный «Указатель библиотек в России», составленный и опубликованный Г. Геннади в 1864 году,¹ приводит сведения приблизительно о 225 библиотеках в Российской империи на тот момент. В том числе во Владимирской губернии: 1) Публичная библиотека Н. П. Златовратского в губернском г. Владимире, открытая им 14 июля 1859 г. на основе существовавшей ранее с 1834 по 1839 гг. публичной библиотеки в здании дворянского собрания и закрытой за неимением средств к содержанию; 2) в уездном г. Александрове – библиотека при первоклассном Успенском женском монастыре; 3) библиотека старинных книг в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре; 4) в крупном промышленном селе Иваново в 1849 году заведена была библиотека для чтения крупным местным предпринимателем Я. П. Гарелиным; 5) Большую известность далеко за пределами Ковровского уезда Владимирской губернии получила библиотека при церкви с. Зименки, организованная здешним помещиком А. И. Чихачевым еще в 1846 году (Ошибка автора Указателя, библиотека открыта в 1854 году. – *О.М.*). Указатель сообщает, что книг там до 10 000 тысяч и выдаются они безвозмездно. А «вследствие вызовов, объявлений и писем усердного учредителя обратила на себя внимание и получила значительные вклады»: 6) И,

наконец, самым читающим городом во Владимирской губернии Указатель признает уездный г. Шую, где «есть несколько порядочных библиотек (томов в 1000) у некоторых купцов и при училищах и церквах». 1 февраля 1861 г. стала доступной для чтения библиотека уездного училища.

Безусловно, необходимо учитывать, что «Указатель» Г. Геннади неполный, содержит неточности в датах открытия некоторых библиотек (Напр., совершенно точно известно, что частная библиотека в с. Зименки Ковровского уезда Владимирской губернии открыта помещиком А. Чихачевым в 1854 году, а не в 1846-м). Автор, во-первых, включил в него только те библиотеки, о которых располагал сведениями, во-вторых, в нем практически, за редким исключением, отсутствуют ученические и церковные библиотеки. Тем не менее, он позволяет обозначить основные тенденции в развитие библиотечного дела в российской провинции накануне кардинальных реформ в жизни страны.

В первую очередь следует отметить, что на данный исторический отрезок времени преобладающим типом библиотеки в провинции являлась библиотека ученическая как светского, так и духовного ведомства. Имеющиеся источники позволяют говорить о наличии библиотек в каждой духовной семинарии и светской гимназии, почти в каждом уездном светском и духовном училищах, причем, чем старше учебное заведение, тем солиднее по количеству книг его библиотека. Движение к открытию библиотек в своих учебных заведениях православное ведомство и Министерство народного просвещения (далее – МНП) начало практически одновременно.

Статья 28 Устава гимназий и училищ 1828 г. звучала так: «Всякое приходское училище имеет одобренные Министерством Народного Просвещения книги, таблицы и прочие учебные пособия, соответствующие введенному в оном способу обучения. Сверх того, при каждом по мере возможности, составляется небольшое собрание поучительных и других полезных книг, соответствующих понятию людей нижнего состояния; их могут брать для чтения не только ученики, но и прочие грамотные жители селения».² Позднее статьей 51 Устава гимназий и прогимназий 1864 г. каждая гимназия обязывалась иметь, во-первых, библиотеку, состоящую из книг, необходимых для учащихся и для учителей, конечно, только одобренных МНП и Синодом по принадлежности, во-вторых, набор необходимых пособий для педагогического процесса.

В каждом губернском городе к тому времени были гимназии со своими библиотеками. Среди верхневолжских губерний самой небольшой была библиотека при Владимирской гимназии, состоявшая из 1399 названий книг в 1522 томах, в Костромской – 5455 тома, Тверской – 4247 томов; в Ярославской гимназии библиотека состояла из 1521 названия книг в 6509 томах.³ Здесь следует отметить, что книгофонд в то время обозначался либо в количестве названий книг, либо в количестве их экземпляров. Как правило, число названий было на порядок меньше числа томов. Но если судить о содержании библиотеки, то важнее обратить внимание на количество названий книг в ней имеющихся. Все гимназические библиотеки были закрытыми, пользовались ими только преподаватели и гимназисты.

Но в начале 1860-х гг. намечается тенденция к открытию библиотек при учебных заведениях для жителей поселения или созданию наряду с ученической библиотекой при том же заведении еще и публичной библиотеки, как разрешал закон.

Началось это движение с уездных училищ. Так, из 6 библиотек уездных училищ в Ярославской губернии при одном Романово-Борисоглебском была открыта еще и публичная библиотека, которую в современном понятии этого культурного института, конечно, трудно назвать библиотекой, т.к. в ней было на тот момент только 40 названий книг. В Костромской губернии также трансформировалась в публичную только одна библиотека Макарьевского уездного училища, а во Владимирской – две, в Шуе и Вязниках.⁴

Благодаря тому, что отчет о деятельности публичной библиотеки при Шуйском уездном училище регулярно печатался во Владимирских губернских ведомостях, это позволяет нам составить представление о подобных библиотеках.

Библиотека при Шуйском училище была открыта в январе 1861 г. с разрешения попечителя Московского учебного округа. Училищная библиотека – бедная по своему содержанию, состоявшая из 264 названий (около 700 томов), «значительно увеличилась в один год, благодаря участию некоторых шуйских жителей, сочувствовавших благому делу учреждения публичной библиотеки». Были выписаны лучшие произведения русской литературы, приобретены книги по педагогике, истории и «естествоведению». Библиотека выписывала 37 периодических изданий. Среди них журналы: Православное обозрение, Журнал Министерства Народного Просвещения, Странник, Учитель, Воспитание, Русский педагогический

вестник, Журнал для детей, Книжный вестник, Современник, Время, Отечественные записки, Народное чтение, Библиотека для чтения, Русский вестник, Русское слово, Светоч, Современная летопись Русского вестника, Век, Русская речь, Сын Отечества, Указатель экономический, Вестник промышленности, Популярная медицина, Вокруг Света; газеты: Русский художественный листок, Иллюстрация, Иллюстрированный листок, Искра, Развлечение, Владимирские губернские ведомости, Северная пчела, Санкт-Петербургские ведомости, Московские ведомости, День. Кроме того, библиотека получала Собрание иностранных романов и повестей и Труды императорского Вольного экономического общества. Всего в библиотеке в 1861 году находилось около 800 названий (2500 томов). В их число входили и книги, переданные на время из личных библиотек местными предпринимателями: И. И. Гундобиным – 350 книг и М. Н. Лоначевским – 150 книг.

Акция по превращению библиотеки Шуйского училища в доступную для жителей города, состоялась благодаря пожертвованиям состоятельных шуян, не чуждых идеи культурного просветительства народа. Так, купец И. М. Лядов подарил три дубовых шкафа и около 300 томов разного содержания книг и журналов; П. И. Гундобин – больше 100 томов разных книг и журналов; от разных лиц поступило около 30 книг. В то время было развито шефство центральных ведущих библиотек страны над только что возникающими библиотеками в провинции, выражавшееся в основном в передаче книг для них: из императорской публичной библиотеки в Шую поступило 53 книги.

Библиотека размещалась в училищном здании в двух небольших комнатах и была открыта ежедневно от 2 до 5 часов дня, кроме воскресенья и праздничных дней. Далее корреспондент пишет: «К сожалению, теснота помещений была причиною тому, что читающих в библиотеку являлось мало. Все брали книги на дом. В 1862 году будет открыт и кабинет чтения. Вход в библиотеку доступен каждому. Цена самая незначительная – 3 руб. в год. Лица, не будучи в состоянии внести и этой суммы, пользуются чтением книг – бесплатно. В 1861 году получавших книги на дом было: 26 членов-жертвователей, 27 подписчиков годовых, 8 месячных и других и 6 лиц, служащих при уездном и приходском училищах. Всего 67 человек. По званиям: дворян и чиновников – 30, почетных граждан и купцов – 29, мещан – 5, крестьян – 1. В 1861 году отпущено было из библиотеки для чтения около 8000 книг и журналов и периодиче-

ских изданий. Книги преимущественно были отпускаемы беллетристического содержания... Почти вовсе не требовался указатель промышленности и Труды ВЭО».⁵ Как видим, библиотеки эти были не только принадлежностью городской культуры, но и пользовались ими в подавляющем большинстве представители образованной части общества.

Таким образом, светские публичные библиотеки начали свое существование главным образом с ученических библиотек. В предреформенное время они были только в единичном количестве и только в городах, сельская местность не была охвачена библиотечным подъемом. Мало того, и в городах их основными посетителями являлись члены общества с уже определенным уровнем культуры и образования.

В дополнении к училищным библиотекам, отметим изданный министерством внутренних дел в 1830 году по инициативе президента Вольного экономического общества Мордвинова указ об открытии публичных библиотек в губернских городах. Понятие «публичная библиотека» в то время отличалось от современного. Она воспринималась, прежде всего, как хранилище, собрание книжных раритетов. Доступ в библиотеку был ограничен, для посетителей она открывалась 2-3 дня в неделю, причем «непристойно одетые люди» не могли быть ее читателями.... И, тем не менее, появление публичных библиотек было принципиально новым моментом в процессе функционирования книги в обществе.⁶

Но при этом правительство отказалось выделять средства на их содержание и запретило использовать в этих целях средства от земских сборов и единственным источником их финансирования определило добровольные пожертвования.⁷ В результате некоторые библиотеки открывшись, просуществовали недолго и закрывались за неимением средств к их поддержанию. Типичной в этом случае является публичная библиотека в г. Владимире, проработавшая всего 4 года с 1834 по 1839 год.⁸ Тем не менее, если в 1830 году в России была только одна публичная библиотека в провинции – в Одессе, к 1835 году их стало 20.⁹ В конце 40-х гг. в городах насчитывалось 39 публичных библиотек.¹⁰ Во Владимире с 1859 г. функцию публичной библиотеки выполняла частная библиотека Н.П. Златовратского. Чуть позже в 1865 году во Владимирской губернии появятся еще две публичные библиотеки: при уездном училище в Муроме, которая станет вообще первой библиотекой в этом древнем городе на тот момент;¹¹ и 17 февраля 1865 г. – городская обще-

ственная публичная библиотека в с. Иваново Шуйского уезда, основанная местным предпринимателем и меценатом Яковом Гарелиным.¹²

Наблюдается в это время движение в сторону создания библиотек и в духовном ведомстве. В 1832 году Св. Синодом было предписано всем епархиям иметь в библиотеке каждой приходской церкви определенный набор книг. В 1861 году этот список был расширен духовными произведениями, изданными после 1832 года, и вопрос о церковных библиотеках был спущен обер-прокурором на обсуждение епархиальных преосвященных. Благодаря этой инициативе сверху, как и с церковно-приходскими школами, в епархиях началось движение по организации библиотек.¹³ Сразу последовали указания на уровне глав епархий. Так, владимирский преосвященный спустил в мае 1861 г. своим благочинным и настоятелям приходских храмов постановление учреждать библиотеки в сельских церквях.¹⁴ Вслед за ним появилось еще одно распоряжение, вменявшее в обязанность выпускникам семинарий при назначении их в священники приобретать некоторые необходимые книги для своей личной и церковной библиотеки.¹⁵

Законопослушное духовенство включилось в процесс создания библиотек, которые открывались за счет средств церкви или самого священника, а некоторые на пожертвования прихожан. Сдерживающим фактором являлось бедность церковных приходов. Тем не менее, несмотря на различные затруднения, во многих приходах были образованы довольно значительные (по оценке того времени) церковные библиотеки, постоянно пополняемые вновь выходящими книгами и периодическими изданиями. Ю. А. Иванов отмечает, что в Шуйском уезде Владимирской губернии библиотека была практически при каждом храме, и пользоваться ими бесплатно могли все прихожане.¹⁶ Но так было, скорее всего, уже в конце XIX в., а в рассматриваемый нами период открытие библиотек при церквях Шуйского уезда только начиналось. Согласно недавно обнаруженному в фонде Владимирской епархии до сего времени исследователям неизвестного документа, в 1864 году в Шуйском уезде библиотеки были только во всех церквях с. Иваново и при церкви с. Васильевского.¹⁷ С 1868 года священники приходских церквей и благочинные должны были посылать в епархию ежегодные отчеты о наличии библиотек. Так вот, согласно им, в Шуйском уезде при церквях в 1868 году наблюдалось 12 библиотек, в 1869 г. их число уменьшилось на одну и не изменялось до 1875 года.¹⁸ Это говорит о

том, что открытие библиотек было для приходских священников делом трудным и крайне обременительным.

Библиотеки создавались на трех уровнях: при приходских храмах, при благочинии и, наконец, епархиальные. Кроме того, также как в гражданском ведомстве, создавались библиотеки при духовных семинариях и училищах. Если звенья этой цепи расположить в хронологической последовательности, то у начала были училищные и частично библиотеки при приходских храмах, следующей ступенью была организация благочиннических библиотек, и уже позднее, далеко за рамками данного периода, отмечается возникновение библиотек епархиальных.

По аналогии со светскими библиотеками в начале 1860-х гг. имел место процесс превращения церковных библиотек из закрытых в публичные или открытие при церквях дополнительно отдельных публичных библиотек. Особенно этим отличались Нижегородская епархия и г. Кинешма в Костромской губернии.¹⁹ Но также как и в светском обществе, это явление носило городской характер, сельская Россия пока не была охвачена библиотечным процессом.

Завершая характеристику состояния библиотечного дела в российской провинции накануне реформ 1860-х гг., следует отметить следующие факторы: во-первых, наметившуюся в общественно-потребность в библиотеках, которая начала себя проявлять пока в основном только в городах; во-вторых, схожесть алгоритмов развития светских и церковных библиотек, одинаково начавших свое движение с ученических книжных собраний; в-третьих, библиотеки этого периода еще нельзя назвать народными, т.к. пользовались ими в основном образованные члены общества; и, в-четвертых, участие правительства в этом деле было номинальным, только с позиции надзирающей стороны, все библиотеки, будь то светские или церковные, создавались на общественные средства.

¹ Указатель библиотек в России. Сост. Г. Геннадии. – СПб., 1864.

² В помощь учащим в начальных училищах. Краткий сборник законоположений и распоряжений по начальным народным училищам Министерства Народного Просвещения /Сост. Н. Веригин. – М.: Изд-е К. И. Тихомирова, 1902. – С. 20.

³ Указатель библиотек в России...

⁴ Там же.

⁵ ВГВ. – 1862. – № 18. – 5 мая. – Н.Ч.

⁶ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 126.

⁷ Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. – М.: Книга, 1980. – С. 46-47.

⁸ Указатель библиотек в России ...

⁹ Общий отчет Министерства народного просвещения за 1835 год. – СПб., 1836. – С. 117.

¹⁰ *Абрамов К. И.* Указ. соч. – С. 52.

¹¹ ВГВ. – 1865. – № 43. – Н.Ч.

¹² Доклад членов губернского училищного совета от земства Г. В. Тюрикова и А. П. Смирнова о состоянии начальных народных училищ Владимирской губернии в 1882 году // Владимирский земский сборник. – 1883. – № 12. – Владимир: Изд-е Владимирской Губернской Земской Управы, 1884. – С. 2-35.

¹³ Извлечение из Всеподданнейшего отчета графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1866 год. – СПб., 1867. – С. 126.

¹⁴ ГАВО. – Ф. 556. Оп. 1. Д. 2026.

¹⁵ Там же. – Д. 2029.

¹⁶ *Иванов Ю. А.* Уездная Шуя 70-80-х годов XIX века: историко-культурный ландшафт (к биографии К.Д. Бальмонта) // Рождественский сборник. – Вып. III. – Ковров: Изд-во ТОО «БЭСТ-В», 1996. – С. 102.

¹⁷ ГАВО. – Ф. 556. Оп. 1. Д. 2380. Л. 7-16.

¹⁸ Там же. – Л. 74, 93, 134, 165, 207, 210.

¹⁹ Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода ... за 1866 год. – С. 130.

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

До 1871 г. никаких документов, специально регулировавших проведение народных чтений, в России не существовало, только законом 1863 г. право разрешать лекции и чтения было предоставлено попечителям учебных округов по соглашению с губернаторами. В 1871 г., вследствие всеподданнейшего доклада Санкт-Петербургского обер-полицмейстера генерал-адъютанта Трепова о необходимости устройства занимательных чтений для народа для отвлечения его от разгула и пьянства, этот вопрос был передан на обсуждение особой комиссии из министров военного, внутренних дел, народного просвещения, главного начальника III отделения, главного начальника военно-учебных заведений и петербургского обер-полицмейстера. Комиссия рассмотрела представленную Треповым записку, в которой, между прочим, было указано, что главное управление военно-учебных заведений проводит чтения для солдат еще с 1869 года. Журналом комиссии, получившим Высочайшее утверждение, было постановлено допустить в виде опыта

проведение чтений в музее главного управления военно-учебных заведений. Трехмесячный опыт чтений доказал их пользу, и в начале 1872 г. комиссия приняла решение: «1) предоставить министру народного просвещения ныне же образовать особую постоянную комиссию для ведения дела народных чтений, возложив на ее обязанность открывать народные чтения в С.-Петербурге и его окрестностях и 2) возложить на ту же комиссию разработку общих правил относительно порядка устройства чтений для народа в других местностях Империи». Постановление это получило Высочайшее утверждение, но и после того к делу народных чтений продолжали относиться крайне недоверчиво и не торопились дать ему дальнейшее движение. И только спустя три года, 24 декабря 1876 г., издаются Высочайше утвержденные правила для устройства народных чтений в губернских городах, действовавшие до самого конца XIX столетия¹. Были они весьма лаконичными и состояли всего из 9 пунктов. По этим правилам чтения разрешались по просьбам обществ и частных лиц попечителями учебных округов по соглашению с губернаторами и состояли в ведении попечителей. Материальная сторона дела находилась в ведении непосредственных организаторов чтений, а надзор за их ходом осуществлял директор народных училищ. На фабриках и промышленных заведениях чтения были запрещены. В чтениях разрешалось использовать, без дополнений и изменений, только сочинения, одобренные для того ученым комитетом МНП или Св. Синодом, причем книгу надо было читать, не отступая от текста, а не пересказывать, кратко комментировать разрешалось только демонстрируемые световые картинки. К проведению чтений допускались лишь те лица, которые получили на то разрешение от губернатора в случае подтверждения их благонадежности. И губернатор же мог закрыть чтения, если был замечен факт нарушения установленных условий. О народных чтениях в уездных городах и селениях в правилах 1876 г. не упоминается, и это умолчание истолковывалось центральной и местной администрацией в смысле их полного запрещения.

Таким образом, согласно действовавшему законодательству, начало такой культурно-просветительской практики как народные чтения, ограниченной радиусом губернских городов, следует отнести к самому концу 1876 года.

Следующим законодательным этапом стал закон от 11 октября 1894 г., вызванный к жизни многочисленными ходатайствами земств². Одно из таких ходатайств – Тверского губернского земства

легло в основу вышеупомянутого закона, который так и назывался «Об устройстве народных чтений вне пределов губернских городов». И был он, скорее, дополнением к прежнему закону, чем новым, потому как все остальные ограничения, вызванные опасением правительства, что чтения станут источником распространения противоправительственных настроений, остались неизменными. По этим правилам, разрешение на проведение народных чтений выдавали министры народного просвещения, внутренних дел и обер-прокурор Святейшего Синода, персонально на каждые, а проводились они под контролем «местного общественно-административного, духовного и учебного начальства». Главенство православной церкви в этом направлении новыми правилами было только усилено.

Добившись разрешения на проведение чтений по всей территории уезда, за исключением чтений для фабричных и заводских рабочих, земства стали добиваться, также путем ходатайств, упрощения процедуры их открытия, что, несомненно, очень сильно сдерживало развитие данной культурной практики. Известны, например, такие обращения со стороны Тверского губернского земства в 1897 году, Костромского – в 1898 году и Владимирского земства в январе 1899 года.

Результатом таких обращений, земских в том числе, и стал закон от 28 января 1901 г., которым были Высочайше утверждены новые правила о народных чтениях, внесшие некоторое облегчение в порядок их устройства³. Разрешение чтений было предоставлено директору народных училищ, причем лекторами могли быть только лица, относительно которых не встречалось препятствий со стороны губернатора. Правила допускали теперь проведение чтений на фабриках и заводах. Кроме того, в особых случаях чтения могли производиться по сочинениям, не вошедшим в министерские каталоги, но каждый раз с разрешения директора народных училищ. Особенностью этих Правил являлось прямое указание на то, что они не распространяются на православное ведомство. В предыдущих документах данный порядок действовал «по умолчанию». Такое правовое неравенство изначально ставило земство и другие светские институты в неодинаковые условия с православной церковью, отдавая последней приоритет в этом направлении.

На основании этого закона изданы были в том же году соответствующими министрами правила о народных чтениях, устраиваемых попечительствами о народной трезвости, и правила о чтениях

по медицине, гигиене, ветеринарии и животноводству. Чтения последнего рода производились с разрешения губернатора лицами, имеющими медицинские и ветеринарные степени, по программам, утверждаемым губернским врачебным или ветеринарным инспектором. 3 декабря 1902 г. министром народного просвещения утверждены правила о народных чтениях, устраиваемых при учебных заведениях ведомства МНП. И, наконец, 15 февраля 1903 г. утверждено положение о порядке производства народных чтений по сельскому хозяйству. На этом законодательная процедура оформления народных чтений в дореволюционной России была завершена. Правда, в последующие годы Министерством народного просвещения по соглашению с МВД разрабатывался проект установления явочного порядка устройства народных чтений вместо разрешительного, но силы закона он так и не получил.

Выше мы дали характеристику светского законодательства о народных чтениях, которое не распространялось на православную церковь. Сразу отметим, что каких-либо специальных актов о развитии народных или, как они назывались в церковной практике, духовно-нравственных, внебогослужебных чтений духовным ведомством не выпускалось. Отметим только один – это Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов 1888 г., где в параграфе о круге деятельности отделений указаны «чтения для народа»⁴.

Совершенно обосновано внешними обстоятельствами, что православная церковь первой приступила к реализации данной формы просвещения народа. Несмотря на то, что церковь не попадала под действие светских законов, так совпало, что официально временем начала «внебогослужебных» (Следует различать проводимые давно церковью воскресно-праздничные пастырские собеседования с прихожанами и публичные чтения с просветительской целью, названные «внебогослужебными» или религиозно-нравственными) чтений в православном ведомстве также стал 1876 год, когда увидели свет первые Правила о народных чтениях. Именно тогда впервые такая рубрика появилась и во Всеподданнейших отчетах Св. Синода, хотя, к примеру, в С.-Петербурге, Дерпте, Воронеже, Харькове и Саратове чтения проводились церковью и раньше, а вот вновь открыты они были в г. Владимире на базе епархиальной библиотеки. Чтения велись городскими священниками по воскресным и праздничным дням, и посещались, согласно Отчету, значительным числом слушателей⁵. Связано это было в первую оче-

редь с возникновением в епархиях православных братств, в уставах которых был обязательным параграф об устройстве религиозно-нравственных чтений для населения. Ярким примером тому может служить город Кинешма в Костромской губернии, единственный уездный центр, где уже в 1876 году открылись церковью религиозные чтения для народа в местной Вознесенской церкви⁶ благодаря действовавшему здесь с 1865 г. православному приходскому братству. В связи с открытием в Костромской епархии в 1879 году Александровского братства при Ипатьевском монастыре, она пополнила в 1880 году список епархий, где были организованы «внебогослужебные собеседования»⁷. То же самое можно сказать и о Тверской епархии, которая включилась в этот процесс в 1885 году, после того как в ноябре 1884 г. здесь открыло свои действия православное братство вел. кн. Михаила Ярославовича⁸. В 1885 году Св. Синод утвердил постановления Киевского и Казанского епископских совещаний, которые рекомендовали «внебогослужебные собеседования как один из важных способов религиозного воздействия на народ»⁹.

Таким образом, законодательное оформление такого направления культурного просвещения населения России как народные чтения следует отнести к трем последним десятилетиям XIX в., что говорит о признании государством значимости данной культурно-образовательной практики. Но при этом, приоритет в ее реализации очевидно отдавался православным структурам как более надежному гаранту политической безопасности.

¹ ПСЗРИ: Собрание (1825-1881). – Т. 51 (1876). – Ч. 2. – № 56762. – С.556-557.

² ПСЗРИ: Собрание (1881-1913). – Т. 14 (1894). – № 10993. – С.596.

³ ПСЗРИ: Собрание (1881-1913). – Т. 21 (1901). – Ч. 1. – № 19619. – С.35-36.

⁴ Вестник Владимирского губернского земства. – 1888. – № 20. – С.912-914.

⁵ Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1876 год. – СПб., 1878. – С.124-127.

⁶ Костромские епархиальные ведомости. – 1887. – № 10. – Неоф. ч. – С.335.

⁷ Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1880 год. – СПб., 1881. – С.108.

⁸ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1885 год. – СПб., 1886. – С.134.

⁹ Там же.

«ЖЕЛАЮ ПОЛУЧИТЬ ЗВАНИЕ УЧИТЕЛЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ...»

В XIX–начале XX века в российской системе церковно-школьного образования существовала практика получения права обучать детей на основании экзамена с присвоением звания учителя. Она получила распространение с 1889 г., когда Св.Синодом были разработаны и утверждены «Правила для производства испытаний по духовному ведомству на звание учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы». На тот момент это не являлось новаторским изобретением духовного ведомства, т. к. подобное существовало в светской системе образования.

Испытанию на получение звания учителя подвергались лица с разнообразным общим образованием: «уволенные и вышедшие» из духовных семинарий и училищ, окончившие церковно-приходскую или второклассную школы. Все они, кроме выпускников последней, не имели законченного среднего образования и специальной педагогической подготовки. Лица, окончившие высшие и средние образовательные учреждения, а также тот, кто окончил 4 класса духовной семинарии не обязаны были сдавать данный экзамен. Они определялись на учительские места на основании аттестатов и свидетельств, но обязаны были дать пробный урок.

К экзамену допускались лишь лица православного исповедания мужчины не моложе 17 лет и женщины – не моложе 16 лет.

До начала XX века экзамены проходили два-три раза в год только в учебное время (с 1 сентября по 1 мая). Так, например, во Владимирском епархиальном женском училище в 1907-08 г. испытания проходили: в октябре, в декабре и в феврале.¹ Во Владимирском духовном училище в 1917-18 г. экзамены на звание учителя церковно-приходской школы проводилось «по примеру прежних лет» в 2 срока: в первом полугодии со 2 по 4 октября 1917 г., во втором – с 6 по 9 февраля 1918 г.² С 1902 г. Св. Синод разрешил проводить испытания и в летнее каникулярное время, но при условии одновременного функционирования педагогических курсов, т. к. соискателям необходима была школьная база для проведения пробных уроков.³

Местом испытания являлись духовные семинарии, женские епархиальные и духовные училища. Соискательницам на звание учительницы в случае отсутствия женского епархиального училища или «дальности расстояния места жительства или службы просительницы» разрешалось сдавать экзамены в мужских духовных учебных заведениях.⁴ В 1903 г. право производить испытания и выдавать свидетельства на звание учителя или учительницы церковно-приходской школы было дано совету церковно-учительской школы.

Нелегкий путь сдачи экзамена, а точнее нескольких начинался с подачи документов в соответствующую инстанцию. В частности, учитель Архангельско-Сарской церковно-приходской школы Пошехонского уезда Ярославской епархии Семен Каменский, желающий получить звание учителя в 1902 г. подал прошение на имя ректора протоиерея М. В. Троицкого в Ярославскую духовную семинарию следующего содержания: «Желая получить звание учителя одноклассной церковно-приходской школы, имею честь просить Ваше Высокопреподобие сделать мне испытание для получения звания учителя во вверенной Вам Семинарии.

При сем прилагаю документы, выданные мне из Епархиального Училищного Совета за № 44 и свидетельство о бытии на исповеди 1901 года января 7-го дня».⁵ Интересно, что указанный претендент предоставил сразу два подобных свидетельства. Одно по месту работы, а другое по месту жительства, а точнее «по месту пребывания своего в доме родителей». В последнем случае священником М. Розовым церкви с. Елохова Рыбинского уезда было указано, что С. Каменский «вел себя отлично хорошо».⁶

Соискатель на звание учителя предоставлял еще и свидетельство о рождении и крещении, о звании. Те, кто обучался в государственных или общественных учебных заведениях подавали аттестат или соответствующее свидетельство. Испытуемые, кроме того, должны были внести плату. Она обычно составляла 5 рублей.⁷

После рассмотрения и одобрения прошения начинались экзамены. Они проходили по программам, утвержденным Св. Синодом.⁸ Она была практически идентичной министерской на звание учителя начальной школы. А потому получивший звание учителя церковно-приходской школы мог без дополнительных препятствий поступить работать в начальные училища МНП.

Испытание проходило в устной и письменной формах. Устными были экзамены по Закону Божию и церковно-славянскому языку, истории, географии. По первому предмету соискатель звания

должен был знать около двадцати основных молитв, Священную историю Ветхого и Нового Заветов в объеме программы для двухклассных церковно-приходских школ, катехизис по книге «Пространный христианский катехизис» митрополита Филарета, учение о богослужении в рамках изучения его в городских училищах, церковную историю по «Краткой церковной истории» протоиерея П. Смирнова. По церковно-славянскому языку требовалось продемонстрировать умение «внятно» читать и переводить на русский язык тексты Святого Евангелия, а также знать наиболее употребительные этимологические и синтаксические формы языка. Экзаменующий должен был знать краткую историю России (для подготовки рекомендовалась книга Рождественского «Отечественная история в рассказах»), а по географии – все части света (по изданию Пуциковича «География для народных и других элементарных училищ») и географию России (по учебнику А. Баранова «География Российской империи, курс городских и уездных училищ».⁹

Письменными были экзамену по русскому языку и арифметике. Знания по русскому языку признавались удовлетворительными при условии правильного свободного чтения текста, в том числе наизусть тексты стихотворений и басен, владения элементарным курсом русской грамматики (этимология и синтаксис), умения написать сочинение повествовательного или описательного содержания на предложенную тему. По арифметике требовалось знать курс в рамках учебника для церковно-приходских школ, главным образом, «правильно и толково решать задачи».¹⁰

Программой предусматривалось (при желании соискателя звания) экзамен по церковному пению, который после успешной сдачи давал право обучать в школе данному предмету. В этом случае выдавалось свидетельство с преимуществом при определении на учительскую должность.

Кроме сдачи теоретической части, соискатели должны были дать пробные уроки по русскому языку и арифметике.

Некоторым соискателям давалось право проходить испытание по сокращенной программе. В первую очередь это были лица, окончившие мужское духовное училище, городское, уездное или прочувшиеся первые четыре класса мужской гимназии, мужской или женской прогимназии, женского училища духовного ведомства, епархиального женского училища, второклассную школу и проработавшие «с успехом» в начальной церковной школе 2 года.¹¹ Сокращенный экзамен предполагал письменные ответы по цер-

ковно-славянскому языку и арифметике, устную беседу и пробные уроки. Для тех, кто из претендентов имел неудовлетворительную оценку по гражданской истории в прежних учебных заведениях, сдавали этот предмет в полном объеме.

Упомянутый в статье Семен Каменский проходил испытание в сокращенной форме с 14 по 19 января 1902 г. По русскому языку он выполнил работу на тему «Значение грамотности в жизни крестьянина», получив 3 балла. По церковно-славянскому языку произвел перевод текста, а также этимологический и синтаксический разбор Св. Луки (гл. XXIV ст. 30-31). Работа была оценена в 4 балла. По арифметике¹² решал задачи (оценка 3 балла).¹³ На пробном уроке по русскому языку С. Каменский занимался объяснительным чтением статьи «Прилежание, труд, а еще более молитва все преодолевают». Комиссией было отмечено, что ее «чтение и разбор» были проведены «правильно и толково». По арифметике с учениками средней группы практикант решил задачу на умножение многозначного числа на многозначное, при множителе, имеющем в среднем ноль (336*603). С. Каменский «решил и разъяснил ученикам скоро и удобопонятно». За пробные уроки он получил 4 балла.¹⁴

Как правило, экзамены принимала специальная комиссия из числа преподавателей – специалистов по заявленным предметам. В нее входил на правах члена епархиальный или уездный наблюдатель церковных школ. В случае с С. Каменским комиссию возглавлял ректор Семинарии протоиерей М. В. Троицкий.

Комиссия в каждом случае составляла протокол о производстве испытания, где было прописаны устные и письменные вопросы, содержание пробных уроков и общего заключения о достоинстве кандидата. Затем протоколы отправлялись на утверждение епархиального архиерея.

Все работы оценивались по пятибалльной шкале. 5 означало отличные «познания» кандидата, 4 – хорошие, 3 – удовлетворительные, 2 – посредственные и 1 – слабые. До начала XX века баллы, полученные по всем предметам, сводились к среднеарифметическому. Лицо, получившее «в общем выводе» не менее трех с половиной баллов, удостоивалось звания учителя или учительницы церковно-приходской школы. Но с 1902 г. было установлено Св. Синодом, что в случае получения неудовлетворительного балла по какому-либо предмету при среднеарифметическом показателе 3 ½ балла по всем экзаменам, звания не присуждать. Провалившийся первый раз мог

через год повторить свою попытку. Испытание в третий раз не допускалось.¹⁵

Количество учителей со званием учителя в православных школах возрастало с каждым годом. Об этом свидетельствует статистика. Если в 1898 г. в начальных церковных школах Владимирской и Костромской губерний работало соответственно 75 и 113 учителей с различными званиями, «приобретенными чрез особое испытание», то в 1912 г. – уже 244 и 222.¹⁶

Таким образом, экзамен на звание учителя являлся одним из средств повышения квалификации педагогов начальных школ духовного ведомства и, как следствие, уровня образования учащихся. Строгая регламентация процесса являлась своеобразной гарантией качественной подготовки учительского состава церковных школ.

¹ Владимирские епархиальные ведомости. – 1907. – № 25. – С. 139.

² Владимирские епархиальные ведомости. – 1917. – № 28. – С. 268.

³ Настольная книга по церковно-школьному образованию / Сост. В. Лотоцкий, Г. Сендульский. – Одесса, 1903. – С. 92.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 236. Оп. 1. Д. 434. Л. 1.

⁶ Там же. – Л. 3.

⁷ Красницкая Т. А. Начальное духовное образование в провинциальной России. XIX – начало XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). – Шуя: Поли-Центр, 2006. – С. 151.

⁸ Настольная книга по церковно-школьному образованию / Сост. В. Лотоцкий, Г. Сендульский. – Одесса, 1903. – С. 91–94.

⁹ Там же. – С. 95–96.

¹⁰ Там же. – С. 95.

¹¹ Указания и распоряжения правительства и высшего церковно-школьного управления по делам церковных школ за 1902–1905 гг. Вып. I–IV. – СПб., 1914. – С. 9.

¹² Примеч.: Пример одной задачи: «У женщины были две золотые сережки равного веса 48 пробы и кольцо 84 пробы. Сережки весили 1 золотник 14 долей и кольцо – 1 золотник 14 долей. Сережку она потеряла, а остальные отдала мастеру и велела всего золота сделать брошку. Какой пробы выйдет брошка?» (ГАЯО. – Ф. 236. Оп. 1. Д. 434. Л. 17–18).

¹³ ГАЯО. – Ф. 236. Оп. 1. Д. 434. Л. 6–7, 8–9, 10–10 об.

¹⁴ Там же. – Л. 11–11 об.

¹⁵ Настольная книга по церковно-школьному образованию / Сост. В. Лотоцкий, Г. Сендульский. – Одесса, 1903. – С. 94.

¹⁶ Владимирские епархиальные ведомости. – 1913. – прил. к № 33. – С. 2–3; Костромские епархиальные ведомости. – 1913. – прил. к № 11. – С. 2–3; Отчет Костромского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковных школ в 1898 г. – Кострома, 1899. Таблица 5; Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. Выпуск III. Положение начального народного образования во Владимирской губ. в 1898 г. – Владимир на Клязьме, 1900. – С. 214–215.

**ПРОБЛЕМЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
II-Й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ОЧЕРКАХ ПИСАТЕЛЯ-НАРОДНИКА И. Н. ХАРЛАМОВА¹**

Забытое ныне имя писателя-народника Ивана Николаевича Харламова (1854 – 1887), выходца из семьи сельского священника погоста Веретево Ковровского уезда Владимирской губернии (ныне территория Камешковского района Владимирской области), связано преимущественно с научно-публицистическими очерками по истории церковного раскола и сектантства. Однако его перу помимо этого принадлежат около трёх десятков художественных очерков и рассказов, опубликованных в 1870-80-х годах на страницах центральных газет и журналов. В своих очерках народник, рассматривая проблемы повседневности пореформенной российской деревни, так или иначе, касался культурных и религиозных основ идентичности российского общества второй половины XIX века.

Народническая литература, подчеркивает советский исследователь М. С. Горячкина, «содержит в себе наглядную картину «укладывания» новых общественных отношений в пореформенную эпоху», отличаясь при этом такими характеристиками, как обращение к широким массам народа, полемичность произведений, публицистичность, преобладание социологизма над психологизмом.²

Задачи, которые ставил писатель в процессе создания художественных очерков под заголовком «Сельские картинки», раскрывает письмо редактору «Ремесленной газеты» Ф. Д. Нефёдову: «Правдиво описать несколько выдающихся явлений сельской жизни, выясняя по возможности причины этих явлений, вот моё желание. Из ряда таких картинок, может быть, получится довольно полная картина обыденной сельской жизни».³ Надо полагать, что поставленные здесь задачи можно отнести и к остальным рассматриваемым беллетристическим произведениям народника.

В прозе Харламова отражается трансформация пореформенной российской деревни под воздействием развивающихся капиталистических отношений, постепенного ослабления влияния традиционных институтов, прежде всего общины. В связи с этим персонажами многих произведений становятся люди из народа, по тем

или иным причинам выбивающиеся за рамки традиции. В очерке «Из-за раздела» – это крестьянский сын Дмитрий, решивший попытаться счастья в городе и ставший извозчиком, или Прохор («На волю»), не нашедший себя в крестьянской жизни, Фёдор, главный герой очерка «Вражья сила», пробовавший себя в роли содержателя городской питейной лавки, Степан Ширин, герой очерка «Срамники», не желавший утруждать себя тяжёлым крестьянским трудом и т.д. Всех персонажей объединяет стремление преодолеть жизненные трудности и найти себя в жизни вне сельского мира. Каждый, в той или иной степени, терпит неудачу и имеет шанс найти спасение только в деревне, в тяжёлом повседневном крестьянском труде. В схожей ситуации оказываются и представители сельского духовенства, церковнослужители, а также их дети (очерки «Несчастливая», «Солдатское счастье», «Дьячки»). Надо сказать, что подобный выбор вполне вписывается в систему взглядов народника: в будущем Харламов видел сельских священников частью народной массы, потому что только в этом случае у них были шансы сохранить свой авторитет в обществе.

Сквозной темой, проходящей через многие очерки Харламова, является тема противостояния города и деревни. Публицисты журнала «Русское богатство», к которому некоторое время принадлежал и Харламов, по мнению советского исследователя Б. П. Козьмина, были убеждены в том, что деревня воспитывает в крестьянине особое чувство братской солидарности, недоступное для других общественных классов. Крестьянин, перенесённый в условия городской жизни, на фабрику и завод, утрачивал это мирское чувство и поддавался «разлагающему влиянию индивидуализма».⁴

«...Я заметил, – говорит народник устами одного из своих героев, – что эта жажда жизни «по-человечески», это стремление заявить свою личность вырастает, или, по крайности, может вырастать на туземной почве, без каких-нибудь особенных влияний извне. Можно подумать даже, что «город» вовсе не возбуждает сам чувства личности, а разве только растит, поддерживает его при известных, благоприятных условиях и очень часто направляет его развитие в совсем уж негодную сторону полной *разнузданности* [курсив Харламова. – С.Х.] личности насчёт всех других – приводящей опять к патриархальному деспотизму и в семье, и в общественных отношениях».⁵ Именно на указанных чертах в описании картин городской жизни и делает акцент писатель в своих очерках.

В работах народника «город» (причём преимущественно уездный, провинциальный) и «село» предстают непримиримыми врагами. Симпатии самого автора не вызывают сомнений: один из его очерков носит красноречивое название «Вражья сила», под которой автор подразумевает городскую среду. В эту среду попадает главный герой, недавний крестьянин Фёдор, а теперь содержатель городской питейной лавки, который «продал свою душу городу». Народник рисует процесс адаптации к городской культуре, сопровождающийся значительными сложностями, внутренними противоречиями и борьбой. Ситуация требует от него не просто внешнего уподобления городской культуре и образу жизни, но изменения менталитета, что давалось мучительно: «слишком уж тяжело было ещё деревенскому по основным воззрениям человеку свыкаться с картинами людской подлости, вести систему постоянного обмана и грабежа».⁶ В схожей ситуации оказался и герой очерка «Из-за раздела» крестьянский сын Дмитрий. Начала общинности, «вывезенные из деревни Дмитрием, подрывались шаг за шагом... эти начала в городе оплёваны и брошены».⁷ Драматизм ситуации, рисуемой Харламовым, заключался в том, что, пытаясь порвать с деревенской традицией, новые «горожане» не могли полноценно адаптироваться к чуждой культуре, оставаясь на её обочине, но, в то же время, были не готовы вернуться к привычному крестьянскому образу жизни.

Обращает на себя внимание тенденциозность, с которой Харламов описывает как городской, так и крестьянский мир, причём описание последнего порой представляется идеализацией: «Мужик до такой степени влюблён в свою деревню, — размышляет писатель, — до такой степени сжился, сросся с родными местами, где каждый уголочек знает и любит во всех мельчайших деталях, что лучше этих мест он ничего не находит, и хочет, чтобы лучше их ничего не было».⁸ Эта черта отмечена Козьминым, причислявшим Харламова к представителям «оптимистического народничества».

Актуальной для народника являлась мысль о том, что проникающий в деревню капиталистический уклад оказывался способен развести по разные стороны баррикад не только жителей одной деревни, например, кулаков и бедноту, но и родственников, членов одной семьи. В качестве примера можно привести очерк «Из-за раздела», в котором показан конфликт двух братьев из-за семейного имущества, окончившийся трагедией: младший брат пытался отравить старшего, за что был отправлен на каторгу. Подобная участь ждала и героя очерка «Вражья сила» Фёдора, совершившего поджог

дома ненавистного тестя. Затрагивая тему семейных разделов, нельзя не коснуться взглядов народника на устройство традиционной семьи. Эта проблема нашла своё отражение в очерках «Последняя потеря», «По старине». Харламов выступал противником семейного деспотизма, поэтому поддерживал идею раздела больших многопоколенных семей и создания малых (нуклеарных), построенных на принципах равенства, где было меньше шансов оказаться «под деспотической рукой большака».

Современные исследователи А. Л. Фокеев и Е. Г. Чеботарёва подчёркивают, что народники активно включали фольклорные элементы в свои произведения.⁹ С этой точки зрения интерес представляет описание сельских сходов в очерках «Дьячки», «Стенное писание», «На наделе», отражающие особенности принятия деревенской общественностью коллективного решения. Показательна сцена вынесения решения сельским сходом о принятии дьячка Онисимыча в состав общины: «кричат и машут руками, и ругаются, и, наконец, договариваются до полнейшего непонимания друг друга».¹⁰ В итоге, однако, просителю, пусть и не без трудностей, удалось добиться одобрения со стороны сельского мира. В своих очерках Харламов стремился передать речевые обороты, характерные для деревенского жителя: «Экое благолепие, Господи!..., – восхищается Степан Ширин («Срамники»), – ровно анделёночки маленькие певчатки поют, век бы слушал!... А уж облаченья – всё-то золото, – так всё и горит, – не то что наша серота! Проживёшь вот здесь, да и век этой красы не увидишь, и кто ё ведает, зачем на сем свете колотился».¹¹

В ходе анализа художественных очерков Харламова заслуживает внимания и краеведческий аспект. В разных произведениях мы встречаем собирательный образ села под названием Залесово, однако наряду с ним на страницах очерков упоминаются и вполне узнаваемые названия суздальских сёл – Янёво, Константиново, Небылое. Наибольший интерес с краеведческой точки зрения представляет автобиографический очерк «Без начала и без конца», где описаны малая родина писателя – погост Веретево Ковровского уезда и город Суздаль, в котором Харламов закончил духовное училище.

Таким образом, написанные Харламовым художественные очерки, раскрывающие особенности повседневной жизни пореформенной российской провинции, необходимо рассматривать не в отрыве от публицистики, а как способ выражения народнических идей средствами художественной прозы.

¹ Научная публикация подготовлена в рамках гос. задания ВлГУ № 927/14 на выполнение гос. работ в сфере научной деятельности.

² Горячкина М. С. Художественная проза народничества. – М.: Наука, 1970. – С. 8-10, 137.

³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 342. Оп. 1. Д. 129. Л. 1.

⁴ Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. – М.: Академия наук СССР, 1961. – С. 430.

⁵ Харламов И. Н. Срамники (Из рассказов сельского учителя) // Русский курьер. – 1883. – №193.

⁶ Харламов И. Н. Вражья сила (Очерк) // Мирской толк. – 1879. – №16. – С. 139.

⁷ Харламов И. Н. Из-за раздела (Очерк) // Московское обозрение. – 1876. – №12. – С. 178.

⁸ Харламов И. Н. Стенное писание (Очерк) // Дело. – 1882. – №7. – С. 236.

⁹ Фокеев А. Л., Чеботарёва Е. Г. Демократическая очеркистика 1860-х годов и народническая литература (традиции и преемственность) // Вестник Вятского государственного университета. – 2009. – Т. 2. – №4. – С. 132.

¹⁰ Харламов И. Н. Дьячки (Бытовой очерк) // Пчела. – 1875. – №40. – С. 478.

¹¹ Харламов И. Н. Срамники (Из рассказов сельского учителя) // Русский курьер. – 1883. – №198.

С. Б. КУДРЯШОВА
(г. Камешково)

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА АТРИБУЦИЮ МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА

Известная всем фотография хора рожечников под управлением Н. В. Кондратьева, датированная 1883 г., всегда атрибутировалась как фотография с парижской афиши и была связана с их поездкой во Францию. Но новый документ, появившийся в музее, позволяет дать ей другое определение.

В журнале «Всемирная иллюстрация»¹ за 1883 год была опубликована также фотография, но с другой подписью к ней: «Хор крестьян-музыкантов Владимирской губернии, игравших в Москве во время празднества коронации».

До недавнего времени считалось, что рожечники играли только на празднике коронации Николая II в 1896 г. Император Александр III короновался в Москве 15 (27) мая 1883 года.

Помимо фотографии в журнале помещена небольшая заметка о музыкантах, и она дает некоторые пояснения, почему им выпала такая честь: «Музыкальность русского народа не подлежит сомнению. Наши унылые национальные песни, полные своеобразной мелодии и чувства, ясно свидетельствуют о присутствии поэтического чувства в массе, и наши самоучки-крестьяне поражают любителей и знатоков музыки своим врожденным талантом, исполняя самоучкою произведения народной музыки на своих нехитрых инструментах с изумительным ансамблем. Один из таких примеров представляет оркестр, состоящий из крестьян Владимирской губернии, изображенный на нашем рисунке. Все они самоучки, но достигли замечательного совершенства исполнения на своих самодельных дудках, свирелях и других

духовых инструментах, так что удостоились одобрения в Бозе почившего императора Александра II.

*В последнее время оркестр этот был приглашен в Москву, где играл в цирке г. Саламонского, вызывая шумные одобрения москвичей. Нельзя не пожелать, чтобы эти музыканты посетили и нашу северную столицу, где наверно их ожидает блестящий успех».*²

Эта небольшая информация послужила основой для дальнейшего исследования. К тому, что смог узнать М. В. Воронцов, добавились совершенно новые факты. Михаил Васильевич собрал в основном воспоминания родственников рожечников. К тому времени с момента выступлений хора Н. В. Кондратьева прошло уже 100 лет. Память не могла сохранить все. А документальных источников практически нет. Когда и при каких обстоятельствах произошла встреча императора Александра II с рожечниками – не известно. Он трагически погиб 1 марта 1881 г. Но одобрение императора сыграло свою роль в их дальнейшей концертной деятельности.

О концертной деятельности рожечников также мало документов. Известно, что выступали более чем в 40 городах, разных странах. Но за 1883 год существует 2 свидетельства: одно сделал А. П. Бородин. Вот что сообщал он в письме Дианиным в село Давыдово Владимирской губернии: «На днях слышал Ваших «Володимирцев» – рожечников; это такая эпическая народная красота во всех отношениях, что я совсем раскис от удовольствия... Жаль будет, если Вы их уже не застанете! И как они представительны в своих светло-желтых широких балахонах и цилиндрах! А гармонизация у них совсем в церковных тонах, сплошь!» Письмо датировано 31 августа 1883 г.

Второе свидетельство мы получили из «Всемирной иллюстрации». Весной и летом 1883 года они выступали в цирке А. Саламонского в Москве. Цирк Альберта Саламонского, о котором упоминается в заметке, был открыт в Москве на Цветном бульваре в 1880 г. В цирке выступали жонглеры, наездники, клоуны, гимнасты, дрессированные лошади. Саламонский также выступал перед зрителями. Цирк стал невероятно популярным развлечением москвичей. Саламонский подбирал программу так, чтобы номера были разнообразными, выполнены мастерски, и зрителя всегда ждали новинки. Альберт Саламонский охотно приглашал на свою арену певцов, музыкантов, хоры – он не хотел отрывать цирк от традиции народных гуляний. Например, в 1883 году был приглашён оркестр, состоящий

из крестьян, игравших на деревянных инструментах (дудки, рожки, свирели).

Из Москвы путь рожечников лежал в Санкт-Петербург. Но не имея поддержки, маловероятно, что они самостоятельно могли решиться на такие далекие гастроли. Здесь, помимо императора, немалую роль в их деятельности сыграл антрепренер Алексей Федорович Картавов (? – 1894), с которым они познакомились на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде в 1882 году и который субсидировал Кондратьева для поездки хора в Москву и Санкт-Петербург.

О нем нам известно из статей М. В. Воронцова и рассказа С. Никитина «Чудесный рожок», где он представлен отрицательным героем, бросившим на произвол судьбы рожечников в Париже.

О нем удалось собрать небольшую информацию. Сам он выходец из крестьян, начинал свою деятельность в Вологде, затем в Санкт-Петербурге бужетчиком в ресторациях, как и его братья – Антон и Иван. Преуспев, занялся устройством увеселительных заведений. Именно ему принадлежал увеселительный сад «Ливадия»³, где и выступали рожечники в 1883 году.

Это был не столько новый по типу, сколько новый по своим масштабам увеселительный сад, рассчитанный на среднюю и мелкую буржуазию. Его организатор сделал ставку на сравнительно широкую доступность всех зрелищ, особенно воскресных гуляний, которые собирали тысячи петербуржцев. Для этого в воскресные дни ставились особые эстрадные программы, объединённые по тематическому признаку.

Для привлечения публики выдумывались все новые развлечения. К концу 1879 года в саду работало наружное освещение и, как писали в афишах, устраивалась «фантастическая иллюминация», а самым популярным аттракционом был запуск воздушных шаров. На сцене «Ливадии» пела известная парижская певица Монбазон. Картавов первым в Петербурге поставил только что написанную оперетту французского композитора Робера Планкетта «Корневильские колокола». Но постепенно увеселительный сад теряет свою популярность, и А. Картавов начинает работать с театральными труппами в Санкт-Петербурге, Москве, Вильно, Харькове. Эта деятельность также протекала с переменным успехом, о чем свидетельствуют такие газетные заметки: *«Наконец, А. Ф. Картавов выписал для своего театра «Зимняя Ливадия» французскую опереточную труппу с бывшим любимцем петербургской публики г. Жюто. Но*

труппе этой судьба не поспособствовала, так как 6 марта «Зимняя Ливадия» сгорела дотла.

Пожар начался около 9 часов вечера после 1 акта «Периколлы». Замечательно, что в этот день был дебют Жюто. Картавов понес убытку до 40.000 руб. Из публики сгорел только один какой-то старичок, сидевший в оркестре. Таким образом пожар окончился благополучно, если не считать того обстоятельства, что почти все зрители лишились своих шуб и пальто, сделавшихся жертвою огня вследствие дурного устройства гардеробной. Чтобы помочь беде Картавова и его французским артисткам и артистам, дирекция отдала им на неделю Малый театр».

О нравах, царивших в среде антрепренеров, сообщает любопытная хроника журнала «Театр и искусство»: *«сверхпрограммный номер» представлен в саду «Казино-Электрик», где один из основателей, в недалеком прошлом хозяин «Ливадии» г. Алексей Федорович Картавов и г-жа Матрена Картавова неожиданно появились в самый разгар садовых увеселений и с «гиком и непозволительными ругательствами накинулись на каких-то своих служащих».* Был составлен протокол и состоялся суд, наказавший Картавова штрафом в 25 руб. и семидневным арестом, а его супруга и вовсе подверглась месячному аресту: *«приятно отдохнуть и вкушать мир после трудов сезона»*, — ядовито заключает корреспондент. Но иронизировать в данном случае, по-видимому, не стоило. Через четыре года тот же журнал сообщил о смерти «небезызвестного антрепренера А. Ф. Картавова» в больнице для умалишенных и в полной нищете.

Возвращаясь к 1883 году, хочется добавить один штрих: во время выступлений рожечников в «Ливадии», они были приглашены в Петергоф, где музыкантов представили Александру III. Он слушал их вместе с семьёй на свежем воздухе под парковыми липами. Играли недолго, заслужив похвалу императора, получили от него в конверте сто пятьдесят рублей ассигнациями. Фотографировались вместе с императором. По сведениям наших городских старожилов, эта фотография была когда-то, но сейчас ее нет. Но мы очень надеемся, что она найдется.

¹«Всемирная иллюстрация» — русский еженедельный иллюстрированный, художественно-литературный журнал, один из самых популярных среди иллюстрированных изданий второй половины XIX столетия в России. Издавался в Санкт-Петербурге в книгоиздательстве Германа Гоппеса 1869 по 1898 гг. общим тиражом до 10000 экз. Печатался в петербургской Типографии Императорских Спб. Театров

Эдуарда Гоппе. Ежедневник создан по аналогии с первым в мире британским иллюстрированным еженедельником «Иллюстрированные лондонские новости». *«Всемирная иллюстрация»* является предшественницей современных иллюстрированных и научно-популярных журналов.

² Всемирная иллюстрация. – 1883. – 4 июня.

³ История этого парка, расположенного в Санкт-Петербурге на берегу Большой Невки, начинается в 1834 году. Тогда там было открыто "Заведение искусственных минеральных вод", чей увеселительный сад простирался до Черной речки. С мая по сентябрь отпускали за плату лечебные ванны, а желающие пили целебные воды. Однако в «Заведении» не только лечились, но и развлекались. Особо здесь преуспел Иван Иванович Излер. Но сад сгорел, и в 1875 году эту территорию взяли в аренду три антрепренера – А. Ф. Картавов, Г. А. Александров и Д. А. Поляков, начинавшие свою карьеру у Излера. Ресторан, открытый на бывшей чернышевой даче, получил название «Ливадия». Вскоре название «Ливадия» распространилось и на всю окружающую местность. Однако затем союз предпринимателей распался. Александров и Поляков открыли по соседству новый развлекательный сад, получивший название «Аркадия». Единоличным владельцем «Ливадии» становится Алексей Федорович Картавов.

О. С. БУСЛАЕВА
(г. Иваново)

ОРГАНИЗАЦИЯ ОТДЫХА УЧАЩИХСЯ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЙ ВЛАДИМИРСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Гимназическое образование в России на рубеже XIX и XX вв. представляло собой соединение двух процессов – обучения и воспитания подрастающего поколения. Однако представители передовой российской общественности, сосредоточившие в своих руках управление женским образованием, стремились не только к усвоению гимназистками знаний по основополагающим дисциплинам курса, но также заботились о физическом здоровье воспитанниц, которое часто выпадало из стройной системы гармонизации развития личности в рамках гимназического образования. Для учащихся оздоровительный отдых являлся необходимой мерой в условиях крупных фабричных городов, которыми являлись Иваново-Вознесенск и Кострома в конце XIX – начале XX вв.

При написании статьи были использованы архивные материалы Государственного архива Костромской области, отчеты общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской

женской гимназии, а также исторический очерк Юрьевецкой женской гимназии имени А. С. Пушкина.

В Иваново-Вознесенске вопросами отдыха и оздоровления гимназисток занималось общество вспомоществования бедным ученицам, объединяющее крупных промышленников и предпринимателей провинциального города. На заседании общества 8 марта 1912 г. по предложению члена его правления И. И. Смирнова было решено устроить летнюю колонию – аналог современного детского лагеря, для бедных и слабых здоровьем учениц.¹ Необходимость в оздоровлении воспитанниц была очень острой. За последние годы своего существования Иваново-Вознесенская женская гимназия значительно выросла, подавляющая часть поступавших учениц была из бедных, как правило, крестьянских, семей. Многие из воспитанниц испытывали постоянный голод; на утренние занятия в гимназии они уходили без завтрака, в перерывах между занятиями также ничего не ели. Дома многие из учениц не видели продуктов, необходимых для здорового растущего организма, таких как мясо, молоко и белый хлеб. Часто на занятиях у воспитанниц кружилась голова, болело в груди, носом шла кровь, что свидетельствовало об ослабленном здоровье большинства воспитанниц. Как отмечалось в отчете общества, «полное отсутствие гигиены, хроническое голодание и холод, тяжелые условия семейной жизни» неизбежно приводили к различным заболеваниям, довольно частым среди которых была чахотка.² Об одной из воспитанниц школьный врач говорил, что она «откашляла себе все легкие».³ В то время как большинство учащихся из обеспеченных семей имели возможность в летнее время выезжать на дачи или к морю, воспитанницы из «недостаточных» семей были вынуждены находиться в среде душного фабричного города, для нужд которых и была организована колония.

Первоначально предполагалось произвести небольшой набор учащихся – в рамках первого опыта летнего оздоровительного отдыха ограничиться 20 воспитанницами, распределив их в две смены, каждая из которых составляла 5 недель. Колония расположилась в усадьбе М. С. Удина в деревне Клинцево недалеко от Иваново-Вознесенска. Она находилась в деревянном доме с мезонином и огромной террасой, защищенном лесом от пыли, что способствовало оздоровлению воспитанниц, привыкших находиться в промышленном городе.⁴ Кроме того, члены общества вспомоществования Иваново-Вознесенской женской гимназии пожертвовали средства на содержание учащихся в летней колонии. Так, М. А. Гарелина,

попечительница учреждения, внесла 150 р., которыми обеспечивалось содержание 5 гимназисток в течение всего лета.⁵

Распорядок «колониального» дня воспитанниц был следующий: в 8 часов утра они поднимались, пили молоко с хлебом, через два часа ели 2 яйца и чай с хлебом. Обед состоял из обязательного мясного блюда (с куском мяса), каши с маслом и молока. При этом два раза в неделю, в воскресенье и четверг, вместо каши воспитанницам давали жареное мясо. Ежедневно около 5 часов вечера они съедали 2 яйца и чай с хлебом, а в 8 часов вечера колонисткам полагался ужин, состоящий из каши с маслом, иногда творога и молока с хлебом.

Воспитанницы жили в летней колонии на началах самообслуживания: из их числа по очереди выбирались дежурные, которые готовили пищу, а затем убрались и мыли посуду. В остальном гимназистки были полностью свободны и не имели принудительных прогулок и занятий. В воскресные дни к колонисткам приходили пешком родители, радовавшиеся за своих детей и благодарившие учредителей летней колонии.⁶ Отчеты правления общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии свидетельствуют о том, что отдых в летней колонии позволил многим воспитанницам существенно поправить здоровье. В этой связи уже 19 февраля 1914 г. было решено организовать летнюю колонию по примеру предыдущих лет. Правление общества ассигновало для этой цели 1000 р. из расходного капитала, а почетная попечительница М. А. Гарелина выделила для этой цели 200 р., что обеспечило содержание 5 учениц в течение всего лета.⁷ Пребывание в колонии вновь было разделено на две очереди, однако, число учениц в каждой из них возросло до 30 человек.

Не только в Иваново-Вознесенске, но и в других, менее крупных городах, вопросы отдыха учащихся стояли очень остро. В частности, в Юрьевце педагогический совет женской гимназии имени А. С. Пушкина организовывал экскурсии для воспитанниц. Первая подобная экскурсия, продолжавшаяся в течение трех дней, состоялась в 1903 г., когда учащихся 4-го класса прогимназии повезли на теплоходе до Нижнего Новгорода для осмотра исторических памятников: гробницы Косьмы Минина, музея и древнего соборного храма, нового собора на ярмарке.⁸

Следующая аналогичная экскурсия была проведена в 1909 г. для учащихся VIII педагогического класса. Она продолжалась уже в течение 20 дней, включая дорогу до Москвы, где предполагалось

ознакомить воспитанниц с «религиозными историческими и научными памятниками».⁹ В следующем году усилиями попечительного совета женской гимназии была организована экскурсия для группы учащихся VII и VIII классов на 14 дней, включая дорогу, с целью познакомить воспитанниц с достопримечательностями Санкт-Петербурга, в рамках которой предполагалось «осмотреть Петергоф и водопад Иматру».¹⁰ Наконец, в 1911 г. в связи с приближающимся столетием отечественной войны была организована экскурсия с ученицами VII и VIII классов с целью «осмотра города Москвы и Бородинского поля», в рамках которой учащиеся познакомились с историческими и патриотическими памятниками столицы.¹¹

Попечительным советом гимназии практиковались не только выезды с экскурсионными группами далеко за пределы города. В отличие от промышленного Иваново-Вознесенска, экологические условия Юрьевца способствовали организации оздоровительных мероприятий для воспитанниц. В частности, в весеннее и осеннее время под руководством педагогов ученицы предпринимали как пешие прогулки, так и небольшие паромные путешествия по окрестностям для знакомства с местными достопримечательностями, находившимися близ города и реки Волги, а также для игр на свежем воздухе, что способствовало улучшению здоровья ослабленных воспитанниц. Не только во Владимирской, но и в Костромской губернии, представители прогрессивной общественности стремились обеспечить гимназисткам полноценный отдых, в том числе, способствующий оздоровлению учащихся. Так, руководителями Костромской частной женской гимназии имени Ю. В. Смольяниновой 3 мая 1908 г. было учреждено общество детской климатической колонии в городе Ялте, действующее в летние месяцы.¹²

Эта колония также являлась аналогом детского лагеря и была предназначена «для слабых и болезненных детей обоего пола, в возрасте от 6 до 15 лет».¹³ Она соединяла в себе преимущества школьной летней дачи и детского санатория для учащихся, которым требовалось поправить здоровье. Колония функционировала с 1-го мая по 1-е октября в окрестностях г. Ялты на берегу моря. Преследуя благотворительные цели, общество предоставляло воспитанникам возможность за сравнительно низкую плату в размере 45 р. в месяц отдыха на полном содержании, а также врачебный и воспитательный уход «в обстановке, приближающейся к семейной».¹⁴ Особенное внимание обращалось на усиленное питание и на физическое

развитие детей. В гигиено-диетический режим отдыхающих входили морские и солнечные ванны, купания, врачебная гимнастика, игры и прогулки под руководством опытного воспитательного персонала. С разрешения врачей допускались и учебные занятия.

Таким образом, представители прогрессивной российской общественности в конце XIX–начале XX вв. в рамках поддержки женского среднего образования в качестве основной задачи рассматривали не только учебно-воспитательный процесс, но также и оздоровительный отдых воспитанниц. В ряде случаев усилиями попечительных советов и обществ помощи нуждающимся воспитанницам организовывались выезды на природу, что позволяло ученицам существенно поправить свое здоровье. Кроме того, поездки носили не только оздоровительный, но и учебно-просветительный характер, что позволяло воспитанницам ближе познакомиться с историей и культурой своей родины.

¹ Отчет правления общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии за XXX-й год. – Иваново-Вознесенск, 1913. – С.17.

² Там же.

³ Балдин К. Е. Начало начал: Очерки истории школы № 30 г. Иванова. – Иваново, 2003. – С.47.

⁴ Отчет правления общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии за XXX-й год. – Иваново-Вознесенск, 1913. – С.17.

⁵ Там же.

⁶ Балдин К. Е. Указ.соч. – С.49.

⁷ Отчет правления общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии за XXXII-й год. – Иваново-Вознесенск, 1915. – С.16.

⁸ Исторический очерк Юрьевецкой женской гимназии имени А.С. Пушкина (26 мая 1899-1913 г.). – Юрьевец: Типография В.Н. Крылова, 1913. – С.27.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф.428. Оп.1. Д.40. Л.18.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

К. Е. БАЛДИН
(г. Иваново)

ЦИРКОВОЕ ИСКУССТВО В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ В НАЧАЛЕ XX В.

На рубеже XIX и XX столетий в Иваново-Вознесенске сложилось досуговое пространство, которое по своей структуре было довольно характерным для крупного индустриального центра. Большую часть населения города в этот период составляли горожане в первом поколении – рабочие, служащие, мелкие предприниматели, которые относительно недавно перебрались из деревни в город.

Они принесли вместе с собой в урбанистическую среду формы досуга, характерные для сельских жителей. Поэтому на улицах рабочих слободок «Русского Манчестера» можно было видеть взрослых людей, которые, например, водили хороводы. Недавние горожане устраивали по деревенской традиции посиделки с неизменными семечками и пересудами. В то же время город предлагал и даже навязывал новые формы времяпрепровождения, такие как развлечения на качелях и каруселях, посещение балаганов, цирка, а для наиболее любознательных – театральных спектаклей. В начале XX в. появилось техногенное развлечение, очень быстро завоевавшее популярность благодаря своей дешевизне – кинематограф.

Тысячи зрителей привлекали цирковые представления. Сейчас большую часть их посетителей составляют дети, но в то время среди них преобладали взрослые. Если в настоящее время в Иванове есть один цирк, то до революции таких развлекательных заведений было два. Один из них располагался на окраине города, на Ярмарочной площади. Ежегодно на протяжении полумесяца в сентябре в городе шумела Воздвиженская ярмарка, с 1884 г. обосновавшаяся рядом с местечком Глинищево. Она имела скорее не коммерческое, а развлекательное значение. На ярмарочной территории наряду с торговыми рядами находились различного рода балаганы, панорамы, карусели, а также цирк братьев Акима и Петра Никитиных.¹

Он работал не круглый год, в холодный сезон прекращая свою деятельность, как, впрочем, и другие увеселительные заведения на ярмарке, оживленно функционировавшие только в сентябре во время Воздвиженской ярмарки. Топографически она располагалась

там, где ныне сходятся улицы Кузнецова, Красных зорь и Мархлевского.

Другой цирк в Иваново-Вознесенске в краеведческой литературе обычно называют цирком Киселева. На самом деле Михаил Иванович Киселев был владельцем данного заведения далеко не все время его работы. Например, в 1908-1909 гг. хозяином цирка являлся Е. М. Ефимов, в 1911-1912 гг. – А. Д. Горец. В 1909 г., а потом в 1914 г. директором-распорядителем цирка являлся М. И. Киселев. По происхождению он был крестьянином села Овчухова Владимирского уезда Владимирской губернии. Ему принадлежал лесопильный завод в Кинешме и склад древесных материалов в Иваново-Вознесенске. Однако земля под зданием цирка принадлежала городу и поэтому владельцы цирка должны были платить за ее аренду. В год аренда стоила в среднем 600-750 рублей.²

В одном из архивных дел сохранились рисунки внешнего вида цирка и его план. Стены здания были бревенчатыми, внутри находились места для зрителей из простонародья, расположенные в семь рядов, рядом с ареной – ложи для более состоятельной публики. Сверху зрительный зал прикрывал матерчатый шатер. С одной стороны зала находилось фойе для зрителей, с другой – уборные (гримировочные комнаты) для артистов. Цирк стоял на том месте, где сейчас располагается трехэтажный Дом художника с выставочный залом рядом с современной площадью Ленина.³

Важным событием в цирковой жизни города явились состоявшиеся в сентябре 1903 г. гастроли А. Л. Дурова с «антропологической труппой». Этот анонс означал, что в цирковом коллективе были как люди, так и животные. Из газетных публикаций ясно, что он привез в Иваново-Вознесенск различных животных, в том числе даже крыс.⁴

Иваново-вознесенцы в то время, наверняка, не до конца понимали, кто к ним приехал на гастроли, и не осознавали значение этого человека в истории отечественного циркового искусства. Между тем это был основатель, пожалуй, самой известной российской цирковой династии Анатолий Леонидович Дуров. Впрочем, того же звания достоин и его брат Владимир Леонидович. А. Л. Дуров, выступая с животными, разыгрывал с ними небольшие сценки и даже пьесы. Сюжеты их порой отличались большой смелостью, т. к. задевали бюрократов-чиновников или даже полицию.

В 1910 г. на гастроли в «Русский Манчестер» приехал цирк Э. Труцци. В анонсе, напечатанном в местной газете, говорилось,

что он имеет «самый большой парк дрессированных лошадей» и руководитель цирка сам является дрессировщиком.⁵

Гастроли труппы Э. Труцци проходили в июне-июле 1910 г. Визитной карточкой этого цирка были не только дрессированные животные, но и номера так называемой французской борьбы. В качестве участников ее для большего разнообразия выступали представители разных стран и даже различных человеческих рас. Среди имен борцов фигурировали некие Шварц, Коссинский из Киева, В. Моор, Дон Хосе Мануэль, какая-то «Черная маска», а также Хасан Юсмен из Турции и чернокожий атлет Али-Абдул. При этом в рекламной публикации авторы ее клялись, что он – «настоящий негр», а вовсе не раскрашенный черной краской представитель европеоидной расы. Практически ежедневно борцы парами мерились силами на манеже, возбуждая острый интерес публики.⁶

Параллельно атлеты использовались для привлечения зрителей в «конкурсе мужского телосложения», в нем призы за самый красивый маскулинный торс присуждала сама публика. Также упоминавшийся выше Шварц демонстрировал чудеса в поднятии тяжестей. Штанги и гири Труцци почему-то с собой не привезли, и Шварц одновременно выжимал над головой правой рукой два двухпудовых мешка с мукой, а левой – еще один такой же лабазный двухпудовик.⁷

Большой переполох в Иваново-Вознесенке возник в связи с появлением на цирковой арене (в качестве артиста!) бывшего полицейского надзирателя Гендрихсона. Большинство обывателей Иваново-Вознесенска хорошо знали его и немало побаивались. Участок его находился в посадской части города. Гендрихсон держал в страхе местных рабочих, мелких лавочников и извозчиков. Он нечасто сидел в своей канцелярии и предпочитал прогуливаться, наблюдая за порядком, по Вознесенской площади (ныне – пл. Ленина), по близлежащим торговым рядам.

Он, будучи представителем власти, не постеснялся вступить пайщиком в цирк, построенный на той же площади. При внезапной ревизии дел у Гендрихсона была обнаружена растрата денег. Ему пришлось уйти из полиции. Тем временем дела цирка шли неважно, поэтому Гендрихсон решил поднять доходность его и... сам вышел на арену в качестве куплетиста, рассказчика и даже клоуна. Сначала он немного стеснялся, сменив форменную фуражку на шутовской колпак. Его фамилия на афишах была сокращена и выглядела как «Генсон», но потом «робость» прошла, бывший надзиратель окон-

чательно вошел в роль, а его фамилию на афишах стали печатать полностью и крупными буквами. Публика валом повалила в цирк именно «на Гендрихсона». Сборы труппы удвоились и даже утроились. С арены как «мастер художественного слова» он много говорил на злобу дня, задел даже полицию, в которой незадолго перед этим служил, за что и был награждаем аплодисментами.⁸

Однажды происходившие в Иваново-Вознесенске цирковые представления заинтересовали чиновника такого высокого ранга, как владимирский губернатор. Служащие его канцелярии были обязаны внимательно прочитывать газеты, которые выходили во Владимирской губернии и отслеживать все новости, причем не только политические и криминальные. В мае из губернской столицы пришел запрос, адресованный иваново-вознесенскому полицмейстеру – почему здесь в цирке было допущено представление с массовой раздачей подарков зрителям от администрации этого досугового заведения (для привлечения публики на представления). В соответствии с циркулярами Министерства внутренних дел такая раздача была незаконной.

Сохранившаяся в архивном деле вырезка из «Ивановского листка» повествует о том, что 23 апреля 1909 г. здание цирка было до отказа набито публикой, которая, услышав о раздаче подарков, польстилась на дармовщину и валом повалила в цирк. Впервые в его истории пришлось вывешивать над кассой объявление «Все билеты проданы». Зрители не обманулись в своих ожиданиях. Действительно, подарки были настоящими и некоторые – отнюдь не дешевыми. Счастливы получили четверо стальных и серебряных карманных часов, 6 будильников, 4 самовара, 1 швейную машинку, лампы, серебряный портсигар. Подарком стала также цирковая лошадь, но выигравший этот живой приз оставил животное цирку, как он вырился – «на племя», а сам взял вместо нее 50 рублей.

Иваново-вознесенский полицмейстер докладывал губернатору по этому поводу о том, что из-за низких сборов (всего по 8-10 рублей за вечер) цирковая труппа оказалась в тяжелом положении, люди и животные голодали. В составе труппы насчитывалось около 25 человек, не считая детей. Они полуголодной толпой явились в иваново-вознесенское полицейское управление с просьбой о помощи. Именно поэтому, руководствуясь гуманными принципами, полицмейстер разрешил представления с раздачей подарков – чтобы привлечь публику. Как видим, расчеты полиции и циркачей на поправку их материального положения оправдались.⁹

На рубеже XIX и XX столетий в русском городе преобладала деревянная застройка. В связи с этим пожары были частым явлением. Не являлись исключениями и цирковые здания, тем более что во время представлений здесь использовался открытый огонь. В 1901 г. ночью сгорел находившийся на Ярмарочной площади цирк Никитиных. К счастью, он был застрахован на 6 тыс. рублей и вскоре было построено новое здание. По Иваново-Вознесенску ходили слухи о том, что без поджога дело не обошлось.¹⁰

Гораздо больший резонанс получил пожар, который произошел в цирке Киселева в ноябре 1910 года. Газеты сообщали, что в огне погиб китаец-жонглер с совсем не китайской фамилией Исаев, получил ожоги конюх, который ухаживал за цирковыми лошадьми. Погибли в огне дрессированные собачки и одна из лошадей. Местная пожарная команда прибыла на место поздно, когда огонь уже сделал свое дело.¹¹ Руководитель труппы Дмитрий Андржеевский обратился за помощью к местной общественности и просил собрать деньги хотя бы для переезда на предстоявшие гастроли в Коломну. Ивановцы, сочувствовавшие бедственному положению циркачей, собрали для них 350 рублей.¹²

Происходивший в России в начале XX в. динамичный процесс урбанизации привел к существенному расширению аудитории циркового искусства. Теперь яркие, шумные, иногда эпатажные представления имели возможность смотреть тысячи бывших сельских жителей, для которых это зрелище было новинкой. Пассивное, а иногда активное участие (когда актеры вовлекали зрителей в канву действия) в цирковых представлениях увлекало этих зрителей и одновременно служило для них субъективным маркером того, что они превращаются в «настоящих» горожан и, следовательно, поднимаются на одну ступень выше по социальной лестнице по сравнению с сельскими обывателями, лишенными такого рода «радостей жизни».

При этом они пока не замечали, что эстетический и нравственный уровень отдельных номеров и даже целых представлений оставляет желать много лучшего. Впрочем, это не исключало того, что на провинциальных цирковых площадках выступали в числе других и настоящие мастера этого искусства. В Иваново-Вознесенске гастролировала труппа семьи Труцци, которая на рубеже XIX и XX в. состояла из высокопрофессиональных артистов и была в числе лучших в России. Здесь побывал один из трех знаменитых братьев-итальянцев – Энрико Труцци. Крупным событием в

цирковой жизни провинциального города следует признать гастролы Анатолия Леонидовича Дурова.

¹ Тихомиров А. М. Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. – Иваново: ИД «Референт», 2011. С.198.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф.2.Оп.1. Д.4851. Л.1,2,5; Д.4447. Л.1,4-6, 8, 9, 12.

³ Там же. – Д.4884. – Л.18.

⁴ Бюллетень Российского телеграфного агентства. Иваново-Вознесенск. – 1903. – 13 сентября. – 17 сентября.

⁵ Ивановский листок. Иваново-Вознесенск. – 1910. – 3 июня.

⁶ Там же. – 1910. – 23 июля.

⁷ Там же. – 1910. – 23 июля. – 25 июля.

⁸ Старый владимирец. Владимир. – 1909. – 30 сентября; Ивановский листок. – 1909. – 1 сентября.

⁹ Государственный архив Владимирской области. – Ф.14. Оп.4. Д.3074. Л. 649.

¹⁰ Северный край. Ярославль. – 1901. – 28 июня.

¹¹ Старый владимирец. – 1910. – 16 ноября. – 20 ноября.

¹² ГАИО. – Ф.2.Оп.1.Д.557. Л.73.

Н. Ю. НОВИЧКОВА
(г. Иваново)

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГУБЕРНИЯХ И УЕЗДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

К началу XX века уровень развития пожарной охраны как общественного института позволил разделять это широкое понятие на противопожарную службу и на систему государственных мер по борьбе с пожарами. Все законодательные постановления по вопросам предотвращения пожаров и соблюдения правил пожарной безопасности, изложенные в Своде законов Российской империи и в циркулярах министра внутренних дел, можно разделить на 5 основных групп:

1) Постановления для руководства полиции, дающие право следить за выполнением в городах обязательных постановлений по предупреждению пожаров, а также контролировать процесс тушения огня.

2) Постановления о правилах пожарной безопасности и об ответственности за их соблюдение для домовладельцев и заведующих частными, казенными и общественными зданиями, а также для городских обывателей.

3) Постановления о правилах пожарной безопасности и об ответственности за их соблюдение для волостных начальников и сельских жителей.

4) Постановления о мерах по предотвращению пожаров в лесах и на торфяниках.

5) Постановления о мерах по предотвращению пожаров на транспорте.

«Городовое положение», утвержденное 16 июня 1870 г., предоставило полиции большие полномочия по контролю за проведением противопожарных мероприятий и деятельностью пожарных команд. Согласно 104 статье этого законодательного документа, перед принятием любого постановления о мерах пожарной безопасности органы общественного самоуправления должны были получить одобрительное заключение начальника местной полиции. Он мог вносить изменения и в ранее принятые постановления по данному вопросу.

Полиция обязана была наблюдать за возведением в городах и селениях строений по установленным строительным нормам, следить, чтобы нежилые помещения во дворах не были без ее ведома перестроены в жилые, т. е. с устройством печей (ст. 394. Уст. Строит.). За несоблюдение этих правил законодательством было предусмотрено наказание не только для обывателей, но и для самих полицейских чинов. Статья 1064 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, гласила: «Чиновники полиции, виновные в допущении неразрешенных начальством постройки, перестройки или починки, или же в допущении построек в тех местах, где такие строения не дозволяются, подвергаются денежному взысканию не свыше трехсот рублей».

В обязанности полиции входил и надзор за выполнением всех работ, связанных с использованием огня, а также торговлей огнеопасными материалами (например, стопином, т. е. зажигательной нитью). Полиция отвечала и за состояние пожарного обоза, по этой причине регулярно проверяя исправность пожарных инструментов. Уездные полицейские власти должны были держать под контролем соблюдение обывателями мер предосторожности от пожаров, которые были указаны в законе. С этой целью проводились регулярные проверки и принимались меры к ликвидации выявленных нарушений. Обыватели, равно как и представители городской администрации, получали письменные предписания. Подобная практика осуществлялась повсеместно.

Рассмотрим в качестве примера документ, составленный в 1901 году помощником уездного исправника г. Буя Костромской губернии. 4 апреля 1901 года Буйскому купцу Василию Галанину была отправлена повестка следующего содержания: «Настоящею повесткой обязываю Вас в 2-х дневный срок убрать щепу у дома Вашего в слободе за рекой. Предупреждаю, что за неисполнение сего мною будет возбуждено судебное преследование». Такая обеспокоенность представителя местной полиции была не случайной. В случае пожара деревянные отходы являлись прекрасной пищей для огня и способствовали быстрому его распространению.

Согласно ст. 304 Устава о предупреждении и пресечении преступлений в обязанности полиции входил контроль за тем, чтобы:

- 1) огонь на открытом воздухе разводился на безопасном расстоянии от строений, мостов, пристаней и лесов;

- 2) путники, которым нужно было разводить огонь, уезжая, непременно его гасили.

В случае возникновения пожаров полиция контролировала явку на пожар обывателей с необходимым снаряжением и смотрела вместе с городским и сельским начальством за сохранностью спасенного имущества.

Статья 736 общ. губ. учреждений обязывала уездное полицейское управление следить, чтобы в селениях по возможности приобретались пожарные насосы, а в случае пожара «домохозяева, согласно сделанному для того расписанию, сами являлись или присылали людей с определенным для каждого пожарным снарядом». Те же обязанности статья 805 возлагала на нижних чинов уездной полиции – «нижние чины уездной полиции стараются, чтобы в посадах, местечках и селениях были заводимы пожарные трубы и другие орудия, крючья, щипцы, багры, ухваты и имелись в готовности топоры, ведра, кадки, ушаты и прочие потребности».

Выполнение этих требований на практике оказывалось для полицейских нелегкой задачей. Типичную для многих российских деревень ситуацию наблюдал корреспондент журнала «Страховое дело» в одной из деревень Архангельской губернии летом 1907 года. День был воскресный, и группы нарядно одетых парней и девушек прогуливались по деревенским улицам под звуки гармошки. Погода стояла жаркая, и на небе не было ни облачка. Вдруг над крышей небольшого дома, стоявшего на краю села, показался легкий дымок, который вскоре превратился в густой столб дыма. С деревенской колокольни послышались звуки набата. К горящей избе,

с целью посмотреть на пожар, начал стекаться народ. Группа подвыпивших мужиков стояла в стороне, наблюдая, как пламя начинает охватывать дворовые постройки.

Прибежавший урядник начал призывать их начать тушение пожара. В ответ мужики поставили ему условие – открыть для торговли винную лавку, хотя прекрасно понимали, что он не имел на это права, поскольку торговля вином по праздникам и воскресным дням была запрещена. Урядник вынужден был согласиться, т. к. огонь уже стал угрожать соседним домам. Ему удалось только «выторговать» у мужиков согласие получить выпивку не сразу, а после пожара. Крича и ругаясь, они, наконец, приступили к работе и быстро сломали несколько построек. Это позволило локализовать, а затем и ликвидировать пожар. Урядник выполнил свое обещание разрешить винную торговлю, поскольку другого способа спасти деревню от выгорания не нашлось. Несколько дней спустя за это он был уволен со службы. Скорее всего, новый урядник, наученный горьким опытом своего предшественника, сделал для себя соответствующие выводы и не стал столь рьяно относиться к исполнению своих обязанностей. При оценке подобной ситуации возникает желание добавить к известному изречению князя Владимира «Руси есть веселие пити» слово гореть.

Согласно статье 802 общ. губ. Учреждений уездная полиция должна была способствовать тому, чтобы обыватели для защиты от пожаров сажали между домами лиственные деревья. Полицейские чины контролировали строительство и эксплуатацию кузниц, маслобоен, красилен, овинов, риг и других заведений, где разводился большой огонь. Они же отвечали за то, чтобы пастухи и проезжающие разводили огонь только в безопасных местах.

После извещения о лесном пожаре местная полиция лично распоряжалась его тушением. По инструкции, утвержденной министром внутренних дел 4 октября 1878 года, уездные исправники и полицмейстеры имели право привлекать к тушению огня войска, а покинуть место пожара могли только тогда, когда он полностью прекратился. В целях предотвращения нового возгорания полицией назначались на месте происшествия временные особые караулы из местных жителей. (Ст. 617 Уст.Лесн.).

Таким образом, наблюдение за организацией пожарной защиты в уездах было всецело передано во власть уездной полиции. В городах за соблюдение мер пожарной безопасности полностью отвечала городская полиция.

После тушения пожара представители местных полицейских властей незамедлительно проводили расследование о причинах его возникновения. Доклад обо всем случившемся с подробными объяснениями причин пожара и указанием размеров понесенных убытков отправлялся губернатору (Ст. 308 Уст. о пред. и прес. прест.). Такой порядок был установлен еще в середине XIX века. Министерство внутренних дел составило предписание для полицмейстеров и уездных исправников, в котором говорилось: «...в случае, если пожар не произошел от очевидной случайности, принимать самые энергичные меры к раскрытию причины бедствия и преследованию виновных по горячим следам».

При этом полицейские чины не должны были ограничиваться только сбором первоначальных сведений о пожаре и передачей их судебному следователю. Дознание следовало продолжать и «неослабно разыскивать виновных». О лицах, нарушивших правила пожарной безопасности, полиция сообщала мировому судье. Виновные в умышленном поджоге или воровстве во время пожара привлекались к уголовной ответственности.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что губернские и уездные полицейские управления согласно действовавшему в пореформенное время в России законодательству несли ответственность за обеспечение мер пожарной безопасности в городах и сельской местности. Полицейские не только осуществляли непосредственный контроль за соблюдением правил пожарной безопасности со стороны населения, но и руководили тушением пожаров, а также проводили розыск лиц, виновных в их возникновении.

Библиографический список

1. Городовое положение с объяснениями, высочайше утвержденное 16 июня 1870 г. – СПб., 1870. – С.213.
2. Государственный архив Костромской области. – Ф.1004. Оп.1. Д. 69. Л. 17.
3. Государственный архив Ярославской области. – Ф.73. Оп.1. Д. 5386. Л. 12.
4. Пожарное дело. – 1898. – №1. – С.29.
5. Положение о земских учреждениях 12 июля 1890 г. со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. – СПб., 1904. – Т.1. – С. 438.
6. Свод законов Российской империи. – СПб., 1905. – Т.8. – Ч.1. – С. 130.
7. Страхование дело. – 1910. – №9. – С. 278.

О. А. МОНЯКОВА

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИМИНАЛ В ШУЙСКОМ И КОВРОВСКОМ УЕЗДАХ

В годы Первой российской революции правительство в значительной мере утратило контроль за правопорядком в стране. Россию захлестнул вал революционного террора, жертвами которого стало более 18 000 человек. Большинство из них – мирные обыватели.¹ Но к революционному террору добавилась и обыкновенная уголовщина, и все это не закончилось с поражением революции в 1907 году, а продолжалось довольно долго. Вот, к примеру, «Справка о преступлениях по Ковровскому уезду за 1909 год»:

«1. Найдено в Ковровских железнодорожных мастерских номер журнала «Рабочее Знамя»; 2. Убийство Парашина; 3. Кража денег из конторы фабрики Летнева; 4. Нелегальная литература у Носкова; 5. Покушение на убийство лесного сторожа Каспорина; Распространение среди крестьян ложных слухов об обложении сбором за земледельческие орудия; 7. Убийство Зайцевой; 8. Ограбление крестьянина Лялина; 9. Разбойное нападение на Смирнова; 10. Убийство Кувшинова; 11. О покушении на крушение поезда близ Коврова; 12. Покушение на ограбление крестьян Шорыгина и Басалова; 13. О подметном письме присланном купцам Сомовым; 14. Убийство Зотова; 15. Обыск у учительницы Аматовой; 16. Поджог дома купца Пантелеева; 17. Убийство крестьянина Голубева; 18. Ограбление агента по продаже швейных машин».²

Справка свидетельствует о том, что революция активизировала не только прогрессивные силы, но и криминал. Причем в него за эти годы вовлекаются и рабочие, уволенные с фабрик и заводов за участие в революционных выступлениях. Как видим, дела о найденных прокламациях и обысках у подозреваемых к причастности к оппозиционным партиям перемежаются с делами о разбоях и убийствах при ограблении.

Известно, что, с целью наведения порядка в стране, правительство во главе с только что назначенным председателем П. А. Столыпиным пошло на непопулярные меры и ввело Указом от 19 августа 1906 г. военно-полевые суды.³ Закон позволял в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, передавать преступления, совершенные гражданским лицом, на рассмотрение военных судов с рассмотрением в те-

чение двух суток в закрытом режиме. В работе этих судов не принимали участие ни прокуроры, ни адвокаты, ни свидетели обвинения. В апреле 1907 г. военно-полевые суды были упразднены. За восемь месяцев их существования было казнено 683 человека. При этом в губерниях, находившихся на чрезвычайной или усиленной охране, продолжали действовать военно-окружные суды, предполагавшие упрощенное судопроизводство. Так, во Владимирской губернии начал действовать Временный военный суд или, если быть точным, так именовались выездные сессии Московского военно-окружного суда во Владимире. Всего в России по решениям военно-полевых и военно-окружных судов в 1906-1911 гг. было казнено около 2,8 тыс. человек.⁴

29 ноября 1905 г., когда революционные события во Владимирской губернии достигли своей кульминации, она была объявлена на положении чрезвычайной охраны,⁵ значит, попадала под юрисдикцию вышеупомянутого закона и последующих. В начале 1907 г. Военное министерство предприняло попытку снять чрезвычайное положение в губернии и вывести из ее пределов казачьи сотни, но губернская власть посчитала это преждевременным в связи с разгулом преступности и обратилась с письмом к министру внутренних дел. 10 апреля 1907 г. военный министр отменил свой приказ, и во Владимирской губернии продолжало действовать положение чрезвычайной охраны⁶ и военные суды.

Не считая громкого дела о суде и смертном приговоре М. В. Фрунзе и его товарищам, архивные документы сохранили память еще об одном случае, когда военно-полевой суд определил высшую меру наказания. Было это в Ковровском уезде, а обвиняемые в основном из Шуйского уезда Владимирской губернии.

6 августа 1906 года группа из пяти человек совершила вооруженное нападение на казенную винную лавку в селе Горки. Вызванные из с. Лежнева казаки почти сразу арестовали совершивших это преступление. Ими оказались: Кукин Григорий Иванович, 20 лет, по прозвищу «Рокамбаль», мещанин г. Иваново-Вознесенска; Великанов Федор Ксенофонтович, 19 лет, также мещанин г. Иваново-Вознесенска; Поляков Александр Алексеевич, 22 лет, крестьянин д. Ширяевой Шуйского уезда; Гурычев Михаил Федорович, 25 лет, крестьянин д. Калачевой Шуйского уезда; Страхов Василий Иванович, 20 лет, по прозвищу «Ахмет», крестьянин д. Тамарово Шуйского уезда.⁷

Следствием было установлено, что члены этой группы 30 июня 1906 г. принимали участие в попытке убийства пристава Вишнякова. В этот день пристав и его сестра, акушерка при фабрике в с. Лежневе Лидия Константиновна Соколова, возвращались в село около шести часов вечера и были обстреляны группой людей из 20 человек. Соколова была ранена в ногу, в результате чего ее пришлось ампутировать, пристав не пострадал. Так как преступление было совершено в местности, состоящей под усиленной охраной, дело в сентябре 1907 г. было передано военному суду, и 3 января 1908 г. Временный военный суд г. Владимира вынес следующий приговор: подсудимый Кукин приговорен к смертной казни, подсудимые Великанов, Поляков, Гурычев, Страхов – оправданы.⁸

Следует отметить, что архивные источники позволяют характеризовать обстановку в Ковровском и прилегающим к нему местностям Шуйского уезда в 1906-1908 гг. как криминогенную. Под прикрытием революционных задач совершался обыкновенный разбой и грабеж предпринимателей, торговцев и их заведений. Не случайно владимирский губернатор в своем письме на имя министра внутренних дел в феврале 1907 г. писал: «...нахожу крайне опасным для безопасности губернии уменьшение в настоящее время числа расположенных в ней казачьих сотен. Если порядок в губернии и поддерживается, то исключительно благодаря внушительной военной силе, преимущественно казаков».⁹

Действительно, кроме примеров типичных крестьянских протестных действий (порубки леса, беспорядки при отобрании описанного за долги имущества и т.п.), преобладают преступления очевидно уголовного характера. Приведем несколько примеров.

14 июля 1907 г. было совершено вооруженное нападение на лесную сторожку Товарищества Горкинской мануфактуры в даче неподалеку от д. Бруснижново Ковровского уезда с целью «отобрания от сторожа оружия и денег». На следующий день эта же группа совершила ограбление торговцев Савельева и Углова. Вот что читаем в донесении ковровского исправника: «15 июля в 9 часов вечера пятью вооруженными революционерами ранен в ногу торговец Алексей Углов и ограблен на 140 рублей».¹⁰ В преступную группу, которую власти в документах причислили к революционерам, входили пять человек. Это братья Сорокины, Ефим и Василий Михайловичи – первый безработный Шуйской фабрики, больше года «без определенных занятий», второй – такой же безработный, но с Горкинской мануфактуры; Фирсов Ефим Петрович и Воронин Алексей

Иванович – уволены с Горкинской фабрики, полгода без работы; П. С. Латышев – безработный фабрики Бурылина в г. Иваново-Вознесенске, уволен с Пасхи 1907 г.; о шестом члене преступной группы В. Н. Ларионове документы молчат.¹¹ Приговор Московского военно-полевого суда от 11 января 1908 года был суров, но на сей раз без высшей меры наказания: Ларионов и Латышев – в каторжные работы на 12 лет; Е. Сорокин – бессрочная каторга, А. Воронов – в тюрьму на один год; остальные оправданы.¹²

Судя по документам, разбойные нападения с целью ограбления продолжались в Ковровском уезде и в 1908-1909 гг., их участниками продолжали оставаться главным образом уволенные с фабрик, в том числе шуйских и иваново-вознесенских, рабочие. По этой причине 2 марта 1910 состоялся указ о продлении действия положения усиленной охраны в г. Коврове и Ковровском уезде¹³ и в 1910 году.

¹ Могилевский К. И., Соловьев К. А. П. А. Столыпин: личность и реформы. – Калининград: РОССПЭН, 2007. – С. 40.

² ГАВО. – Ф. 14. Оп. 5. Д. 2779.

³ Собрание (1881-1913). – Т. 26 (1906). – Т. 2. – № 28252.

⁴ Могилевский К. И., Соловьев К. А. П. А. Столыпин: личность и реформы. – С. 40.

⁵ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 6. Д. 1152.

⁶ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 5. Д. 2113. Л. 2, 16.

⁷ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 5. Д. 1702. Л. 1.

⁸ Там же. – Л. 12.

⁹ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 5. Д. 2113. Л. 2.

¹⁰ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 5. Д. 2127. Л. 1.

¹¹ Там же. – С. 6.

¹² Там же. – С. 31.

¹³ ГАВО. – Ф. 14. Оп. 5. Д. 2779. Л. 7.

ЦЕНА ПОДВИГА: СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕМЕЙСТВ МАТРОСОВ «ВАРЯГА»

Русско-японская война 1904-1905 годов стала действительно первым испытанием российского народа конфликтами нового типа и новых масштабов. Помимо того, что впервые стали применяться новейшие средства ведения войны, в основном бесконтактные, вроде артиллерийских ударов вне зоны видимости, минометных атак, также пехота впервые столкнулась с массовым применением пулеметов. Количество жертв было действительно огромным, и старая патриархальная система социального обеспечения не могла справиться с многочисленными жертвами войны, среди которых появилось огромное количество инвалидов и лиц с психическими расстройствами. Также становилось понятно, что семейства погибших призывников требуют особого внимания и содержания.

Необходимо отметить, что до русско-японской войны вопрос компенсаций семействам призывников специально не рассматривался и не поднимался на правительственном уровне. Иногда только земства по своей инициативе начинали выплачивать небольшие пособия родственникам героев русско-турецкой, к примеру, войны. Связано это было с реалистичным подходом к тому, что срок службы с 1888 года по 1905 составлял 5 лет в армии и 7 лет во флоте. За такой период, как резонно считали государственные мужи, молодой человек полностью отрывается от своей семьи, соответственно и перестает быть ее частью. Молодоженов в армию и флот обычно не призывали, хотя «исключения» были достаточно часты.

События кровавого конфликта заставили пересмотреть срок службы по призыву в меньшую сторону – до 3 лет в пехоте и до 5 лет на флоте, чтобы обеспечить быструю ротацию кадров и больший охват военной подготовкой населения, поскольку стало понятно, что нижние чины будут выбиваться с огромной скоростью новейшими средствами уничтожения людей. Тем не менее, озаботиться проблемой социального обеспечения не только самих ветеранов и инвалидов, но и членов их семейств, разрыв с которыми становился не столь однозначен, власти смогли лишь после 1912 года с принятием нового комплекта военного социального законодательства, в котором появляются понятия инвалид, ветеран, член семейства во-

еннослужащего, пострадавшего в ходе военного конфликта и член семейства военнослужащего, призванного на действительную военную службу.

Стоит, однако, отметить, что о необходимости создания подобных законов и обеспечения как самих участников боевых действий, так и их семейств, властям стали напоминать «снизу» различные комитеты, а то и городские думы, волостные сходы и прочие реальные демократические учреждения на местах. Именно они стали первыми запускать механизмы помощи пострадавшим на войне.

Не была исключением и Владимирская губерния. Причем по реакции выборных органов власти и по объемам и целям потраченных в добровольном порядке средств можно проследить эволюцию гражданского общества Российской империи и постепенное обращение к идеалам гуманизма и справедливости.

Впрочем, начиналось все с бездумного неудержимого патриотизма. Практически все доклады и реляции с крупных городов Владимирской губернии свидетельствуют о неподдельно высоком уровне поддержки идеи войны с Японией. При этом, что печально, даже «просвещенные» городские думы Иваново-Вознесенска или самого Владимира употребляют тезисы о «священных интересах Империи в Корее и грубом их попирательстве». Обыватель также радостно приветствовал войну. Так, в Покрове 28 января 1904 года по объявлении высочайшего манифеста о начале войны 30 000 человек рабочих целый день со знаменами и гимнами ходили по городу, а 8 000 дошли до Орехова, где потребовали провести в 11 часу вечера молебен, и это скорее правило, а не исключение. В Иваново-Вознесенске число участников подобных гуляний достигло 40 000 человек.

С первого же дня отдельные организации стали самооблагаться «на нужды войны». Так поступили работники губернской канцелярии, по городским и земским делам присутствий. Все члены губернской полиции без исключения согласились (или были вынуждены) отчислять по 1% заработной платы. Правда цель этих сборов не всегда была одинакова. Так, суздальская полиция и Гаврилова-Посада самообложились конкретно на нужды флота, между тем как другие описывали цели сбора как «на нужды войны». К середине 1904 года больше всего стали собирать денег самообложением с заработной платы именно на красный крест и на помощь больным и раненым воинам. Между тем полицейские чины в целом по России

больше всего собирали денег на флот и даже накопили совместными усилиями на постройку миноносца.

Земские и городские выборные органы также стали проводить регулярные собрания и отчислять часть средств своих фондов на нужды военного времени. Причем первоначально конкретизация подобных сборов была достаточно странной – на развитие флота и армии. Муромское мещанское общество собрало в феврале 1500 на армию и лишь 165 в КК, рабочие фабрики Бурылина собрали в апреле 101 рубль на усиление флота, Иваново-Вознесенская городская дума собрала 15 000 на войну и 10 000 в распоряжение КК. Однако были и исключения. Шуйская городская дума и земство с самого начала большую часть собранного отправляло в КК непосредственно 4600 р. и лишь 3000 – на военные нужды. Меленковская городская дума собрала 1000 р. на флот, по 500 на местный КК и Дамский комитет и 1000 на обеспечение семейств нижних чинов, т. е. 2000 на обеспечение воинов и их семейств. Особенно выделилось Ковровское уездное земское собрание которое ассигновало 2000 на флот, 3000 на обеспечение семейств жителей Ковровского уезда, ушедших на войну в объеме от 3 до 8 р. в месяц на семью до конца войны 12 февраля 1904 года. Более разумного распределения трат во Владимирской губернии не было. Тем более не обнаружено сведений об иных регулярных выплатах семействам призывников за исключением Ковровского уезда.

Видя столь странные пожелания добровольцев, в марте 1904 МВД даже издает особый циркуляр, в котором постановляет, что средства «на военные потребности» идут 50% сразу в КК, остальные рассматриваются позже «по нуждам», а средства в пользу нижних чинов и их семейств – в попечительство Императрицы Марии Федоровны о семействах воинов, но только если не указана местность. Кстати, это была, пожалуй, единственная до 1912 года централизованная организация, которая заботилась о семействах призывников и жертв войны. Хотя есть сведения о существовании «Особого комитета ее Императорского высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке».

Забота о больных и раненых начала затрагивать самые разные круги. Во Владимирской губернии можно отметить два самых трогательных случая. В августе 1904 в муромской тюрьме собрали арестантов для зачитывания амнистии от 11.08.1904 (рождение наследника престола), 25 освободили тут же в тюремной церкви, 24 сокра-

тили на 1/3 срок. Эти 31 человек собрали тут же на нужды больных и раненых воинов 8 р. 5 к. В мае 1904 г. в Покровском уезде была похищена у крестьянки лошадь, оцененная в 100 р., найдена урядником, которому потерпевшая подарила 5 рублей, а последний немедленно перевел их в КК.

Несмотря на отдельные достижения, ситуация оставалась в целом по стране и по губернии достаточно печальной. Так, общеземская организация, впервые возникшая в 1904 г., стала выдавать собственные пособия инвалидам. Узнав об этом, многие увечные солдаты проделывали путь в сотни километров на поезде, чтобы подать прошение и получить пусть мизерную, но поддержку. Они не получали казенной помощи и находились в безвыходном положении. Наплыв страждущих получать пособия был столь велик, что земцы были вынуждены сократить выдачи и установить для них порядок, когда проситель должен был предоставить удостоверение о семейном и имущественном положении и о полученном на войне ранении. Средний размер пособия составлял 16 руб. 25 коп. Всего было оказана помощь 1 123 лицам в 46 губерниях России на сумму 19 039 руб. Земцы, опасаясь, что пособие не дойдет по назначению, отдавали просителю часть суммы, а оставшуюся часть денег отсылали по почте на имя жены. Заметим, что даже получавшие пенсионное пособие солдаты не могли содержать на него свои семьи и экономическое положение семей таких военных ветеранов резко ухудшалось. Так пишет о ситуации с социальным обеспечением современник Полнер Т. И. в книге «Общеземская организация на Дальнем Востоке» (1910 г.). Характерно, что об обеспечении семейств погибших воинов вообще не вспоминается. Попечительство Марии Федоровны, прекращая с 15 августа 1905 года прием заявлений, сообщает о том, что получено 1 209 250 р., на приют потрачено 100 000 р., 971 845 р. израсходовано на помощь семействам раненых и убитых воинов (что при оценке 52 000 безвозвратных потерь дает грубо 18 рублей на семью), 137 405 рублей осталось.

Обрисовав ситуацию с обеспечением социальной помощи военным и их семействам в ходе русско-японской войны необходимо обратиться к иконическому событию – гибели крейсера «Варяг». С самого начала героический бой военно-морского соединения стал символом русской доблести и героизма. Казалось, что на фоне всеобщего подъема патриотизма и сознательности власти должны были особым образом позаботиться о семействах погибших нижних чинов. Напомним, что погиб один офицер и 30 матросов, то есть траты

предполагались небольшие, а пропагандистский эффект – максимальным. Во Владимирской губернии родился один из погибших матросов, что позволяет проследить судьбу его семейства и почести, оказанные им, и описать ситуацию в целом.

13 августа 1904 г. от морского штаба во владимирскую губернскую канцелярию поступил запрос, действительно ли у уроженца Судогодского уезда Больше-григоровской волости деревни Ключиков марсового Архипа Шавлева есть ли родственники? 17 августа от канцелярии министерства императорского двора было разъяснено, что собирается сумма в память мичмана Графа Алексея Нирода для раздачи семьям погибшим с ним нижних чинов. То есть того самого одного офицера, который погиб во время боя.

2 сентября 1904 г. от судогодского уездного исправника поступила следующая информация. Жена марсового умерла в 1899 году, детей нет, мертворожденные, от семьи остались мать Евдокия 65 лет и сестра Марфа 21 года, безо всяких средств к жизни, из имущества ветхий дом и сарай, 60 рублей. Также сообщалось, что живут они голодно, ничего не выращивают, пособия нет, живут милостыней. Есть также два брата – Василий и Иван, первый холост и на военной службе, второй с женой и 4 детьми нищенствует, имеет дом на 40 рублей.

13 ноября от морского штаба пришло 25 рублей разовой «компенсации» матери героя, под расписку в получении в штаб. Характерно, что мать получила ровно 24.86 копеек, поскольку тут же был взят налог. 4 февраля 1905 г. от канцелярии министерства императорского дворца приходят более щедрые дары: фотокарточка покойного мичмана Нирода и единовременного пособия 80 рублей. В переписке канцелярии с комитетом раскрываются механизм и объем сбора. Оказывается, к февралю 1905 канцелярия министерства императорского двора собрала всего 2635 рублей добровольных пожертвований. Причем деньги внесли около 30-40 человек по всей России, а фонд формировался в основном 4-5 людьми. Упоминаются также несколько гимназистов, которые нашли необходимым откликнуться на всероссийский призыв и прислать 1-2 рубля. По общим итогам было рассмотрено в качестве возможных получателей 32 семейства (хотя погибших нижних чинов 30), 7 семейств было исключено, так как матросы не признаны кормильцами. 7 семейств получило 40 рублей (мать или отец погибшего), 11 – по 80 (вдовы, матери, отцы, вдовы братьев), 6 по 200 (вдовы с ребенком), и 1 – 275 рублей (с 3 детьми).

Такова была, наверное, цена подвига. Такова была потому и реакция на неожиданно и позорно законченную войну. Кроме того, если посмотреть, сколько денег города, земства и простые обыватели с самого начала боевых действий потратили именно «на развитие флота», то становится понятным и бурная реакция на бездарно проигранные морские сражения, гибель эскадр. В конце концов, понятнее становятся отдельные причины первой русской революции.

А.И. МОТОВИЛОВ
(г. Иваново)

БОЛЬШЕВИКИ И РАБОЧИЕ ВО ВРЕМЯ ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКИ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ ВЕСНОЙ-ЛЕТОМ 1905 г.

В советской историографии было принято считать, что во время революционных событий взаимоотношения между иваново-вознесенскими рабочими и членами организации РСДРП были союзническими, причем последние руководили первыми. На протяжении всего периода господства марксистской идеологии большевики считались учителями, наставниками, а главное, защитниками угнетенного рабочего класса. Однако всестороннее изучение корпуса источников, состоящих из воспоминаний очевидцев событий, документов полицейского управления, ранних изданий истории рабочего движения, позволяет сделать вывод, что далеко не всегда члены РСДРП относились к представителям пролетариата с уважением. Порой их действия имели откровенно противоправный характер, в том числе и с современной точки зрения.

Нетрудно предположить, что не все иваново-вознесенские рабочие горели желанием включиться в начавшуюся забастовку. Разумеется, абсолютное большинство их было недовольно своим экономическим положением, но мало кто из них хотел исправить его революционным путем. Именно поэтому в самом начале массовой забастовки 12 мая началась осада фабрик или их отдельных корпусов группами радикально настроенных лиц, с требованиями остановить работу, хотя рабочие здесь не желали присоединиться к забастовке.¹

На самих предприятиях, даже там, где были сильны социалистические настроения, не все стремились бастовать. Примером может служить случай, который произошел 12 мая на фабрике И. Га-

релина (в советское время – фабрика им. рабочего Ф. Зиновьева). В то утро, один из активистов (имя его точно не установлено, предположительно это был Шаронов Иван Накандронович) должен был вывести на улицу рабочих центральной механической мастерской этого предприятия. По условному сигналу, собравшиеся группой рабочие не решались выйти по собственной воле, явно боясь наказания или считая это противоправным действием. Шаронов обратился к своему «куратору» по партийной линии большевику Д. И. Шорохову. Вскоре тот появился на предприятии, вооруженный дубиной с металлическим набалдашником. Ею Шорохов стал угрожать фабричному механику Афанасьеву, пытавшемуся остановить рабочих перед выходом. Механику пришлось ретироваться. Однако он был не единственным, кто в том же цеху отказался присоединиться к забастовке. Машинист Печкин, последовав примеру механика, не остановил технику, за которую отвечал. Невзирая на последовавшие протесты, ее отключил сам Шаронов и угрозами заставил Печкина покинуть рабочее помещение. Рабочие ткацкого цехав полном составе отказались прекратить работу, сюда подошли полицейские чины, но, видя численный перевес уже бастовавших рабочих, они отступили.²

На другой день полиции стал известен случай применения насилия со стороны революционно настроенных трудящихся в отношении рабочих железнодорожных мастерских. В 8 часов утра 12 мая, во время прибытия на станцию «Иваново» двух пассажирских поездов, начали забастовку рабочие фабрик города. Желая парализовать работу станции, они собрались около мастерских, некоторые ворвались внутрь с требованием прекратить все работы по обслуживанию поездов и выйти на забастовку. Толпа силами полиции не была допущена на территорию станции. Окружив помещения мастерских, активисты еще раз потребовали остановить работу. Они и на этот раз получили отказ, тогда в окно был брошен камень, который рассек щеку одному из рабочих, находившемуся внутри помещения. Работники железнодорожных мастерских выразили свое желание продолжить работу, о чем официально уведомили власти и активистов забастовки через своих представителей. В ответ слышались угрозы бастовавших расправиться с железнодорожниками, как только они выйдут на улицу по окончании рабочего дня.

Так и не заручившись поддержкой рабочих железнодорожных мастерских, толпа революционно настроенных лиц направилась в город, где они стали врываться в частные заведения сапожников,

бондарей и проч. и с использованием угроз останавливали их производственную деятельность.³

Такие способы вывести население города на «мирную» забастовку, описанные в документах полицейского управления, явно отличаются от интерпретации тех же событий советскими исследователями, которые говорили о стихийном и самостоятельном волеизъявлении рабочих.

О взаимоотношениях социал-демократов и рабочих масс можно судить также по тем случаям, когда революционеры пытались направить течение экономической стачки в политическое русло. Многочисленные заявления членов РСДРП о необходимости свергнуть правительство и изменить существующий политический строй на начальном этапе забастовки вызывали если не гнев, то неприятие среди широких масс. Потерпев неудачу в этом начинании, лица, настроенные на активные действия, пытались затем скрыться в толпе, они опасались, что рабочие выдадут их жандармам.⁴

Подобные настроения среди бастующих привели к тому, что 3 июня 1905 года была организована, как нам представляется, заранее спланированная провокация. Такие выводы позволяют сделать сведения из документов жандармского управления, представленные ниже.

Собравшуюся, вопреки запрету, на рекеТалке трехтысячную толпу рабочих разгоняли казаки, когда по ним из леса был открыт огонь из револьверов. В результате ранения получили несколько рабочих и казаков. События были преподнесено социал-демократами как стрельба по мирной массе бастующих, что вызвала гнев толпы. Именно так они и рассматривались советскими историками революционного движения. Впоследствии они обрастали новыми подробностями и многочисленными жертвами, а власть изображалась настоящим чудовищем. Вместе с тем, по документам, в тот день из револьверов, которыми не были вооружены казаки, было ранено всего 3 человека, погибших не обнаружили вообще.⁵ Такое отношение к рабочим со стороны социал-демократов никак не укладывается в общепринятую в советские времена трактовку революционных событий в Иваново-Вознесенске. Описание событий позволяет усомниться в объективности советских исследователей и сделать выводы о том, что это была заранее спланированная провокация с целью настроить рабочих против городской власти.

Во время длившейся второй месяц и подходившей к завершению забастовки многие рабочие стали осознавать, что с ее помощью нельзя удовлетворить все их требования. К тому же средства, отложенные на черный день, уже подошли к концу, возникла реальная угроза массового голода. Поэтому некоторые из стачечников перестали ходить на массовки или говорили о несостоятельности насильственных методов борьбы. В ответ на это члены РСДРП стали действовать более активно, выдворяя таких лиц из толпы насильно как провокаторов, либо под любыми предлогами и даже угрозами заставляли их замолчать, дабы не нарушать иллюзию единой в своих стремлениях рабочей массы.

Конечно, не все меры, принимаемые революционерами для поддержания забастовки, были только насильственными. Для привлечения новых сторонников и удерживания уже имевшихся была разработана система мер. Организация большевиков к тому времени имела опыт работы в этой сфере. В начале работы первого общегородского Совета была создана специальная комиссия, названная финансовой, которая собирала деньги для бастовавших рабочих, но собрала она скромную сумму – всего около 18 тыс. рублей. Рабочие, участвуя в стачке, потеряли за два месяца вынужденного безделья в общей сложности во много раз больше. На собранные финансовой комиссией деньги предоставляли помощь особо нуждающимся, предлагались натуральные пайки, правда, довольно скудные. Кроме того, была организована охрана предприятий, также на некоторых из них работали кухни, снабжавшие питанием не только рабочих данных фабрик, но и всех желавших. В целях организации и защиты бастующих Совет организовал стачечную комиссию, агитационно-пропагандистскую группу, боевую дружину и милицию.

Для поддержания морального духа рабочих было организовано почтовое сообщение с другими регионами, где также начались революционные события. Бастовавшие в различных промышленных центрах обменивались новостями, информацией о методах ведения борьбы, пожеланиями успехов.

В конечном счете можно констатировать, что социал-демократическая рабочая партия, участвуя в революционных событиях в Иваново-Вознесенске, представляла собой настоящий локомотив того поезда, который представлял собой многочисленный рабочий класс. Действуя по принципу пряника, они смогли сначала объединить рабочих, разделенных между собой как территориально, так и материально; а затем, с помощью кнута, собрать их в одно-

родную массу уже в политическом плане. Тем не менее, такие действия не смогли дать желаемого результата по полному изменению политической ориентированности рабочего населения. Подавляющая масса рабочих продолжала требовать только экономических улучшений, не желая слышать о свержении существующей государственной власти. В их сознании изменилось лишь то, что стало нарастать недовольство властью, которая не прислушивалась к их проблемам. Это недовольство в дальнейшем вылилось, подогретое войной, в революцию 1917 года.

¹ 1905 год в Иваново-Вознесенском районе. Под ред. О. А. Варенцовой, М. К. Диановой и др. – Иваново-Вознесенск, 1925. – С. 85.

² ГАИО. – Ф. 282. Оп. 1. Д. 170. Л. 10.

³ ИГИКМ. – н/в 8950/18.

⁴ Там же. – н/в 8950/55.

⁵ Там же. – н/в 8950/142.

О. А. НЕСМИЯН
(г. Шуя)

**«НОВЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА»
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
Д. Г. БУРЫЛИНА в 1917-1918 гг.**

«...С тревогой и боязнью мы оба смотрим будущность нашей дорогой Родины, вообще, и в особенности класса людей, к которым мы и принадлежим, но что же делать, ни помочь, ни предотвратить, то, что дальше будет, мы не в силах, приходится подчиниться обстоятельствам...», – пророчески звучат слова Николая Геннадьевича Бурылина, сказанные им брату Дмитрию в годы первой русской революции в 1906 г.¹

Новые «обстоятельства» наступили в октябре 1917 г. Представители российской деловой буржуазии, еще совсем недавно игравшие заметную роль в экономической жизни России, оказались вне закона, их предприятия были национализированы Советской властью, а сами владельцы фабрик попали в категорию «лиц, лишенных политических и избирательных прав». При ближайшем рассмотрении оказывается, что российские предприниматели и после октября 1917 г. продолжали жить и заниматься предпринимательской деятельностью. Октябрьский переворот для них не был фатальной катастрофой. Объяснялось это тем, что торгово-

промышленный мир уже в течение нескольких лет военного времени находился под бременем чрезвычайных и запретительных мер, введенных в рамках мобилизации народного хозяйства. Даже захват Государственного банка большевиками в ноябре 1917 г. и начало национализации частных банков оставляли свободу маневра для предпринимательской деятельности. До конца 1919 г. частные банки еще функционировали, а клиентам не было запрещено распоряжаться своими средствами, и только по декрету от 28 июня 1918 г. был наложен «временный» арест на личные счета членов правлений, собственников национализированных предприятий.

На 1917 год у Д. Г. Бурылина имелись государственные подряды на поставку отбеленных хлопчатобумажных концов Шосткинскому казённому пороховому заводу, контракт с хозяйственным комитетом завода Военно-врачебных заготовлений на поставку мягкой и крахмальной марли, набрано заказов на набивку суровья. Приближались рождественские праздники, а с ними и время выдачи жалования. «Банки закрыты, в наличных деньгах начинают нуждаться многие, если так будет продолжаться, то рассчитывать на получение денег к празднику не можем, что будем делать, трудно представить», – писал Дмитрию Геннадьевичу Бурылину управляющий Московской конторой, директор правления «Товарищества мануфактур Д. Г. Бурылина» Петр Семенович Федотов в начале декабря 1917 г.² По воспоминаниям домашних Д. Г. Бурылина, в день выдачи зарплаты рабочим в доме присутствовало ощущение катастрофы, так как иногда не было денег, чтобы платить жалование, а при «новых обстоятельствах» это стало настоящей проблемой. Приложив немало усилий, Федотову и поверенному в делах Л. С. Королеву удалось договориться в Петрограде о пятидесятипроцентной ссуде под выполнение заказа на поставку отбеленных концов. Но «поездка вышла безрезультатной, все успели сделать, а деньги не могли получить, не выдали ввиду того, что не было у нас сметы расходной, подписанной фабричным комитетом и, кроме того, еще требуется доверенность рабочих комитетов. Комитет по финансам прямо заявляет, что денег фабрикантам на руки ни коим образом выдано не будет, кроме жалования им [фабрикантам. – О.Н.] причитающегося, таковое будет определено заводским комитетом рабочих от 1 до 27 тыс. рублей на месяц», – пишет Федотов в декабре.³ На практике рабочий контроль за производством, введенный в 1917 г., не означал повсеместного вмешательства в производственный процесс, старая администрация продолжала получать жалова-

ные, в силе оставалось право владения акциями и получения дивидендов.⁴ Д. Г. Бурылин сам выехал в Петроград улаживать дела. «Ситуация на фабрике не спокойная, комитет [фабрично-заводской. – *О.Н.*] едва сдерживает рабочих, они перестают верить и комитету, а все усугубляется тем, что никого нет из правления здесь, это дает повод и рабочим и комитету говорить, что хозяева сбежали и не хотят возвращаться на фабрику», – писал бухгалтер предприятия М. М. Горшков в декабре 1917 г.⁵ Благодаря контракту с военным ведомством проблему удалось решить.

В январе 1918 г. фабрика набрала заказы на набивку суровья. На предприятии скопилось уже сработанного товара: сатиновых тканей, барежа, фуляра и сордена. «Необходимо принять все меры, отправить готовый товар, ждать лучшего нельзя, очевидно затруднения в отправке будут еще больше», – писал из Москвы П. С. Федотов.⁶ Положение на фабрике ухудшается к концу января. Согласно распоряжению народного комиссара предписывалось прекратить работы по производству хлопчатобумажных концов. «У всех одно на уме как бы скорее ликвидировать дело», – писал Федотов, передавая московские настроения среди промышленников в апреле 1918 г.⁷

Но Иваново-Вознесенск в 1918 г. жил другими событиями. На карте страны появилась Иваново-Вознесенская губерния, а сам город получил статус губернского центра. Известно, что решающую роль в образовании новой губернии сыграл М. В. Фрунзе. Еще в конце марта 1918 г. Фрунзе переехал в Иваново-Вознесенск и начал организовывать работу новых губернских органов власти. Фрунзе сумел привлечь на свою сторону промышленников: текстильная индустрия работала, несмотря на перебои с топливом, сырьем и проблемы с транспортом. Кроме того, Фрунзе помог в деле учреждения в губернии высшего технического учебного заведения – Иваново-Вознесенского политехнического института. Дмитрий Геннадьевич Бурылин был членом комитета по учреждению этого вуза, его Товарищество перечислило 50 тыс. руб. из прибыли своего предприятия на строительство обсерватории и метеостанции. Возможно, это была попытка переломить общественное мнение, зачастую видевшее лишь блеск миллионов. 10 августа 1918 г. В. И. Ленин подписал постановление СНК РСФСР «Об учреждении Иваново-Вознесенского политехнического института». В документе подчеркивалось, что новое высшее учебное заведение создается «...в целях удовлетворения спроса рабочих масс на образование и ввиду,

особой потребности в высшем техническом образовании для рабочих текстильной промышленности».⁸ Все это давало какие-то надежды на дальнейшее развитие текстильной отрасли в крае.

Согласно декрету от 28 июня 1918 г. о национализации крупной промышленности, предприятия признавались находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев впредь до особого распоряжения ВСНХ в отношении каждого отдельного предприятия. «На собрании фабрикантов Иваново-Вознесенского общества по вопросу о национализации, никакого решения вынесено не было, большинство высказалось за то, чтобы продолжать работу, как и раньше работали», – писал в июле 1918 г. П. Семенов.⁹ Национализация фабрик не стала единовременной акцией и была реализована в несколько этапов. Положение ухудшилось в конце 1918 г.: не было угля и хлопка. Фабрики вставали одна за другой, дольше других за счет накопленных запасов сырья работала фабрика Николая Геннадьевича Бурылина.

Иллюзий у Бурылиных не было, была надежда и огромное желание сохранить дело, полученное от дедов и составляющее основу экономики Иваново-Вознесенской губернии.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 205. Оп.1. Д.21. Л.66.

² ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. Д.214. Л.3.

³ Там же. – Ф.205. Оп.1. Д.214. Л.4.

⁴ *Шацлло М. К.* Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции 1917-нач.1920гг. – М.: Наука. 2008. – С. 319.

⁵ ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. Д.215. Л.24.

⁶ Там же. – Ф. 205. Оп.1. Д.215. Л.24.

⁷ Там же. – Ф. 205. Оп.1. Д. 215. Л. 22.

⁸ *Ленин В. И.* О науке и высшем образовании. – М.: Политиздат. – С. 319.

⁹ ГАИО. – Ф 205. Оп.1. Д.215. Л.6.

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

Ю.А. ИВАНОВ
(г.Шуя)

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В СЛУЧАЙНЫХ ПИСЬМАХ

100-летие Февральской и Октябрьской революций в очередной раз ставит проблему перелома в русской истории. «Века века» изменила историю не только страны и мира, но и каждого социума, отдельной семьи. Эти события причудливо изменили судьбы людей, ход привычной жизни. Примеров этого не счесть и в жизни, и в литературе. В нашем случае речь пойдёт о действительно «случайных» письмах, оставшихся от одной шуйской семьи – Шотовых.

В начале XX века в Шуе на фабрике Балина (Шуйско-Тезинской) работала ткачихой девушка Татьяна Орехова, она хотела учиться, стать сельской учительницей, писала стихи. Сдать экзамены в епархиальное училище не удалось. Поэтому продолжила работать на фабрике, а на дворе уже был 1905 год. В это время в Шую на заработки на ту же фабрику пришёл крестьянин из деревни ЛекуниноКитовскогоприхода Дмитрий Шотов. Познакомились они благодаря революции. Оба приходили на «летучки», которые устраивал М. В. Фрунзе за селом Мельничное. Татьяна оказалась активной личностью. Знакомство с Фрунзе привело её в партию большевиков. В 1907 г. в связи с арестом Фрунзе она напишет бесхитростные стихи: «Молодые годы проводил в тюрьме, // Молодые годы посвятил борьбе...». Об этом времени в конце 1930-х гг. оставит воспоминания.¹ В отличие от Дмитрия, она оказалась более привержена революционным идеям. Но в 1906 году отошла от партийной работы и в дальнейшем осталась беспартийной, что не мешало ей считаться «старой» революционеркой.

Татьяна и Дмитрий поженились в 1912 г., вскоре его призвали в армию. Служил в Петербурге в гвардии, с 1-м Гвардейским корпусом, где был ездовым в корпусном продовольственном транспорте, он встретил Первую мировую войну, которую прошёл на Юго-Западном фронте. Вернулся в Шую в 1917 году.

Сохранились поздравительные открытки с Рождеством Христовым и Пасхой в действующую армию. В 1916 году Татьяна писала: «Христос Воскресе! Мой дорогой Дима! Желаю тебе встретить

сей великий праздник в добром здравии и полном благополучии! Твоя Таня, целую тебя много раз».²

В открытке, присланной с фронта 24 марта 1917 г., родственник (бывший соратник?) поздравлял Татьяну «с праздником Свет. Христ. Воскресенья и с обновленным званием свободной Гражданки с почтением гражданин и солдат Ляпин». На этой открытке с изображением чаепития на привале пехоты он сделал шуточную приписку: «Хоть без комфорта, но с аппетитом и сахаром».

С 1920-х годов Татьяна Дмитриевна активно занималась общественной работой в женсоветах. Дмитрий Дмитриевич работал кладовщиком на складе Шуйского горсовета. В 1921 году в семье Шотовых произошло радостное событие: родился долгожданный первенец. К сожалению, Геннадий родился с отставанием в развитии (слабая степень аутизма), что стало трагедией для родителей, а потом и для него самого. Он закончил вспомогательную школу и продолжал жить с родителями. В сентябре 1941 г. был мобилизован на строительство оборонительных сооружений в районе Тейкова. Но в октябре с наступлением холодов самовольно ушёл домой. Когда пришли сотрудники милиции, чтобы вернуть Геннадия на работу, он, не понимая ситуации, заявил: «Вот придёт Гитлер и вам покажет». В результате – скорый суд и 5 лет лагерей «за контрреволюционную пропаганду» и дезертирство с трудового фронта. На склад к Д. Д. Шотову с проверкой пришли сотрудники НКВД, но ничего не обнаружили. Геннадий отбывал срок в лагере в Нижнем Тагиле (посёлок Красный Камень п/я 52). В своём последнем письме 10 ноября 1943 г. он сообщал: «Здравствуйте дорогие мои любезные родители папаша Димитрий Д. и дорогая Мамаша Татьяна Дмитр. От вашего сына Геннадий Демиртр. Желаю я вам свой сыновский горячий привет и доброго здравия в жизни вашей и в делах ваших скорова и счастливого успеха дорогой папаша Димитрий и дорогая мамаша Татьяна Д. Я вас прошу пожалостанебросать меня пришлите посылочку небольшую сахару обязательно и преснины [колобушки из пресного теста. – Ю. И.] чесноку луку и табочку стаканов 15 пятнадцать затем привет знакомым ваш сын Геннадий Д. Я пока жив и здоров Но не так здоровье мое хорошее очень слабое ногами слаб затем прошу посылку посылайте на фамилия Нестерова Герасима Максимовича». Когда родители получили это письмо, Геннадия уже не было в живых. Судя по свидетельству о смерти, которое они получили в ноябре 1944 года, сын умер 11 ноября 1943 года от туберкулёза лёгких. Татьяна Дмитриевна умерла в

1950 г., Дмитрий Дмитриевич пережил её на 20 лет. О реабилитации сына он не хлопотал.

¹ *Шотова Т. Д.* Буря закалила смелого бойца // Воспоминания о Фрунзе. – Иваново: Ивановское книжное издательство, 1959. – С.49-52.

² Здесь и далее письма цитируются по личному архиву автора с сохранением орфографии и пунктуации подлинников.

Ю. А. ИВАНОВ
(г.Шуя)

«И БУДЕТ КОНЬЯК...». **КУЛИНАРНЫЕ СЕКРЕТЫ ШУЯН 1960-х гг.**

Сегодняшний интерес к истории повседневности имеет разные аспекты, в том числе: проблемы питания и кулинарного искусства в разные эпохи. Свидетельством этого интереса являются специальные разделы в научно-популярных исторических журналах («Кухня Родины» в журнале «Родина», «Меню» в «Дилетанте» и т.д.). Здесь можно найти меню и рецепты блюд как царских обедов времён Николая II, так и блюд школьных столовых 1950-1960-х гг. Совсем недавно вышла книга с интригующим названием «КГБ, или Как Готовили Бабушки. Секреты фирменных блюд, рецепты праздничные и повседневные». Её авторы И. Лазерсон и М. Спичка не скрывают, что бережно сохранили тетрадки своих бабушек и теперь предлагают вниманию читателей некоторые избранные рецепты.¹

Идея, что называется, витает в воздухе. Ведь такие тетради жили практически в каждой шуйской семье. Была такая тетрадь и у З. В. Беловой (1918-2005) – почётного гражданина г. Шуя. В тетради содержится более 80-ти рецептов за период с 1965 по 1989 гг. Большинство рецептов (более 40) относятся к концу 1960-первой половине 1970-х гг. И это не случайно. В социально-экономическом плане то были самые благополучные годы брежневского «застоя», время реального роста благосостояния советских людей. Уже забылся военный и послевоенный голод, в магазинах можно было приобрести то, что сейчас называют «минимальной продуктовой корзиной». В Шуе самый богатый выбор продуктов в середине 1960-х гг. был в гастрономе на улице Малахия Белова (ныне здание музея М. В. Фрунзе), который горожане по привычке называли то «Листратовский», то «Соколовский». Конечно, с продуктами было гораздо хуже, чем сейчас. Но товарный дефицит не означал дефици-

та кулинарной фантазии. Скорее, наоборот: подхлестывал воображение и будил в людях творческое начало. В отсутствии интернета все обменивались друг с другом идеями, секретами фирменных блюд, праздничных и повседневных. Конечно, у многих домохозяек была «Книга о вкусной и здоровой пище», которая в 1952-1955 гг. была издана четырежды общим тиражом 2,5 млн. экз. Во всех изданиях книга открывалась сталинской фразой: «Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни».² Правда в этой книге чаще смотрели красивые картинки, но людям хотелось большего. Особенно после хрущевской «оттепели», когда на нашем столе появились салат «оливье» и «селёдка под шубой», чему мы обязаны дефицитным, но доступным тогда майонезу «Московский» и консервированному зелёному горошку венгерской фирмы «Глобус». Исчезновение дефицита сахара привело к массовой варке варенья. Перед хозяйками открывался широкий простор, в частности, в варке традиционного варенья из крыжовника. Тогда и появился в обиходе рецепт «царского варенья». Его легендированная история восходила в шуйском изложении ко временам царя Алексея Михайловича. Хотя точнее его назвать было бы «пушкинским». И вот почему. Рецепт из тетради З. В. Беловой предполагал варку варенья из зелёного «английского» крыжовника: «5 стаканов вычищенного крыжовника залить кипящим вишневым раствором (2 пригоршни свежих листьев), поставить на холод на 10-12 часов, добавив 100 г водки. Сок процедить и стакан сока смешать с сахарным сиропом (1 стакан ягод на 1 стакан сахарного песка). Довести до кипения и забросить ягоды на 5-7 мин. За 2-3 мин. до конца варки добавить 10 свежих вишневых листьев и оставляют в варенье. Готовое варенье хранить на холоде».

Сравним с оригинальным рецептом любимого варенья А. С. Пушкина: «Очищенный от семечек, сполосканный зелёный, неспелый крыжовник, собранный между 10 и 15 июня [по старому стилю. – Ю. И.], сложить в муравлёный горшок, перекладывая рядами вишневыми листьями и немного щавелем и шпинатом. Залить крепкою водкою, закрыть крышкой, обмазать оную тестом, вставить на несколько часов в печь, столь жаркую, как она бывает после вынута из неё хлеба». После этого крыжовник ожидали многочисленные операции, после которых он и должен был превратиться в варенье.³

В обоих случаях варка такого варенья была делом сложным и хитрым. XX век «модернизировал» старый рецепт, сохранив его суть. Это же происходило и с другим привычным делом: солением огурцов. В Центральной России было известно до 60 различных рецептов. В нашей местности – 10-12, не считая способов маринования. 1960-е годы были временем, когда в городской обиход вошло домашнее консервирование. Появились первые закаточные машинки, работа с которыми требовала большой сноровки: вращение ручки вокруг своей оси при одновременном закатывании крышки, которую можно было или «недотянуть» или «перетянуть». Кроме того дефицитные тогда крышки продавались с отдельными уплотнениями, которые нужно было аккуратно заправить в крышку. Из-за таких тонкостей возникала главная проблема тогдашнего консервирования – банки «стреляли». Чтобы избежать этого, кто-то добавлял уксус, а кто-то искал «идеальный» способ. Так появился в шуйском обиходе «суздальский» или «монастырский» способ засолки, который правильно было назвать «николаевским».

Тетрадный рецепт: «Огурцы вымыть, высушить, уложить в банку с чесноком, эстрагоном (тархуном), укропными зонтиками и листом хрена и оставить на сутки, накрыв крышкой. Через сутки залить кипящим рассолом (2 столовые ложки соли на 1 литр воды) и оставить на 2 суток. Затем рассол слить, вновь прокипятить и снова залить в банку и закатать крышкой». Это был длительный и трудоёмкий, но надёжный способ консервирования. Разумеется, шуяне не знали, что едят огурцы по рецепту времён Николая I. «Солёные огурчики» были особым пристрастием императора. По ведомостям 1840 г. ему подавали 5 солёных огурцов каждый день. Вот этот рецепт, адаптированный к сегодняшним реалиям: «12-литровое ведро огурцов (примерно 7 кг.), 15 зонтиков укропа, 10 листьев хрена, по 10 листьев вишни и чёрной смородины, 3 стакана зубчиков чеснока, 2 стакана соли. Огурцы промыть. В ведро на дно положить зонтики укропа и половину листьев хрена, листья вишни и смородины, чеснок. Затем уложить огурцы. Залить доверху холодной водой и всыпать соль. Сверху накрыть оставшимися листьями хрена. Накрыть ведро крышкой и оставить на 2 дня при комнатной температуре до изменения цвета огурцов. В стерилизованные банки переложить огурцы с чесноком. Слить рассол и процедить через мелкое сито. Довести рассол до кипения и залить банки с огурцами на 2-3 мин. Слить рассол из банок в кастрюлю и снова вскипятить. Залить горя-

чий рассол в банки и закатать крышками».⁴ Как говорится, найдите разницу!

Не забывали хозяйки и о десерте. Тетрадь хранит много рецептов тортов и пирогов. Но приведу только рецепт 1960-х гг. – «колбаска»: «200 г. сливочного масла и 300 г. ириса «Кис-кис» (другого не было) на слабом огне расплавить и помешивать до однородной массы. Затем засыпать ½ коробки кукурузных хлопьев (позднее их заменят на кукурузные палочки) и всё перемешать. После этого выложить массу на пергаментную бумагу (целлофан), завернуть колбаской, концы завязать, положить на холод на 1 час».

Разумеется, было много рецептов домашнего вина, главным образом яблочного. Но приведу только один, который и дал название статье. В то время в магазинах было только 2 вида сока в 3-литровых банках: виноградный и томатный. Иногда его покупали, чтобы потом использовать банку для консервирования – сок был дешёвый, а банок всегда был дефицит. Видимо, так и родился этот рецепт. «В 3-литровую банку виноградного сока, отлив ½ литра, залить 1/2 литра водки и засыпать истёртую на мелкой тёрке 100г плитку шоколада, закрыть крышкой и поставить в тёмное место на 2 недели». Рецепт кончался фразой: «И будет коньяк». Не знаю, не пробовал, был тогда мал!

¹ Лазерсон И., Спичка М. «КГБ, или Как Готовили Бабушки. Секреты фирменных блюд, рецепты праздничные и повседневные». – М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016.

² Книга о вкусной и здоровой пище. – М.: Пищепромиздат, 1955. – С.1.

³ Ипполитов С. Чем кормили А. С. Пушкина в имении семьи Гончаровых // Родина. – 2016. – № 8. – С.99.

⁴ Зайцева Е. Яичница для Екатерины Великой // Родина. – 2016. – № 1. – С.88.

СОДЕРЖАНИЕ

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

• Бутрин Е. С.	Государственная мобилизация «работных людей» в Шуе в конце XVII века	3
• Бутрин Е. С.	Шуйская посадская община и губные старосты в XVII веке: история взаимоотношений.	12
• Бутрин Е. С.	Рекрутские сборы в Шуе в начале XVII века. . .	22
• Монякова О. А.	Первые выборы в Шуйское земство.	31
• Монякова О. А.	«О приглашении духовенства Владимирской епархии к открытию приходских библиотек»: церковные библиотеки Шуйского уезда в 1850-1870-х годах	38
• Ставровский Е. С.	Легенды и мифы села Мельничное	43

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

• Монякова О. А.	Библиотечное дело в провинции в дореформенное десятилетие (1850-1860-е годы)	46
• Монякова О. А.	Народные чтения как фактор повышения культурно-образовательного уровня населения в кон. XIX – нач. XX в.: законодательный аспект	53
• Красницкая Т. А.	«Желаю получить звание учителя церковно-приходской школы...»	58
• Харитонов С. С.	Проблемы повседневности пореформенной российской провинции II-й половины XIX века в художественных очерках писателя-народника И. Н. Харламова	63
• Кудряшова С. Б.	Новый взгляд на атрибуцию музейного предмета	67
• Буслаева О. С.	Организация отдыха учащихся женских гимназий Владимирской и Костромской губерний в конце XIX – начале XX века	72
• Балдин К. Е.	Цирковое искусство в Иваново-Вознесенске в начале XX века.	77
• Новичкова Н. Ю.	О деятельности полиции по обеспечению пожарной безопасности в губерниях и уездах Российской империи в пореформенный период	82
• Монякова О. А.	Дореволюционный криминал в Шуйском и Ковровском уездах	87
• Гулидов А. Ю.	Цена подвига: социальное обеспечение семейств матросов «Варяга»	91

- **Мотовилов А. И.** Большевики и рабочие во время всеобщей забастовки в Иваново-Вознесенске весной-летом 1905 года 96
- **Несмиян О. А.** «Новые обстоятельства» и фабричные производства Д. Г. Бурылина в 1918 году. 100

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

- **Иванов Ю. А.** Семейная история в случайных письмах 104
- **Иванов Ю. А.** «И будет коньяк...».
Кулинарные секреты шуян 1960-х годов 106

Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. X. – Шуя, 2016. – 112 с.

Технические редакторы: Е.В. Ставровская, Е. Ю. Фаркова

Подписано к печати 05.10.2016 Формат 60х84/16
Бумага ксероксная. Печать ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. листов 7,25 Тираж 300 экз.

Издательство ФГОУ ВО Шуйский филиал «ИвГУ»
155908 г. Шуя Ивановской области ул. Кооперативная д. 24
Телефон (49351) 4-65-94.
Е-mail: SwaneFF@yandex.ru
www.sgpu.tpi.ru

Отпечатано в ЧП «Полиграфия-Центр»
155900 г. Шуя ул. Ленина д. 30, тел. (49351) 4-44-04.